

РІК
ЛИЦЕЙ

Б 283

109057

УРГУ

БИБЛИОТЕКА

ИМПЕРАТОРСКАГО

АЛЕКСАНДРОВСКАГО ЛИЦЕЯ

КОМНАТА

C

ШКАФЪ

XXXI

ПОЛКА

5

№

4341

ИНВЕНТАРЯ

АГО

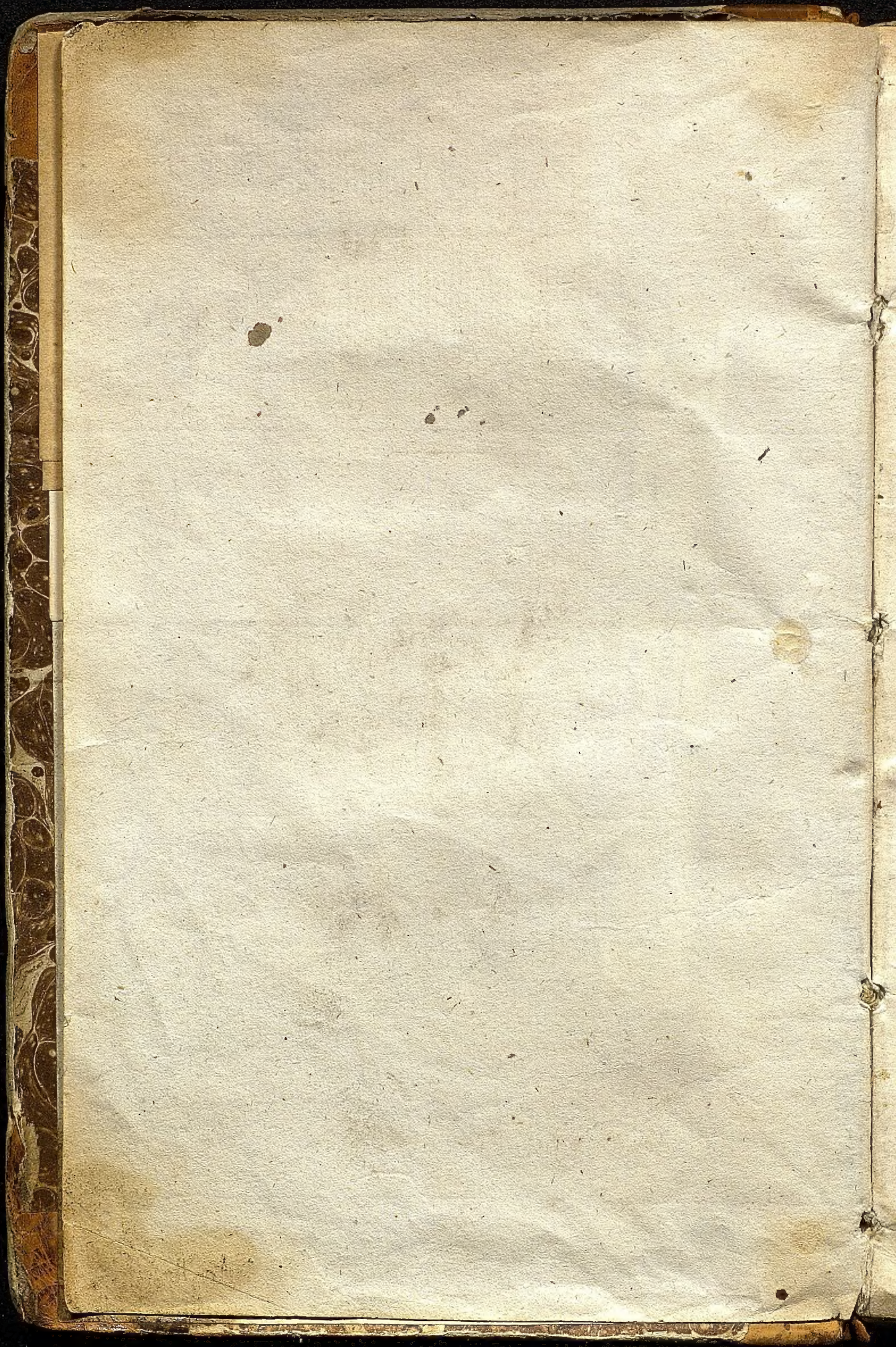
2074

2000

ам. 28874

109057

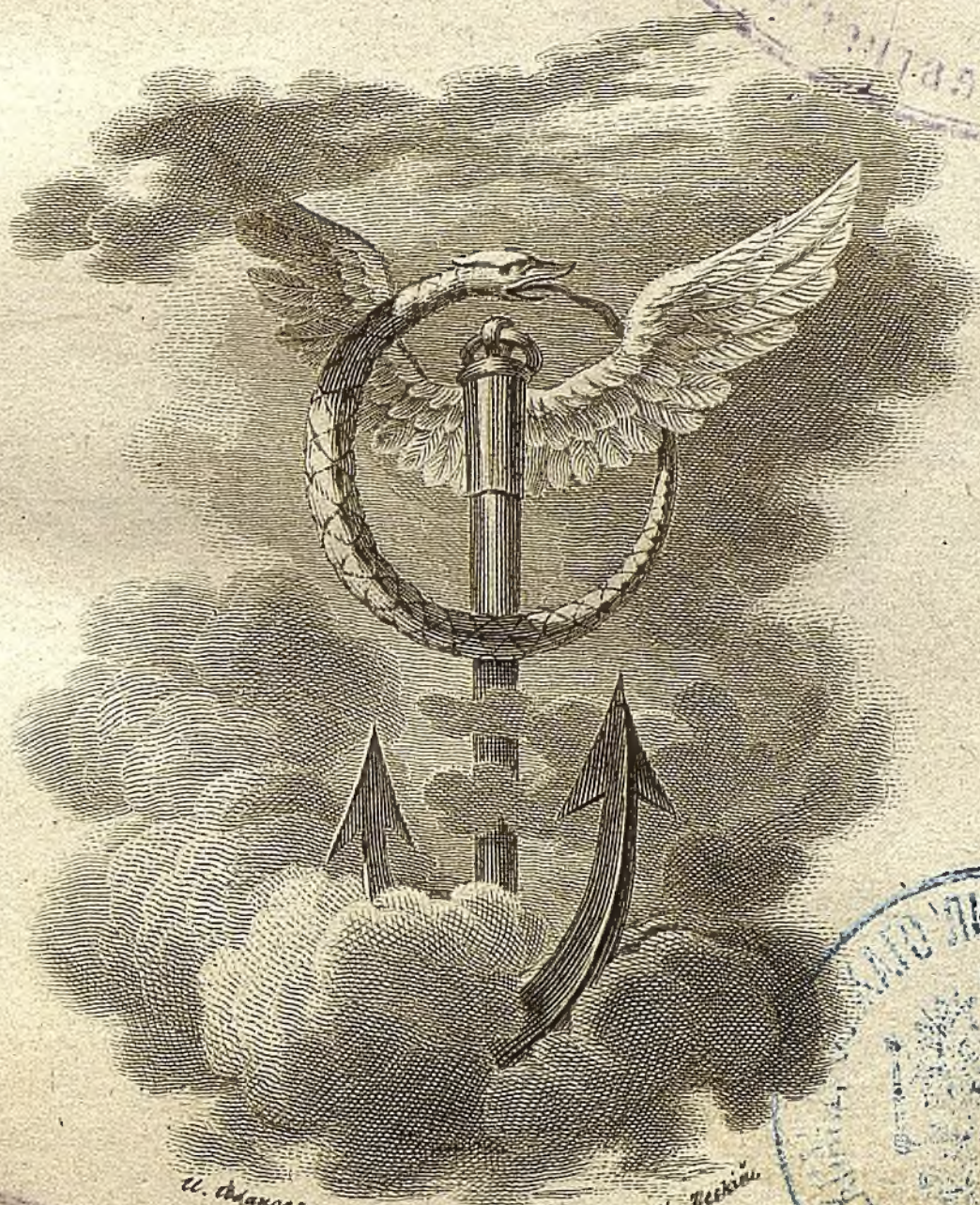
3716

Ф 38622

ОПЫТЫ
ВЪ СТИХАХЪ И ПРОЗѢ

К. Батюшкова.

и. Мавров

и. Редкий

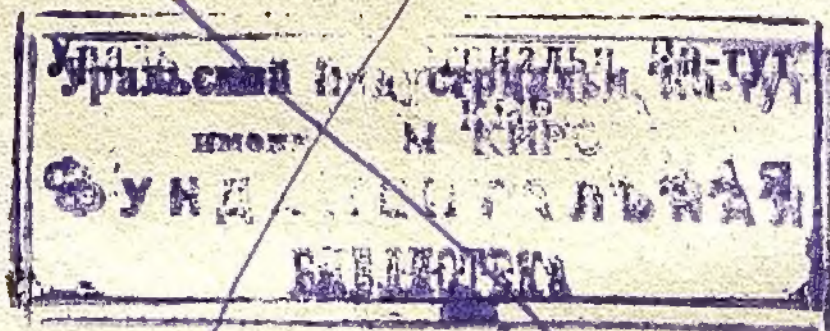
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ

349/8
750607

4756.

8 p

ор38622

ОПЫТЫ

ВЪ СТИХАХЪ и ПРОЗѢ

Константина Батюшкова.

ЧАСТЬ I.

ПРОЗА.

Et quand personne ne me lira, ay ie perdu mon
temps, de m'estre entretenu tant d'heures oysives
à pensemens utiles ou agréables?

MONTAIGNE.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1817.

8p

Пр. 1940

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи до выпуска
изъ типографіи, представлены были въ Цен-
зурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей
книги для Цензурнаго Комитета, другой
для Департамента Министра Народнаго
Просвѣщенія, два экземпляра для импера-
торской Публичной Библіотеки и одинъ для
Императорской Академіи Наукъ.

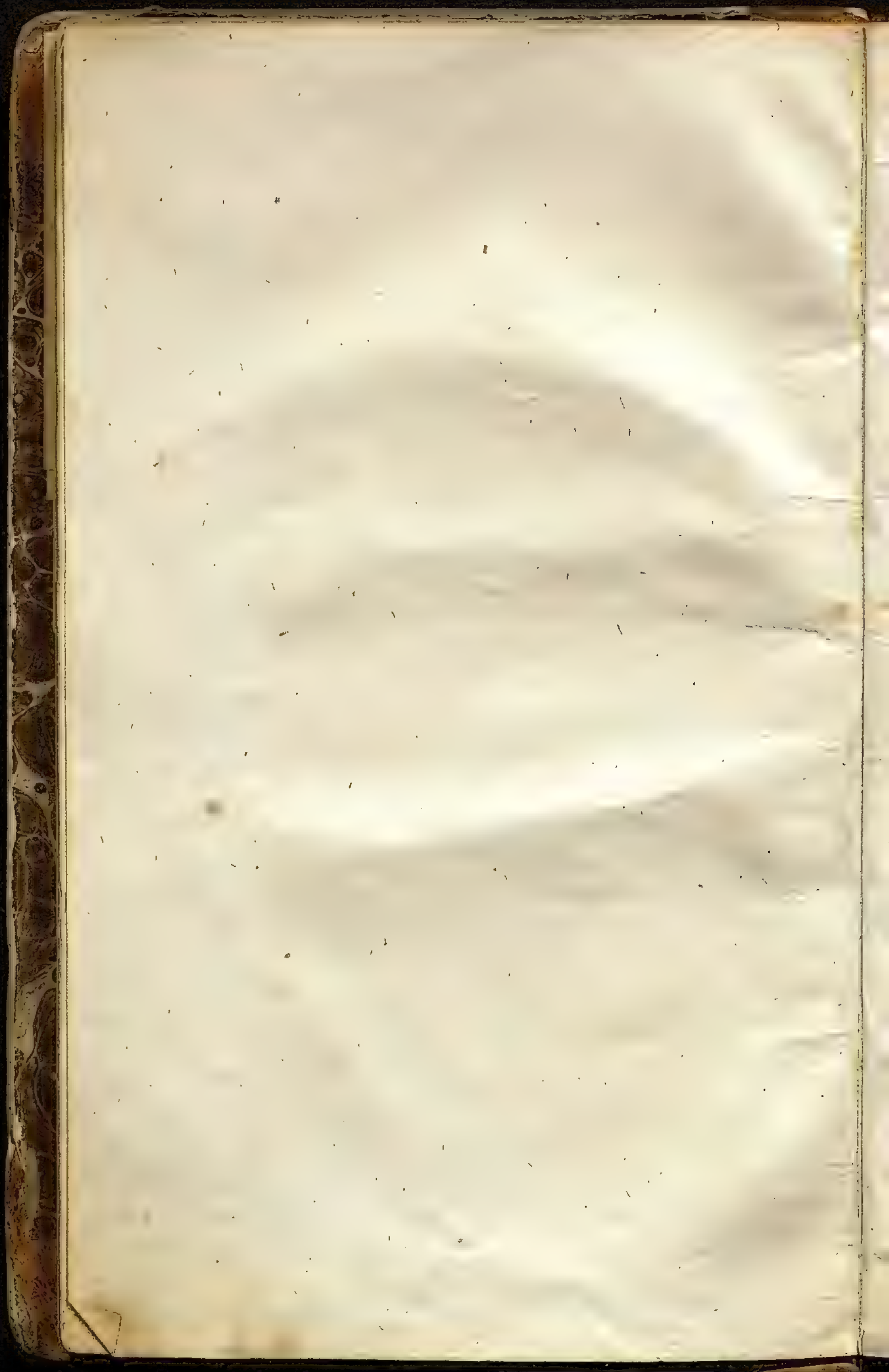
Санктпетербургъ. Декабря 30 дня, 1816 года.

*Цензоръ Стат. Совѣтникъ и Кавалеръ
Ис. Тиликовской.*

Въ двухъ сихъ книжкахъ помѣ-
щены почти всѣ произведенія Г. Ба-
тюшкова въ Стихахъ и Прозѣ, раз-
сѣянные по разнымъ періодическимъ
изданіямъ и присоединены еще новыя,
нигдѣ не печатанныя. Говорить объ
нихъ въ предисловіи я почишаю излиш-
нимъ. Скажу только что случай,
доставившій мнѣ средства, предпри-
нявъ сіе изданіе я почишаю пріятнѣй-
шимъ въ жизни: ибо увѣренъ, что
удовлетворю желаніе просвѣщенныхъ
любителей Словесности.

Н. Гнѣдигъ.

ОПЫТЫ ВЪ ПРОЗѢ.

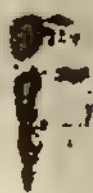
ОПЫТЫ ВЪ ПРОЗѢ.

I.

Р Ъ Ч Ъ

О ВЛІЯНІИ ЛЕГКОЙ ПОЭЗІИ НА ЯЗЫКЪ,
ЧТАННАЯ ПРИ ВСТУПЛЕНІИ ВЪ ОБЩЕСТВО
ЛЮБИТЕЛЕЙ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ ВЪ
МОСКВѢ. Іюля... 1816.

Избраніе меня въ Сочлены ваши
есть новое свидѣтельство, Мм. Гг., ва-
шей снисходительности. Вы обращае-
те внимательные взоры не на одно да-
рованіе, вы награждаете слабые тру-
ды и малѣйшіе успѣхи; ибо имѣете
въ виду важную цѣль: будущее богат-
ство языка, столь тѣсно сопряжен-
ное съ образованностію гражданскою,
съ просвѣщеніемъ, и слѣдственно — съ
благоденствіемъ страны славнѣйшей и
обширнѣйшей въ мірѣ. По заслугамъ
моимъ я не имѣю права засѣдать съ

вами; но если усердіе къ Словесности есть достоинство, то по пламенному желанію усовершенствованія языка нашего, единственно по любви моей къ Поэзии, я могу смѣло сказать, что выборъ вашъ соотвѣтствуетъ цѣли Общества. Записки мои были маловажны, но непрерывны. Они были предъ вами краснорѣчивыми свидѣтелями моего усердія, и доставили мнѣ счастье засѣдать въ древнѣйшемъ святилищѣ Музъ отечественныхъ, которое воз-
раждается изъ пепла вмѣстѣ съ Столицею Царства Русскаго, и со временемъ будетъ достойно ея древняго величія.

Обозрѣвая мысленно обширное поле Словесности, необъятные труды и подвиги ума человѣческаго, драгоценныя сокровища Краснорѣчія и Стихотворства, я съ горестію познаю и чувствую слабость силъ и маловажность записокъ моихъ; но утѣшаюсь мыслию, что успѣхи и въ малѣйшей отрасли Словесности могутъ быть полезны языку нашему. Эпоса, Дра-

машинское искусство, Лирическая Поэзія, Исторія, Краснорѣчіе духовное и гражданское пребываютъ великихъ усилій ума, высокаго и пламеннаго воображенія. Щасливы тѣ, которые похищаютъ палму первенства въ сихъ родахъ: имена ихъ становящіяся безсмертными; ибо щасливѣя произведенія творческаго ума не принадлежатъ одному народу исключительно, но дѣлаются достояніемъ всего чело-вѣчества. Особенно великія произведенія Музъ имѣютъ вліяніе на языкъ новый и необработанный. Ломоносовъ тому явный примѣръ. Онъ преобразовалъ языкъ нашъ, созидая образцы во всѣхъ родахъ. Онъ тоже учинилъ на трудномъ поприщѣ Словесности, что Пётръ Великій на поприщѣ гражданскомъ. Пётръ Великій пробудилъ народъ усыпленный въ оковахъ невѣжества; Онъ создалъ для него законы, силу военную и славу: Ломоносовъ пробудилъ языкъ усыпленнаго народа; онъ создалъ ему Краснорѣчіе и Спихотворство, онъ испыталъ его силу во всѣхъ родахъ и приготовилъ для грядущихъ

шаланшовъ вѣрныя орудія къ успѣхамъ. Онъ возвелъ въ свое время языкъ Русской до возможной степени совершенства — возможной, говорю, ибо языкъ идешь всегда наравнѣ съ успѣхами оружія и славы народной, съ просвѣщеніемъ, съ нуждами общества, съ гражданскою образованностію и людскою. Но Ломоносовъ, сей исполниль въ наукахъ и въ искусствѣ писать, испытывая Русской языкъ въ важныхъ родахъ, желалъ обогатить его изысканными выраженіями Анакреоновой Музы. Сей великій образователь нашей Словесности, зналъ и чувствовалъ, что языкъ просвѣщеннаго народа долженъ удовлетворять всѣмъ его потребностямъ, и состоять не изъ однихъ высокопарныхъ словъ и выраженій. Онъ зналъ, что у всѣхъ народовъ, и древнихъ и новѣйшихъ, легкая Поэзія, которую можно назвать прелестною роскошью Словесности, имѣла отличное мѣсто на Парнасѣ и давала новую пищу языку стихотворному. Греки восхищались Омеромъ и пріема Трагиками, вельрѣчіемъ Историковъ своихъ, убѣ-

дишельнымъ и спремишельнымъ краспорѣемъ Демосѣена: по Віонъ, Мосхъ, Симонидъ, Теокрышъ, мудрецъ Теооскій и пламенная Сафо были увѣнчаны современниками. Римляне, побѣдители Грековъ оружіемъ, не талантомъ, подражали имъ во всѣхъ родахъ: Цицеронъ, Виргилій, Горацій, Титъ-Ливій и другіе соспязались съ Греками. Важные Римляне, потомки суровыхъ Коріолановъ, внимали имъ съ удивленіемъ; но Эропическую Музу Капулла, Тибулла и Проперція не отвергали. По возрожденіи Музъ, Петрарка, одинъ изъ учѣнѣйшихъ мужей своего вѣка, свѣшнильникъ Богословіи и Полишники, одинъ изъ первыхъ создателей славы возраждающей Италіи изъ развалинъ классическаго Рима, Петрарка, немедленно шествуя за суровымъ Даншомъ, довершилъ образованіе великолѣннаго нарѣчія Тосканскаго, подражая Тибулла, Овидію и Поэзіи Мавровъ, исполненной воображенія и нѣги. Маро, Царедворецъ Франциска I, извѣстный по Эропическимъ стихотвореніямъ, былъ одинъ изъ первыхъ образователей языка Француз-

скаго , котораго владычество , почти пагубное, распространилось на всѣ народы, не достигшіе высокой степени просвѣщенія. Въ Англіи Валлеръ, пѣвецъ Захариссы, въ Германіи Гагедорнъ, и другіе Писатели, предшественники Творца Мессіады и великаго Шиллера, спѣшили жертвовать Граціамъ и говорить языкомъ спасенія и любви, любимѣйшимъ языкомъ Музъ, по словамъ глубокомысленнаго Монпаня. У насъ, преемникъ лиры Ломоносова, Державинъ — котораго одно имя истинный талантъ произноситъ съ благоговѣніемъ, — Державинъ, вдохновенный Пѣвецъ высокихъ истинъ, и въ зиму дней своихъ любилъ опдыхать со спарцемъ Θεосскимъ. По слѣдамъ сихъ Поэтовъ, множество Писателей отличились въ эпическомъ родѣ, по видимому спользуясь легкостью, но въ самомъ дѣлѣ имѣющимъ великія трудности и препятствія, особенно у насъ; ибо языкъ Русской, громкій, сильный и выразительный, сохранялъ еще нѣкоторую суровость и упрямство, совершенно исчезающія даже подъ перомъ опытнаго та-

ланша , поддержаннаго наукою и пер-
пѣніемъ.

Главныя достоинства стихотвор-
наго слога суть: движеніе , сила , яс-
ность. Въ большихъ родахъ, чисташель,
увлеченный описаніемъ спраспей, ослѣп-
ленный живѣйшими красками Поэзіи,
можешь забыть недоспашки и неров-
ности слога, и съ жадностію внимаешь
вдохновенному Поэту, или дѣйствующе-
му лицу, имъ созданному. Во время
предспавленія, какой холодный зри-
тель будетъ искашь ошибокъ въ сло-
гѣ, когда Полинникъ, лишенный вѣнца
и внутренняго спокойствія, въ слезахъ,
въ опчаяніи бросается къ стопамъ
разгнѣваннаго Эдипа? Но сіи ошибки,
поучительныя для дарованія, замѣчаешь
просвѣщенный Крипикъ въ тишинѣ
своей учебной храмины: каждое слово,
каждое выраженіе онъ взвѣшиваетъ на
вѣсахъ спрогаго вкуса; опвергаетъ сла-
бое, ложно блестящее, невѣрное, и
научаетъ наслаждаться истинно пре-
краснымъ. — Въ легкомъ родѣ Поэзіи,
чисташель пребуешь возможнаго совер-

шенства, чистоты выраженія, стройности въ слогѣ, гибкости, плавности; онъ пребудетъ истинны въ чувствахъ и сохраненія спрочайшаго приличія во всѣхъ отношеніяхъ; онъ пошчасъ дѣлаеиъ спрочимъ судьбою, ибо вниманіе его ничѣмъ сильно не развлекаеиъ. Красивость въ слогѣ здѣсь нужна необходимо и ничѣмъ замѣнишь не можеиъ. Она естъ тайна, извѣстная одному дарованію и особенно постоянному напряженію вниманія къ одному предмету: ибо Поэзія и въ малыхъ родахъ, естъ искусство трудное и пребудующее всей жизни и всѣхъ усилій душевныхъ; надобно родиться для Поэзіи; этого мало: родясь надобно сдѣлаться Поэтомъ, въ какомъ бы то ни было родѣ.

Такъ называемый Эротической и вообще легкой родъ Поэзіи воспріять у насъ начало со временъ Ломоносова и Сумарокова. Опыты ихъ предшественниковъ были маловажны: языкъ и общество еще не были образованы. Мы не будемъ исчислять всѣхъ видовъ, раз-

дѣленій и измѣненій легкой Поэзіи, которая менѣе или болѣе принадлежитъ важнымъ родамъ: но замѣтимъ, что на поприщѣ изящныхъ искусствъ, подобно какъ и въ нравственномъ мірѣ, ничто прекрасное и доброе не теряется; приносимъ со временемъ пользу и дѣйствуетъ непосредственно на весь составъ языка. Стихотворная повѣсть Богдановича, первый и прелестный цвѣтокъ легкой Поэзіи на языкѣ нашемъ, ознаменованный истиннымъ и великимъ талантомъ; остроумныя, неподражаемыя сказки Дмиріева, въ которыхъ Поэзія въ первый разъ украсила разговоръ лучшаго общества; посланія и другія произведенія сего стихотворца, въ которыхъ Философія оживилась неувыдающими цвѣтами выраженія; басни его, въ которыхъ онъ боролся съ Лафонтеномъ и часто побѣждалъ его; басни Хемницера, и оригинальныя басни Крылова, которыхъ остроумныя, щастливыя стихи сдѣлались пословицами, ибо въ нихъ видѣтъ и тонкій умъ наблюдателя свѣта, и рѣдкой талантъ; стихотворенія Карамзина, исполненныя

чувства, образецъ ясности и стройности мыслей; Гораціанскія оды Капниста; вдохновенныя спрасію пѣсни Нелединскаго; прекрасныя подражанія древнимъ Мерзлякова; баллады Жуковского, сіяющія воображеніемъ, часпо своеправнымъ, но всегда пламеннымъ, всегда сильнымъ; стихотворенія Воспокова, въ которыхъ видно отличное дарованіе Поэта, напишаннаго чтеніемъ древнихъ и Германскихъ Писателей; наконецъ стихотворенія Муравьева, гдѣ изображается, какъ въ зеркалѣ, прекрасная душа его; посланія К. Долгорукова, исполненныя живости; нѣкоторыя посланія Воейкова, Пушкина и другихъ новѣйшихъ Стихотворцевъ, писанныя слогомъ чистымъ и всегда благороднымъ: (*) всѣ сіи блестящія произведенія дарованія и оспроумія, менѣе или болѣе приблизились къ желанному совершенству, и всѣ — нѣтъ сомнѣнія — принесли пользу языку стихотворному, образовали его, очисти́ли, утвердили. Такъ свѣтлыя ручьи, текущіе разными

(*) Смотри примѣчаніе А.

излучинами по одному постоянному наклоненію, соединяясь въ долины, образуютъ глубокія и обширныя озера: благодѣшельныя воды сіи не изсякаютъ отъ времени; напрошивъ того, онѣ возрастаютъ и увеличиваются съ вѣками, и вѣчно сущесwвуютъ для блага земли, ими орошаемой!

Въ первомъ періодѣ Словесности нашей со временъ Ломоносова, у насъ много написано въ легкомъ родѣ; но малое число стиховъ спаслось отъ общаго забвенія. Главною тому причиною можно положить не одинъ недостатокъ таланта или измѣненіе языка, но измѣненіе самаго общества; большую его образованность и, можетъ быть, большее просвѣщеніе, требующія отъ языка и Писателей большаго знанія свѣта и сохраненія его приличій: ибо сей родъ Словесности непрестанно напоминаетъ объ обществѣ; онъ образованъ изъ его явленій, странностей, предразсудковъ, и долженъ быть яснымъ и вѣрнымъ его зеркаломъ. Большая часть Писателей, мною

названныхъ, провели жизнь свою посреди общества Екашеринна вѣка, столь благопріятнаго наукамъ и Словесности; тамъ заимствовали они эту людскость и вѣжливостъ, это благородство, которыхъ оппечашокъ мы видимъ въ ихъ твореніяхъ: въ лучшемъ обществѣ научились они угадывать тайную игру страстей, наблюдать нравы, сохраняя все условія и отношенія свѣтскія и говорить ясно, легко и пріятно. Этого мало: все сіи Писатели обогатились мыслями въ прилежномъ чтеніи иностранныхъ Авторовъ, иныя древнихъ, другіе новѣйшихъ, и запаслись обильною жатвою словъ въ нашихъ старинныхъ книгахъ. Все сіи Писатели имѣютъ истинный талантъ, испытанный временемъ; истинную любовь къ лучшему, благороднѣйшему изъ искусствъ, къ Поэзіи, и уважаютъ, смѣю сказать, боготворять свое искусство, какъ лучшее достолюбіе челоука образованнаго, истинный даръ Неба, который доставляетъ намъ чистѣйшія наслажденія посреди заботъ и терній жизни, который даетъ намъ то, что

мы называемъ безсмертіемъ на земли — мечту прелестную для душъ возвышенныхъ!

Всѣ роды хороши, кромѣ скучнаго. Въ Словесности всѣ роды приносятъ пользу языку и образованности. Одно невѣжественное упрямство любитъ и старается ограничить наслажденія ума. Истинная, просвѣщенная любовь къ искусствамъ снисходительна, и, такъ сказать, жадна къ новымъ духовнымъ наслажденіямъ. Она ничѣмъ не ограничивается, ничего не желаетъ исключить и никакой отрасли Словесности не презираетъ. Шекспиръ и Расинъ, драма и комедія, древній экзамеръ и ямбъ, давно присвоенный нами, Пиндарическая ода и новая баллада, эпосъ Омера, Аріоста и Клоушпока, столь различные по изобрѣщенію и формамъ, ей равно извѣстны, равно драгоценны. Она съ любопытствомъ замѣчаетъ успѣхи языка во всѣхъ родахъ, ничего не чуждается, кромѣ того, что можетъ вредить правамъ, успѣхамъ просвѣщенія и здравому вкусу (я беру

сіе слово въ обширномъ значеніи). Она съ удовольствіемъ замѣчаетъ дарованіе въ толпѣ Писателей и гошова ему подасть полезныя совѣты: она, какъ говоритъ Поэтъ, гошова обнятъ

Въ опважномъ мальчикѣ грядущаго Поэта!

Ни расколы, ни зависть, ни пристрастіе, никакіе предразсудки ей неизвѣстны. Польза языка, слава Опечесива: вошъ благородная ея цѣль! Вы, Мм. Гг., являете прекрасный примѣръ, созывая дарованія со всѣхъ сторонъ, безъ лицепріятія, безъ пристрастія. Вы говорите каждому изъ нихъ: неси-те, неси-те свои сокровища въ обителъ Музъ, опверзную каждому шланшу, каждому успѣху; совершите прекрасное, великое, святое дѣло: обогатите, образуйте языкъ славнѣйшаго народа, населяющаго почти половину міра; поравняйте славу языка его со славою военною, успѣхи ума съ успѣхами оружія. Важныя Музы подаю-тъ здѣсь дружественно руку млад-

шимъ сеспрамъ своимъ, и олшаръ вкуса обогащается ихъ взаимными дарами.

И когда удобнѣе совершить желаемый подвигъ? въ какомъ мѣстѣ приличнѣе? Въ Москвѣ, споль краснорѣчивой и въ развалинахъ своихъ, близъ полей, ознаменованныхъ неслыханными доселѣ побѣдами, въ древнемъ Опечеспвѣ славы и новаго величія народнаго!

Такъ! съ давняго времени все благопріятствовало дарованію въ Университетѣ Московскомъ, въ старшемъ святилищѣ Музъ опечеспвенныхъ. Здѣсь пламенный ихъ любитель съ радоспію созерцаесть слѣды просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ покровителей. Имя Шувалова, перваго Мецената Русскаго, сливается здѣсь съ громкимъ именемъ Ломоносова. Между знаменитыми Покровителями наукъ мы обрѣтаемъ Хераскова: Творецъ Россіады посвщаль сїи мирныя убѣжища; онъ покровительствовалъ сему разсаднику наукъ; онъ первый ободрялъ возникающій планъ,

и славу Писателя соединилъ съ другою славою, не менѣе лестною для души благородной, не менѣе прочною, со славою покровителя наукъ. Муравьевъ, какъ человекъ Государственный, какъ Попечитель, принималъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ Университета, которому въ молодости былъ обязанъ своимъ образованіемъ. (*) Подъ руководствомъ славнѣйшихъ Профессоровъ Московскихъ, въ недрахъ своего Общества, онъ пріобрѣлъ сіи обширныя свѣдѣнія во всѣхъ отрасляхъ ума человеческого, которыми нерѣдко удивлялись ученые иностранцы: за благодѣянія наставниковъ онъ платилъ благодѣяніями сему Святилищу наукъ: имя его будетъ любезно сердцамъ добрымъ и чувствительнымъ: имя его напоминаетъ всѣ заслуги, всѣ добродѣтели, — ученость обширную, утвержденную на прочномъ основаніи, познаніи языковъ древнихъ; рѣдкое искусство писать онъ умѣлъ соединить съ искреннею крошосоію, съ снисхожденіемъ.

(*) Смори примѣчаніе В.

29/1/15 ~~750601~~

у обязанъ
и з а м е н т а
о ц в н и ш в а ч ч о й
библиотеки
Уч. Г. У.
рано по-о в д

свидѣше-
гошвори-
ародной !

Онъ не будетъ свидѣлемъ новыхъ успѣховъ Словесности въ щастливѣйшія времена для Наукъ и просвѣщенія: ибо никогда, ни въ какое время обстоятельствъ не были имъ столько благопріятны. Храмъ Януса закрытъ рукою Победы, неразлучной соупницы Монарха. Великая душа Его улаждаетъ успѣхами ума въ спранъ, ввѣренной Ему святымъ Провидѣніемъ, и каждый трудъ, каждый полезный подвигъ щедро Имъ награждается. Въ недавнемъ времени, въ лицѣ славнаго Писателя Онъ ободрилъ всѣ отечественныя таланты: и нѣтъ сомнѣнія, что всѣ благородныя сердца, всѣ Патриоты съ признательностію благословяють руку, которая столь щедро награждаетъ полезные труды, постоянство и чистую славу Писателя, извѣстнаго и въ спранахъ опдаленныхъ, и которымъ должно гордиться Отечество. Правительство благодѣтельное и прозорливое, пользуясь щастливѣйшими обстоятельствами: тишиною виѣшнею и внутреннею Государства, опверзаетъ снова всѣ пути къ просвѣщенію. Подъ его

руководствомъ процвѣтутъ Науки, Художества и Словесности, коснѣющія посредѣ шума военнаго; процвѣтутъ всѣ отрасли, всѣ способности ума человѣческаго, которыя только въ неразрывномъ и тѣсномъ союзѣ ведутъ народы къ истинному благоденствію, и славу его дѣлаютъ прочною и незыблемою. — Самая Поэзія, которая питается ученіемъ, возрастаетъ и мужаетъ наравнѣ съ образованіемъ общества, Поэзія принесетъ зрѣлые плоды и доставитъ новыя наслажденія душамъ возвышеннымъ, рожденнымъ любовью и чувствованіемъ изящное. Общество приметъ живѣйшее участіе въ успѣхахъ ума: и тогда имя Писателя, Ученаго и оплічнаго Стихотворца не будетъ дико для слуха: оно будетъ возбуждать въ умахъ всѣ понятія о славіи Отечества, о достоинствѣ полезнаго гражданина. Въ ожиданіи сего щасливаго времени, мы совершимъ все, что въ силахъ совершить. Дѣятельное покровительство блюстителей просвѣщенія, которымъ сіе общество обязано существова-

ніемъ; рвеніе, съ которымъ мы присту-
паемъ къ важнѣйшимъ трудамъ въ Сло-
весности; безприсраспіе, которое
мы желаемъ сохранить посреди разно-
гласныхъ мнѣній, еще непросвѣщен-
ныхъ здравою крипикою: все общаетъ
намъ вѣрные успѣхи; и мы достигнемъ,
по крайней мѣрѣ приблизимся къ же-
лаемой цѣли, одушевленные именами
пользы и славы, руководимые безпри-
спраспіемъ и крипикою.

ПРИМѢЧАНІЯ.

А) Похвала или порицаніе частнаго человека не есть приговоръ общественнаго вкуса. Исчисляя Спихопворцевъ, опличившихся въ легкомъ родѣ Поэзіи, я старался сообразоваться со вкусомъ общественнымъ. Можетъ быть я во многомъ и ошибся; но мнѣніе мое сказалъ чистосердечно, и чинашель скорѣе обличить меня въ невѣжество, нежели въ приспращіи. Надобно имѣть нѣкоторую смѣлость, чтобы порицать дурное въ Словесности; но едва ли не потребно еще болѣе храбрости тому, кто вздумаетъ хвалить то, что истинно достойно похвалы.

В) Добро никогда не теряется, особливо добро, сдѣланное Музамъ: онѣ чувствительны и благодарны. Онѣ записали въ скрижаляхъ славы имена Шувалова, Г. Спирогонова, и Г. Н. П. Румянцева, кошорый и понынь удо-

ешойваешь ихъ своего покровитель-
ства. Какое доброе сердце не замѣ-
тишь съ чистѣйшею радостію, что
онѣ осыпали цвѣтами гробницу Му-
равьева? Ученый Рихтеръ, почтенный
Сочинитель Исторіи Медицины въ Рос-
сиі, въ прекрасной рѣчи своей, гово-
ренной имъ въ Московской Медикохи-
рургической Академіи, и Г. Мерзля-
ковъ, извѣстный Профессоръ Москов-
скаго Университета, въ предисловіи
къ *Виргиліевымъ Эклогамъ*, упоми-
нали о немъ съ чувствомъ, съ жаромъ.
Нѣкоторые Стихотворцы, изъ числа
ихъ Г. Воейковъ въ посланіи къ Эми-
лію, и Г. Буринскій, слишкомъ рано
похищенный смертію съ попрѣща Сло-
весности, говорили о немъ въ стихахъ
своихъ. Послѣдній, оплакавъ кончину
храбраго Генерала Глѣбова, продол-
жаешь;

О Провидѣніе! ропшати я не дерзаю!...
Но — слабый — не могу не плакать предъ
тобой:
Тамъ въ славѣ, въ щастіи злодѣя созерцаю,
Здѣсь вянешь, какъ шрава, мужъ крошкій и
благой!

Слезъ горестныхъ пошокъ еще не осушился,
Еще мы... Злобный рокъ навѣки насъ ли-
шилъ

Того, кто щастіемъ Парнасса веселился.

.....

Гдѣ ты, о Муравьевъ! прямое украшеніе,
Парнасса Русскаго любитель, нѣжный другъ?
Увы! зачѣмъ среди снѣзи благошворенія,
Какъ въ добродѣтеляхъ мужаль швой крош-
кѣй духъ,

Ты рано похищенъ опъ нашихъ ожиданій?
Гдѣ страсть швоя къ добру? сей душу из-
бранныхъ даръ?

Гдѣ рано собранно сокровище познаній?

Гдѣ, гдѣ усердія въ груди горѣвшій жаръ,
Служишь Отечеству, сіяя средь немногихъ,
Прямыхъ его сыновъ, шворившихъ честь ему?
Любезность разума и прелестъ нравовъ
крошкихъ —

Исчезло все!... Увы!... честь праху швоему!

II. НѢЧТО О ПОЭТѢ

и ПОЭЗИИ.

Поэзія — сей пламень небесный, копорый менѣе или болѣе входитъ въ составъ души человѣческой — сіе сочетаніе воображенія, чувствительности, мечтательности — Поэзія, нерѣдко соспавляетъ и муку и наслажденіе людей, единственно для нее созданныхъ. *Вдохновеніемъ* генія тревожится Поэтъ, сказалъ извѣстный Спихопворецъ. Это совершенно справедливо. Есть минушы дѣятельной чувствительности: ихъ испытывали люди съ истиннымъ дарованіемъ; ихъ-то должно ловить на лешу Живописцу, Музыканту, и болѣе всѣхъ, Поэту: ибо онъ рѣдки, преходящи и зависятъ часто отъ здоровья, отъ времени, отъ вліянія вѣшнихъ предметовъ, которыми по произволу мы управляемъ не

въ силахъ. Но, въ минушу вдохновенія, въ сладоспную минушу очарованія поэтическаго, я никогда не взялъ бы пера моего, если бы нашелъ сердце способное чувствовать вполнѣ то, что я чувствую; если бы могъ передать ему всѣ тайныя помышленія, всю свѣжестъ моего мечтанія и заспавить въ немъ пррешать тѣ же струны, копорыя издали голосъ въ моемъ сердцѣ. Гдѣ сыскать сердце, готовое раздѣлять съ нами всѣ чувства и ощущенія наши? Нѣтъ его съ нами — и мы прибѣгаемъ къ искусству выражать мысли свои, въ сладоспной надеждѣ, что есть на землѣ сердца добрыя, умы образованные, для копорыхъ сильное и благородное чувство, щаспливое выраженіе, прекрасный стихъ и сшраница живой, краснорѣчивой прозы—суть сокровища истинныя... „Они не могутъ читать въ моемъ сердцѣ, но прочищаютъ книгу мою“— говорилъ Монпанъ; и въ самыя бурныя времена Франціи, при звукѣ оружія, при заревѣ костровъ, зажженныхъ суевѣріемъ, писалъ Опыты свои, и бесѣдуя съ доб-

рыми сердцами всѣхъ вѣковъ, забывалъ
недостойныхъ современниковъ.

Нѣкто сравнивалъ душу Поэта въ
минушѣ вдохновенія съ расплеченнымъ
въ горнилѣ мѣшаломъ: въ сильномъ и
постоянномъ пламени, онъ долго ос-
тается въ первобытномъ положеніи,
долго недвижимъ; но раскаленный —
рѣжется, закипаетъ и клокочетъ: сня-
тый съ огня, въ одну минушѣ успо-
коивается и упадаетъ. Вотъ прекрас-
ное изображеніе Поэта, котораго вся
жизнь должна приготавливать нѣсколько
плодотворныхъ минушъ: всѣ предме-
ты, всѣ чувства, все зримое и незри-
мое должно распалать его душу и
медленно приближать сіи ясныя мину-
шѣ дѣятельности, въ которыя столь
легко изображать всю исторію на-
шихъ впечатлѣній, чувствъ и стра-
стей. Плодотворная минуша Поэзіи!
ты быстро исчезаешь, но оставляешь
вѣчные слѣды у людей, владычествующихъ
языкомъ боговъ.

Люди, щасливо рожденные, коно-
рыхъ природа щедро надѣлила памя-

дію, воображеніємъ, огненнымъ сердцемъ и великимъ разсудкомъ, умьющимъ давати вѣрное направленіе и памяти и воображенію, — сіи люди, имѣютъ безъ сомнѣнія даръ: выражаться, прелестный даръ, лучшее достояніе человѣка; ибо посредствомъ его онъ оставляетъ вѣрнѣйшіе слѣды въ обществѣ и имѣетъ на него сильное вліяніе. Безъ него не было бы ничего продолжительнаго, вѣрнаго, опредѣленнаго; и то, что мы называемъ безсмертіемъ на землѣ, не могло бы существовать. Вѣки мелькаютъ, памятники рукъ человѣческихъ разрушаются, изустныя преданія измѣняются, исчезаютъ; но Омеръ и книги священныя говорятъ о прошедшемъ. На нихъ основана опытность человѣческая. Вѣчные кладези, откуда мы почерпаемъ истины утѣшительныя или печальныя! что даетъ вамъ сію прочность? Искусство письма, и другое, важнѣйшее — искусство выраженія.

Сей даръ выражать и чувства и мысли свои давно подчиненъ строгой

наукѣ. Онѣ подлежатъ постояннымъ правиламъ, происшедшимъ отъ опытовъ и наблюдений. Но самое изученіе правилъ, безпрестанное и упорное наблюденіе изящныхъ образцовъ — недостаточны. Надобно, чтобы вся жизнь, всѣ тайныя помышленія, всѣ приспособленія клонились къ одному предмету, и сей предметъ долженъ быть Искусство. Поэзія, осмѣлюсь сказать, пребудетъ всего теловѣка.

Я желаю — (пускай назовутъ спраннымъ мое желаніе!) — желаю, чтобы Поэту предписали особенный образъ жизни, пищическую *Діэтику*; однимъ словомъ, чтобы сдѣлали науку изъ жизни Спихотворца. Эта наука была бы для многихъ едва ли не полезнѣе всѣхъ Аристотелевыхъ правилъ, по которымъ научаемся избѣгать ошибокъ; но какъ шворить изящное — никогда не научимся! —

Первое правило сей науки должно быть: живи какъ пишешь, и пиши какъ живешь. *Talis hominibus fuit ora-*

tio, qualis vita. — Иначе всѣ опгодо-
 ски лиры твоей будутъ фальшивы.
 Къ чему произвела тебя природа? что
 вложила въ сердце твое? Чѣмъ нѣ-
 няется воображеніе, часто прошивъ
 воли твоей? При чтеніи какого Писа-
 теля пренепалъ твой геній съ неизъ-
 яснимою радостію, и гласъ, громкій
 гласъ твоей пѣмической совѣсти вос-
 клицалъ: проснись, и ты Поэтъ! —
 При чтеніи творцовъ Эпическихъ? И
 шакъ, удались отъ общества, окружи
 себя природою: въ тишинѣ сельской,
 посреди грубыхъ, неиспорченныхъ нра-
 вовъ читай Исторію временъ прошек-
 шихъ, поучайся въ печальныхъ лѣто-
 писяхъ міра, узнавай человека и спра-
 сши его, но исполнись любви и благо-
 воленія ко всему человѣчеству: да бу-
 дутъ мысли твои важны и величе-
 ственны, движенія души твоей нѣжны
 и спрашны, но всегда покорены раз-
 судку, спокойному владѣнью ихъ.
 Этого мало! Эпическому Стихотвор-
 цу надобно все испытать, *объ форту-
 ны*. Подобно Тассу любить и спра-
 дашъ всѣмъ сердцемъ; подобно Камон-

су сражаться за Опечесство, обпекають
всѣ спраны, вопрошати всѣ народы,
дикіе и просвѣщенные, вопрошати всѣ
памятники искусства, всю природу,
которая говоритъ всегда краснорѣчи-
во и вѣрно уму возвышенному, обо-
гащенному опытами, воспоминаніями.
Однимъ словомъ, подобно, забывъ всѣ
ничтожныя выгоды жизни и самолю-
бія, пожертвовати всѣмъ — славу; и
тогда только погрузишься (не съ дер-
зостью кичливаго ума, но съ рѣшимо-
стью человека,носящаго въ груди
своей внутреннее сознаніе собствен-
ной силы), тогда только погрузишь-
ся въ бурное и пространное море
Эпопеи....

Жить въ обществѣ, носить на се-
бѣ тяжелое ярмо должностей, часто
ничтожныхъ и суебныхъ, и хотѣть
согласовати выгоды самолюбія съ же-
ланіемъ славы — есть требованіе ис-
тинно суебное. Что образъ жизни
дѣйствуетъ сильно и постоянно на
талантъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія.
Примѣръ тому Французы: ихъ Словес-

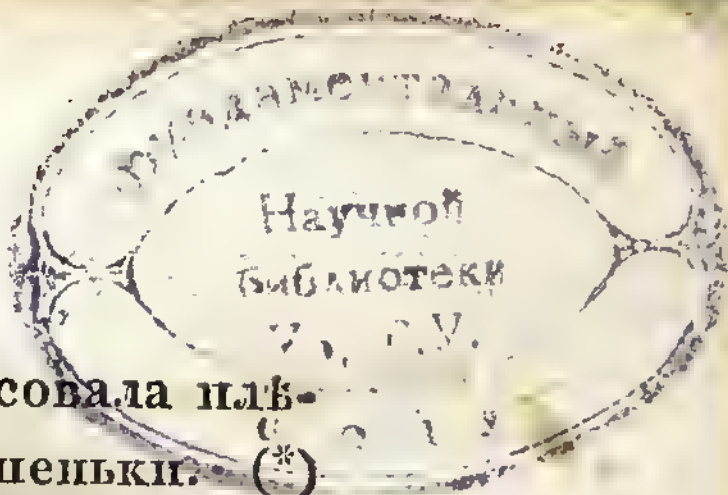
ность, столь богатая во всѣхъ родахъ, не имѣетъ ни Эпопей ни Исторіи. Ихъ Писатели по большей части жили посреди шумнаго города; посреди всѣхъ обольщеній двора и праздности; а Исторія и Эпопея пребудутъ вниманія постоянного, и сей важности, и сей душевной силы, которую общество, не только что опинимаетъ у человѣка разсѣяннаго, но уничтожаетъ совершенно. „Хотите ли быть красно-рѣчивыми Писателями? говорите красно-рѣчивая женщина нашего времени: будьте добродѣтельны и свободны, почитайте предметъ любви вашей, ищите безсмертія въ любви, Божества въ природѣ; освѣщайте душу, какъ освѣщаютъ храмъ, и Ангелъ возвышенныхъ мыслей предстанетъ вамъ во всемъ вѣдѣніи!“ Предестинныя спроки, исполненныя истины! васъ разсѣянныя умы или не поймутъ или прочтутъ съ гордымъ презрѣніемъ.

Взглянемъ на жизнь нѣкоторыхъ Стихотворцевъ, которыхъ имена столь любезны сердцу нашему. Горацій, Ка-

шулъ и Овидій такъ жили, какъ писали. Тибулъ не обманывалъ ни себя ни другихъ, говоря покровищелю своему, Мессалъ, что его не обрадуютъ ни пріумфы, ни пышный Римъ; но спокойствіе полей, здоровый воздухъ лѣсовъ, мягкіе луга, родимый ручеекъ и эша хижина съ проспымъ, соломеннымъ кровомъ — вѣшная хижина, въ кошорой Делія ожидаетъ его съ распущенными власами по высокой груди. Петрарка точно стоялъ опершись на скалу Воклюзскую, погруженный въ глубокую задумчивость, когда вылетали изъ устъ его гармоническіе стихи:

Sott' un gran sasso
In una chiusa valle, ond' esse Sorgia
Si stà: ne chi lo scorga
V'è, se no amor, che mai no'l lascia un passo
E l'immagine d'una che lo strugge.

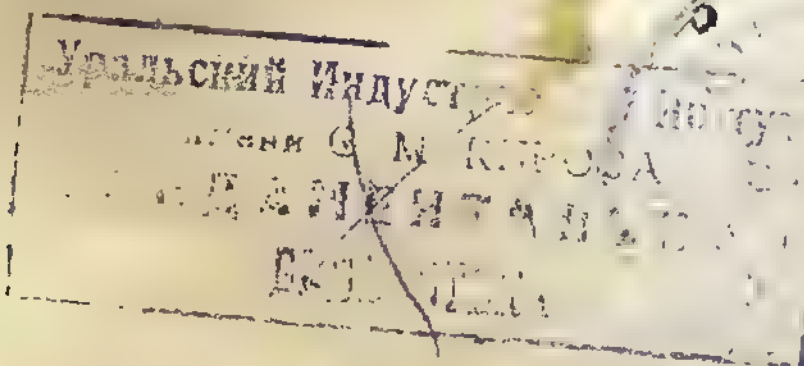
Щастливый Шолье мечталъ подъ вѣшными и тѣнистыми древами Фонтенейскаго убѣжища; тамъ сожалѣлъ онъ объ упрямъ юности, объ упрямъ невѣрныхъ наслажденій любви. Богдановичъ жилъ въ мірѣ фанпазіи, имъ со-

зданпомъ, когда рука его рисовала пла-
 ншпелное изображеніе Душеньки. (*)
 Державинъ на дикихъ берегахъ Суны,
 орошенный кипящею ея пѣною, воспѣ-
 валь Водопадъ и Бога въ пророческомъ
 изступленіи. И въ наши времена, бо-
 лѣе обильныя славою, нежели благо-
 пріятныя Музамъ, Жуковскій, опор-
 ванный Беллоною опъ милыхъ полей
 своихъ, Жуковскій, одаренный пламен-
 нымъ воображеніемъ и рѣдкою способ-
 ностию, передавалъ другимъ глубокія
 ощущенія души сильной и благород-
 ной: — въ сипанъ воиновъ, при громѣ
 пушекъ, при заревѣ пылающей Споли-
 цы, писалъ вдохновенные стихи, ис-
 полненные огня, движенія и силы.

Если образъ жизни имѣетъ столь
 сильное вліяніе на произведенія Поэта,

(*) Богдановичъ жилъ въ совершенномъ уеди-
 неніи. У него были два шоварища, до-
 стойные добродушнаго Лафонтена: кошъ
 и пѣсучъ. Объ нихъ онъ говорилъ, какъ о
 друзьяхъ своихъ, рассказывалъ чудеса, без-
 покоился объ ихъ здоровьѣ и долго оплаки-
 валъ ихъ кончину.

109057

по воспишаніе дѣйствуесть на него, еще сильнѣе. Ничто не можетъ изгладить изъ памяти сердца нашего первыхъ, сладостныхъ впечатлѣній юности! Время украшаетъ ихъ и даетъ имъ восхищительную прелесть. Въ среднемъ возрастѣ зримые предметы слабо врѣзываются въ память, и душа, утомленная ощущеніями, пренебрегаетъ ими: ее занимають однѣ спра- сии; въ преклонныхъ лѣтахъ человекъ не пріобрѣтаетъ, и послѣднимъ его сокровищемъ оспается то единствено, чѣмъ онъ запасъ себя въ молодости. Такимъ образомъ природа соединяетъ вечеръ съ утромъ жизни, какъ вечерняя заря сливается съ утреннею въ долгіе дни лѣта подъ нашимъ сѣвернымъ небомъ.

Если первыя впечатлѣнія столь сильны въ сердцѣ каждаго человека, если не изглаживаются во все теченіе его жизни; то тѣмъ болѣе они должны быть сильны и сохранять неувядаемую свѣжесть въ душѣ Писателя, одареннаго глубокою чувствительностію.

Утѣшно вспоминать подъ старость дѣш-
ски лѣшны,
Забавы, рѣзвосты, различные предметы,
Которые тогда увеселяли насъ!

Если бы мы знали подробно обстоя-
тельствва жизни великихъ Писателей,
то безъ сомнѣнія могли бы найти въ ихъ
твореніяхъ слѣды первыхъ, всегда силь-
ныхъ ощущеній. Сердце имѣетъ свою
особенную память. Руссо помнилъ на-
чало пѣсни, которую ему пѣвала
его добродушная шепка. Молодой Ари-
остъ, въ бытность свою во Флоренціи,
влюбился въ прелестную женщину.
Онъ часто посѣщалъ ее; цѣлые часы
въ глубокомъ безмолвіи просиживалъ
любясь красавицею, которая выши-
вала по серебру пурпурнымъ шелкомъ.
Впечатлѣніе прелестныхъ рукъ навсе-
гда осталось въ памяти любовника, и
столь сильно, что въ послѣдствіи вре-
мени, рассказывая бывшу Мандрикала
съ злополучнымъ Сербиномъ, онъ срав-
ниваетъ алую кровь, текущую изъ глу-
бокой раны юноши, съ пурпурными
начертаніями, которая вышивала по
серебру бѣлоснѣжная рука незабвенной

Флорентинки. Нѣжныя сердца помнятъ шѣ мѣсна въ Виргиліи, гдѣ Поэтъ говоритъ о своей милой Маншѣ: стихи Римскаго Омера исполнены воспоминаній о юности; они исполнены сихъ глубокихъ, неизгладимыхъ впечатлѣній, копорья, погружаютъ читателя въ сладкую задумчивость, напоминая ему его собственную жизнь и ясную зарю молодости.

Климакъ, видъ неба, воды и земли — все дѣйствуетъ на душу Поэта, опровергающую для впечатлѣній. Мы видимъ въ пѣсняхъ сѣверныхъ Скальдовъ и Эрскихъ Бардовъ нечто суровое, мрачное, дикое и всегда мечтательное, напоминающее и пасмурное небо сѣвера и шуманы морскіе и всю природу, скудную дарами жизни, но всегда величественную, прекрасную и въ ужасахъ. Мы видимъ неизгладимый оппечашокъ климата въ Стихотворцахъ полуденныхъ: нѣкопорую нѣгу, роскошь воображенія, свѣжестъ чувствъ и ясностъ мыслей, напоминающихъ и небо и всю благотворную природу

странъ южныхъ, гдѣ человѣкъ наслаждается двойною жизнью въ сравненіи съ нами, гдѣ все пѣшается и нѣжится его чувства, гдѣ все говоритъ его воображенію. Напрасно уроженецъ Сициліи или Неаполя, желалъ бы состязаться въ пѣсняхъ своихъ съ Бардомъ Морвена и описывать, подобно ему, мрачную природу сѣвера: напрасно сѣверный Поэтъ желалъ бы изображать роскошныя долины, прохладныя пещеры, плодоносныя роши, тихіе заливы и небо Сициліи, высокое, прозрачное и вѣчно ясное. Одинъ Тассъ, рожденный подъ раскаленнымъ солнцемъ Неаполя, могъ описать столь вѣрными и свѣжими красками ужасную засуху, гибельную для крестовыхъ воиновъ. По сему описанію, говоритъ ученый Жюнгене, можно узнать полуденнаго жителя, который неоднократно подвергался смертному вліянію вѣтровъ Африканскихъ, неоднократно изнемогалъ подъ бременемъ зноя. — У насъ Ломоносовъ, рожденный на берегу шумнаго моря, воспитанный въ трудахъ промысла, сопряженнаго съ опа-

сноспію , сей удивительный человекъ
въ первыхъ лѣтахъ юношества былъ
сильно пораженъ явленіями природы:
солнцемъ ; которое въ должайшіе дни
лѣта, дошедъ до края горизонта, сно-
ва восстаетъ и снова течетъ по твер-
ди небесной ; сѣвернымъ сіяніемъ , ко-
торое въ полуночномъ краю замѣняетъ
солнце и проливаетъ холодный и дро-
жащій свѣтъ на природу, спящую подъ
глубокими снѣгами: Ломоносовъ съ ка-
кимъ-то особеннымъ удовольствіемъ
описываетъ сіи явленія природы , ве-
личественныя и прекрасныя, и повто-
ряетъ ихъ въ великолѣпныхъ стихахъ
своихъ :

Закрылись крайніе съ пучиною лѣса
Лишь съ моремъ видны вокругъ смятанны не-
беса.

.....
Сквозь воздухъ въ югѣ чистый
Открылись два холма и берега лѣсисты.
Межъ ними кораблямъ въ заливъ отверзся
входъ,
Убѣжище пловцамъ отъ безпокойныхъ водъ,
Гдѣ въ влажныхъ берегахъ крушась печальна
Уна
Медлительно течетъ въ объятія Непшуна.....

Достигло дневное до полночи свѣшило,
 Но въ глубинѣ лица горящаго не скрыло;
 Какъ пламенна гора казалось средь валовъ
 И простирало блескъ багровый изъ за льдовъ.
 Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
 Верхи злашыхъ зыбей пловцамъ сверкають
 въ очи.

Мы не остановимся на красотѣ стиховъ. Здѣсь всѣ выраженія великолѣпны: горящее лицо солнца, проповоложенное хладнымъ водамъ океана; солнце, остановившееся на горизонтѣ, и подобно пламенной горѣ простирающее блескъ изъ за льдовъ, суть первоклассныя красоты описательной Поэзии. Два послѣдніе стиха, заключающіе картину, восхищительны:

Среди пречудныя при ясномъ солнцѣ ночи
 Верхи злашыхъ зыбей пловцамъ сверкають
 въ очи.

Но мы замѣтимъ, что Поэтъ не могъ бы написать ихъ, если бы онъ не былъ свидѣтелемъ сего чудеснаго явленія, которое поразило огненное воображеніе вдохновеннаго опрока и оставило въ немъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

III.

О ХАРАКТЕРѢ ЛОМОНОСОВА.

По слогу можно узнатьъ человека, сказалъ Бюфонъ; характеръ Писателя весь въ его твореніяхъ. Это съ одной стороны справедливо. — Безъ сомнѣнія, по стихамъ и прозѣ Ломоносова, мы можемъ заключить, что онъ имѣлъ возвышенную душу, ясный и проницательный умъ, характеръ необыкновенно предприимчивый и сильный. Но любителю Словесности, скажу болѣе, наблюдателю-Философу пріятно было бы узнать нѣкоторыя подробности частной жизни великаго человека; познакомиться съ нимъ, узнать его страсти, его заботы, его печали, наслажденія, привычки, странности, слабости и самые пороки, неразлучные спутники человека. „Разумъ, услаждавшійся величественными понятіями всеоб-

щаго порядка, не можетъ быть соеди-
ненъ съ сердцемъ холоднымъ“, говорилъ
о Ломоносовѣ Писатель, котораго имя
равно любезно Музамъ и добродѣтели.
Сія истина утверждена жизнью Ломо-
носова. Воображеніе и сердце часто
увлекали его въ молодости: они были
источниками его наслажденій и му-
ченій, неизвѣстныхъ, неизъяснимыхъ
обыкновеннымъ людямъ. — Конечно не
одна страсть къ ученію, которая не
могла еще вполне овладѣть душою оп-
рока, воспитаннаго среди болотъ Хол-
могорскихъ, не одна сія страсть, столь
благородная и безкорыстная, принуди-
ла его оставить родину. Семействен-
ныя огорченія и нѣкоторое тайное
безпокойство души — было къ тому
важнѣйшимъ побужденіемъ. Но сіе без-
покойство, сіе тусклое желаніе чело-
вѣка новаго и лучшаго, сія предприим-
чивость, удивительная въ столь нѣж-
номъ возрастѣ, не означали ли вели-
кую душу, и нѣчто необыкновенное?

Пламенное рвеніе къ ученію, неу-
толимая жажда познаній, постоянство

въ преодоленіи преградъ, поставлен-
ныхъ непріязненнымъ рокомъ, дерзость
въ предпріятіяхъ, увѣчающая сіяющимъ
успѣхомъ: всѣ сіи качества соединены
были съ сильными спрасями, съ пла-
меннымъ сердцемъ; или, лучше сказать,
происпекали изъ оныхъ, и пошому
должно ли удивляться, что Ломоно-
совъ въ молодости своей пожертво-
валъ всѣми выгодами любви? Въ Мар-
бургѣ онъ женился тайно на дочери
бѣднаго ремесленника и въ скоромъ вре-
мени обстоятельствъ принудили его
разлучиться съ супругою. Музы лю-
бящъ провождаютъ любимцевъ своихъ
по тернистой дорогѣ несчастія въ
храмъ славы и успѣховъ. Бѣдствія не
всегда убиваютъ талантъ: напрошивъ
того, они пробуждаютъ въ душѣ мно-
жество прекрасныхъ свойствъ, и зна-
комая ея съ собственными силами.
Ломоносовъ, гонимый судьбою, скидал-
ся по Германіи, переходилъ изъ земли
въ землю, безъ прістанища, часто
безъ насущнаго хлѣба: онъ боролся со
всѣми нуждами и горестями, и нико-
гда, нигдѣ не пресупилъ законовъ че-

сти, никогда не забывалъ оставленной супруги. Съ какою чувствительностію, (возвратясь въ Петербургъ) прочиталъ онъ письмо ея, и воскликнулъ предъ посланнымъ отъ Г. Бесшужева: „Боже мой! могу ли ее оставить!“ — Слезы прерывали безпрестанно слова его. Сладостно видѣшь наблюдающую человѣчества соединеніе столь глубокой чувствительности съ умомъ обширнымъ, вѣрнымъ и прозорливымъ! Чувствительность и сильное, пламенное воображеніе часто владѣли нашимъ Поэтомъ, конечно пропивъ воли его. На возвратномъ пути изъ Амстердама по морю Ломоносовъ, сидя на палубѣ, при шумѣ волнъ погружался въ сладкую задумчивость. Ошкрышное море, шумъ вѣтра и непрерывное колебаніе корабля напоминали ему первыя лѣта юности, проведенныя посреди непостоянной снѣжи: они напоминали приморскую его родину и все, что ни есть сладостнаго для сердца нѣжнаго и добраго. Исполненному воспоминаній, однажды во снѣ ему привидѣлась страшная буря на волнахъ

Ледовитого моря, кораблекрушеніе и
хладный трупъ отца его, выброшен-
ный на томъ самый островъ, куда
Ломоносовъ въ молодости своей при-
скавалъ съ нимъ для совершенія рыб-
ной ловли. Онъ въ ужасъ проснулся.
Напрасно призываетъ на помощь раз-
судокъ свой, напрасно желаетъ разсѣ-
ять мрачные слѣды сновидѣнія: мечта
осаждаетъ въ глубинѣ сердца и ничто
не въ силахъ изгладить ее. Снова за-
сыпаетъ и снова видитъ шумное мо-
ре, необитаемый островъ и блѣдный
трупъ родителя. Такъ! мы не рѣдко
увѣряемся опытомъ, что Провидѣніе
влагаетъ въ насъ какія-то тайныя
мысли, какое-то неизъяснимое пред-
чувствіе будущихъ злополучій, и со-
бытіе часто подтверждаетъ предска-
заніе таинственнаго сна—къ удивленію,
къ смиренію слабого и гордаго раз-
судка. Ломоносовъ это испыталъ въ
жизни своей. Отецъ его погибъ въ
волнахъ и тѣло его найдено рыбаками
на томъ необитаемомъ островѣ, ко-
торый назначилъ имъ печальный сынъ,
по внушенію пророческаго сновидѣнія.

По крапкой біографіи, напечатанной при сочиненіяхъ Ломоносова, мы пѣснѣе знакомимся съ Поэтомъ, когда онъ покидаетъ родину свою. Самое юношество необыкновеннаго человека любопытно; каждое обстоятельство, каждая подробность драгоцѣны. Конечно Ломоносовъ, въ опкровенной бесѣдѣ ближнихъ и друзей, любилъ рассказывать имъ первыя свои печали и наслажденія; съ какимъ восхищеніемъ онъ пѣвалъ на крилось священные пѣсни и пожиралъ духовныя книги! Съ какимъ усиленіемъ онъ промыслилъ Славенскую Граматѣику и Ариѣмѣику: *врата утѣности своей!* Какъ сердце его унывало, покидая отца, родину, ближнихъ! Какъ шрепешало отъ радости, вступая въ обширную Москву!.. Къ сожалѣнію, немного подробностей дошло до насъ, и почти всѣ исчезли съ холодными слушателями. Однѣ великія души чувствуютъ всю важность дружескихъ повѣреній знаменишаго человека, ихъ современника. Ломоносовъ — нѣтъ сомнѣнія — казался обыкновеннымъ человекомъ

въ кругу пріятелей своихъ, людей
весьма обыкновенныхъ. И могъ ли Тре-
діаковскій съ братією быть цѣнише-
лемъ величайшаго ума своего времени,
цѣнишелемъ Ломоносова?

Но къ счастью нашему, Россія имѣ-
ла въ молодомъ Вельможѣ покровителя
дарованій. Мы забудемъ со временемъ
однофамильца Шувалова, который пи-
салъ остроумные стихи на Француз-
скомъ языкѣ, который удивлялъ Пар-
ни, Мармонтеля, Лагарпа и Вольшера,
ученыхъ и неученыхъ Парижанъ лю-
безностью, веселостью и учтивостью,
достойною времени Людовика XIV: но
того Шувалова, который покрови-
тельствовалъ Ломоносова, никогда не
забудемъ. Имя его навсегда останется
драгоценно Музамъ отечественнымъ.
Онъ былъ все для нашего Лирника: дѣя-
тельный и просвѣщенный покрови-
тель, попечительный другъ, часто
снисходительный, и всегда постоян-
ный. Безъ него — Ломоносовъ не могъ
бы предпринять сихъ великихъ тру-
довъ, требующихъ издержекъ и непре-

спанныхъ пособій. Скажемъ болѣе: какъ ученый, какъ Стихотворецъ, Ломоносовъ обязанъ ему всѣмъ, даже посполнствомъ въ любви ко славѣ. Прозрливый Шуваловъ въ уроженцѣ Холмогоръ угадалъ великаго человѣка: щастливый Поэтъ нашелъ въ Вельможѣ истинный патриотизмъ, обширныя свѣденія, вкусъ образованный и, что всего лучше — благородную, дѣятельную душу! Однимъ словомъ: (рѣдкое явленіе!) Вельможа и Поэтъ понимали другъ друга. Письма Ломоносова къ Шувалову суть безцѣнный памятникъ Словесности Русской: въ нихъ видѣнъ и Стихотворецъ и покровитель его. Они заключаютъ въ себѣ множество любопытныхъ подробностей, анекдотовъ и наконецъ извѣстіе о кончинѣ Профессора Рихмана, доспойнаго товарища Ломоносова. Рихманъ умеръ прекрасною смертію, (*) и Ломоносовъ съ убѣдительнымъ, сердечнымъ краснорѣчіемъ ходатайствуетъ за оспрошъвшее семейство, спрашась, чтобы сей случай

(*) Это собственное выраженіе Ломоносова.

не былъ перетолкованъ противу Наукъ ,
вѣчно ему любезныхъ! Часно въ пись-
махъ своихъ онъ жалуется на Тредя-
ковского и Сумарокова. Если сіи спро-
ски доказываютъ печальную истину :
что дарованія, во всѣ времена , даже
при самой колыбели Словесности, имѣ-
ютъ враговъ и завистниковъ : то онъ
же , къ радости нашей, открываютъ
прекрасную душу великаго Писателя:
„Никакого не желаю мщенія, гово-
ритъ онъ , но способовъ продолжишь
труды мои для славы, для пользы
Отечества. Мои Зоицы хвалятъ меня
своею хвалою, называя мои изображенія
надушыми; нападая на меня, они на-
падаютъ на древнихъ“... До послѣдней
минутой жизни своей Ломоносовъ не из-
мѣнилъ себѣ, и прелестная мысль о
славѣ его не покидала. На одрѣ муче-
ній и смерти Рафаель соболѣзновалъ
о недоконченныхъ картинахъ : нашъ
сѣверный Геній о не совершенныхъ
трудахъ своихъ. „Я умираю, говорилъ
онъ Шеллину, я умираю, пріятель! На
смерть взираю равнодушно : сожалѣю
о томъ, чего не успѣлъ довершить для

пользы Наукъ, для славы Опечесшва и
Академіи нашей. Къ сожалѣнію вижу,
что благія мои намѣренія исчезнушъ
вмѣстѣ со мною...“

Тѣнь великаго Спихотворца ушѣ-
шилась. Труды его не попераны. Имя
его безсмертно.

IV.

ВЕЧЕРЪ У КАНТЕМИРА.

Антиохъ Кантемиръ, Посланникъ Русской при дворъ Лудовика XV, предпочиталъ уединеніе шуму и разсѣянію блестящаго двора. Свободное время онъ должности онъ посвящалъ Наукамъ и Поэзіи. Въ мирномъ кабинетѣ, окруженный любимыми книгами, онъ часто восклицалъ, перечитывая Плу-тарха, Горація и Виргилія: „Щасливъ, кто довольствуясь малымъ, свободенъ, чуждъ заиски и предразсудковъ, имѣетъ совѣсть чистую и провождаетъ время съ вами, наставники человѣчества, мудрецы всѣхъ вѣковъ и народовъ: —

..... съ вами, Греки и Латины...
Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.“

Умъ его имѣлъ свойства, рѣдко соединяемыя: основательность, точность и воображеніе. Часто, углублен-

ный въ исчисленія алгебраическія, Кантемиръ искалъ истины и — подобно мудрецу Сиракузъ, забывалъ міръ, людей и общество, безпрестанно измѣняющееся. Онъ занимался Науками не для того, чтобы щеголять знаніями въ суешномъ кругу ученыхъ женщинъ или Академиковъ: нѣтъ! онъ любилъ Науки для Наукъ, Поэзію для Поэзіи, — рѣдкое качество, истинный признакъ великаго ума, и прекрасной, сильной души! Въ Парижѣ, гдѣ самолюбіе знашнаго человѣка можетъ собирать безпрестанно похвалы и привѣтствія за малѣйшій успѣхъ въ Словесности, гдѣ нѣсколько небрежныхъ стиховъ, иностранцемъ написанныхъ, даютъ право гражданства въ республикѣ Словесности, Кантемиръ.... писалъ Русскіе стихи! И въ какое время? Когда языкъ нашъ едва становился способнымъ выражать мысли просвѣщеннаго человѣка. Бросьте на островъ необитаемый Математика и Стихотворца, говоритъ Даламберъ: первый будетъ проводить линіи и составлять углы, не заботясь, что никто не воспользуе-

ся его наблюденіями; впорый переспа-
 нешь сочиняшь стихи, ибо нѣкому
 хвалишь ихъ: слѣдственно Поэзія и
 Поэтъ, заключаешь *разсудительный*
 Философъ, пишущая суешносною. Па-
 рижъ былъ сей необитаемый островъ
 для Кантемира. Кто понималъ его?
 Кто восхищался его *Русскими* стиха-
 ми? — Въ самой Россіи, гдѣ общество,
 Науки и Словесность были еще въ
 пеленахъ, онъ, нѣтъ сомнѣнія, нахо-
 дилъ мало цѣнителей своего таланта.
 Душею и умомъ выше времени и об-
 стоятельствъ, онъ писалъ стихи, онъ
 поправлялъ ихъ безпрестанно, желая
 достигнуть возможнаго совершенства,
 и, казалось, завѣщалъ благородному
 пошомству и книгу и славу свою.
 Талантъ пишется хвалою, но истин-
 ный, великій талантъ и безъ нее не
 умираетъ. Поэтъ можетъ быть суеш-
 нымъ — равно какъ и ученый; — но
 истинный любитель всего прекрасна-
 го не можетъ существовать безъ дѣя-
 тельности, и то, что было сказано
 нашимъ Капуломъ о нашемъ Бавіѣ:

„Съ послѣднимъ вздохомъ онъ издася по-
слѣдній стихъ.

почти тоже можно сказать о вели-
комъ Стихотворцѣ. На одрѣ смерти
Серванпесъ не покидалъ пера своего.
Камоенсъ писалъ Лузіяду посреди пле-
менъ дикихъ. Тассъ, несчастный Тассъ,
въ ужасномъ заключеніи бесѣдовалъ съ
Музами. Державинъ, за часъ предъ
смертію, хладѣющими перстами из-
влекалъ звуки изъ безсмертной лиры
своей. Сихъ ли людей обвинимъ въ
суешности?... Но возвратимся къ
Кантемиру.

Однажды по вечеру Монпескѣ и
Аббатъ В., извѣстный остроумецъ, на-
вѣстили нашего Стихотворца. Онъ
бесѣдовалъ съ своею Музою и не при-
мѣшилъ входящихъ друзей, которые
имѣли къ нему свободный доступъ.
Нѣсколько минушъ — Кантемиръ пере-
читывалъ начало посланія своего къ К.
Никишѣ Трубецкому, и всегда съ но-
вымъ жаромъ и удовольствіемъ. При-
чтеніи спокойное, и даже холодное
лице Кантемира примѣшнымъ обра-

зомъ измѣнялось: глаза его сверкали, какъ молніи, щеки разгорѣлись и рука его ударяла шакту по отверзшой предъ нимъ книгѣ. Моншескѣ взглянулъ на Аббаца, кивнулъ ему головою и намѣревался удалиться. Они не хотѣли безнокопѣ Министра, полагая, что онъ занятъ важнымъ Государственнымъ дѣломъ. Кантемиръ услышалъ за собою шорохъ, оглянулся — и бросился обнимать неожиданныхъ гостей. — Мы вамъ помѣшали: мы пришли не впору — Ни мало! — Вы читали важныя бумаги? — Я забавлялся: перечитывалъ стихи моего сочиненія. — Но какіе? мы ни слова не поняли. — Русскіе. — Русскіе стихи! восклицалъ Аббасъ, пожимая плечами отъ удивленія: Русскіе стихи! это любопытно...

КАНТЕМИРЪ.

Слабое подражаніе Горацію, Ювеналу и Персію. Вы знаете мою страсть къ древнимъ Писателямъ; она завлекла меня далеко. Не въ силахъ будучи сравниться съ древними Поэтами Рима,

я влачусь за ними, какъ рабъ за господиномъ, или — какъ спраспный любовникъ за гордою красавицею. Вы никогда не писали стиховъ, Г. Президентъ, и не знаете сего мученія и удовольствія, которое называють метроманією?

МОНТЕСКЬЕ.

Ваша правда. Я не писалъ стиховъ, но люблю стихи, когда нахожу въ нихъ сколько же мыслей, сколько словъ: когда они ясны, сильны, выразительны, однимъ словомъ — хороши, какъ проза. Я всегда уважалъ Сапиръ и Посланія Горація: онъ знакомитъ насъ съ Римомъ, со правами, съ образомъ жизни переродившихся попомковъ Брутовъ, Коріолоповъ и Сципіоновъ. Ювенала перечитываю съ удовольствіемъ; прямой Римлянинъ душою! Онъ показываетъ въ стихахъ, что Тацитъ въ прозѣ. Я люблю изворенія сихъ Поэтовъ, какъ памятники языка, образованнаго цѣлыми вѣками славы народной, языка мужественнаго, обильнаго, выразитель-

наго : почтеннаго родишеля языковъ новѣйшихъ.

АББАТЪ В.

И Г. Президентъ конечно сожалѣешь, что вы пишете Русскіе стихи. Зная совершенно языкъ Лапшинскій и нашъ Французскій, столь ясный, почтенный и красивый, вы лишаете насъ удовольствія читать ваши прелестныя произведенія.

МОНТЕСКЬЕ.

Сожалѣю и удивляюсь, какъ можно писать, скажу болѣе, какъ можно мыслить на языкъ необразованномъ? Вы пишете по Русски, а вашъ языкъ и нація — еще въ пеленахъ.

КАНТЕМИРЪ.

Справедливо: Русскій языкъ въ младенчествѣ; но онъ богатъ, выразителенъ, какъ языкъ Лапшинскій, и со временемъ будетъ почтенъ и ясенъ, какъ языкъ остроумнаго Фоншенеля и глубокомысленнаго Монпескье. Теперь я принужденъ бороться съ величайшими

трудностями: принужденъ изобрѣтать
безпрестанно новыя слова, выраженія
и обороты, копорыя безъ сомнѣнія об-
вѣщающъ черезъ нѣсколько годовъ.
Переводя міры Фоншенелевы, я созда-
валъ новыя слова: Академія Петербург-
ская часто одобряла мои опыты. Я
очищаль путь для моихъ послѣдовате-
лей.

АББАТЬ В.

Но скажите, Бога ради, какъ же вы
могли присвоить всѣ точкія выраже-
нія и обороты перваго щеголя языка
Французскаго, нашего семидесятилѣт-
няго Фоншенеля?

КАНТЕМИРЪ.

Какъ умѣлъ! Я слѣдовалъ рабски
по слѣдамъ его. Переводъ мой слабъ,
грубъ, невѣренъ. Скиѣы заславили
плѣннаго Грека изваянь Венеру, и
обѣщали ему свободу. Грекъ былъ дур-
ный Ваятель; въ Скиѣи не было ни
Паросскаго мрамора, ни хорошихъ рѣз-
цовъ; за неимѣніемъ ихъ—соотечествен-
никъ Праксипелевъ, употребилъ гру-

бый граншъ, молошъ, просую пилу
и создалъ нѣчто похожее на Венеру,
слѣдуя заочно образцу, споль слав-
ному не только въ Греціи, но даже
въ земляхъ варваровъ. Скиѣ были до-
вольны, ибо не знали божественнаго
подлинника, и поклонялись новой Бо-
гинѣ съ дѣшскимъ усердіемъ. Скиѣ —
мои соотечественники; Праксипелева
спашуя — книга безсмертнаго Фон-
шенеля — а я сей Грекъ, нескусный
Ваятель.

АББАТЬ В.

О! вы слишкомъ скромны, почтен-
ный Князь!

КАНТЕМИРЪ.

Не довольсвуваясь опытомъ моимъ
надъ Фоншенелемъ, я принялся за Пер-
сидскія письма.

АББАТЬ В.

Персидскія письма по Русски!

МОНТЕСКЬЕ.

Могъ ли я ожидать, что первое,
слабое произведеніе моего пера опи-

мешъ у васъ столько драгоценнаго времени?

АББАТЬ В.

Теперь Гиперборейцы узнають, какъ въшрены и малодушны обиратели береговъ Сейны.

КАНТЕМИРЪ.

И какъ остроумны.

АББАТЬ В.

Я давно на вечерахъ Г-жи Жофрель, — копорая васъ превозносишь, но въ душѣ своей ненавидишь — давно предсказываю вашу славу, Г. Монпескъё!

Въ землѣ своей никто Пророкомъ не бываю.

Но мое пророчество сбылось, какъ видишь. Легко быть можешь, что въ эту самую минушу, на берегахъ Ледовитаго моря, на берегахъ Лены или Оби, въ пущыняхъ Ташарін — читають ваши остроумныя письма, и имя Монпескъё гремитъ въ спановищахъ Калмыковъ и Самоѣдовъ.

МОНТЕСКЬЕ.

Чишаютъ Персидскія письма при
свѣтѣ лампы, налившей рыбьимъ жи-
ромъ. . .

АББАТЪ В.

Или при свѣтѣ Сѣвернаго сіянія. . .
Конечно странно, чудесно! — А мы го-
воримъ съ такимъ пренебреженіемъ о
великой Московіи!

КАНТЕМИРЪ.

Калмыки и Самоѣды не читаютъ
Философическихъ книгъ, и конечно дол-
го читать не будутъ. Но въ Москвѣ
многолюдной, въ раждающейся Столи-
цѣ Петра, въ монастыряхъ малой и
великой Россіи, есть люди просвѣщен-
ные и мыслящіе, которые умѣютъ на-
слаждаться прекрасными произведені-
ями Музъ.

МОНТЕСКЬЕ.

Число такихъ людей должно быть
весьма ограничено. До сихъ поръ я
думалъ и думаю, что климатъ вашъ

суровый и непостоянный, земля по большей части безплодная, покрывшая въ зиму глубокими снѣгами, малое населеніе, трудность сообщеній, образъ правленія почти Азіатскій, закоренѣлыя предразсудки и рабство, утвержденныя вѣками навѣка — все это вмѣстѣ надолго замедлило ходъ ума и просвѣщенія. Власъ климата есть первая изъ власей.

АББАТЪ В.

Я съ вами согласенъ; и полагаю, что все успія исполнскаго Царя, все что онъ ни сотворилъ желѣзною рукою, все — разрушится, упадетъ, исчезнетъ. Природа, обычаи древніе, суевѣріе, неисцѣлимое варварство — возмущъ верхъ надъ просвѣщеніемъ слабымъ и неосновательнымъ; и вся полудикая Московія — снова будетъ дикою Московією, и вѣчный шуманъ забвенія покроетъ дѣла и жизнь преемниковъ Петра Великаго.

КАНТЕМИРЪ.

Я осмѣлюсь спорить съ великимъ творцомъ книги о существѣ законовъ,

и съ вами, любезный Аббатъ. Россія пробудилась отъ глубокаго сна, подобно баснословному Эпимениду. Заря, освѣтившая нашу землю, предвѣщаетъ прекрасное утро, великодушный полдень и ясный вечеръ: вошь мое пророчество!

АББАТЪ В.

Но это не заря — Сѣверное сіяніе. Блеску много, но безъ свѣта и безъ теплоты.

МОНТЕСКЬЕ.

Остроумный Аббатъ сказалъ великую истину. Положимъ — трудное предположеніе, едва ли сбыточное дѣло! — положимъ, что Правительство откроешь всѣ пути къ просвѣщенію, что будешь безпрестанно призывать иностранцевъ для воспитанія юношества, построишь теплые дома для училищъ, и, изъ сихъ парниковъ и теплицъ просвѣщенія соберешь нѣсколько незрѣлыхъ и несочныхъ плодовъ; положимъ, что Правительство образуетъ военныхъ людей, довольно искусныхъ, нѣ-

сколько мореходцевъ, небольшое число Архидлерисовъ, Инженеровъ и проч. Но скажите, можете ли Правительство вдохнуть вкусъ къ изящному, къ Наукамъ опвлеченнымъ, умозрительнымъ? Какая сила измѣнитъ климатъ? Кто можете вамъ даровать новое небо, новый воздухъ, новую землю?

АББАТЪ В.

И новое солнце? Какъ можно сѣять науки тамъ, гдѣ осенью серпъ земледѣльца пожинаетъ рѣдкіе класы на броздахъ, потомъ его орошенныхъ; гдѣ зимою отъ холоду чугуны распадаются и шопоръ жидкости рубить?

Caeduntque securibus humida vina !!!

МОНТЕСКЬЕ.

Холодной воздухъ сжимаетъ железо; какъ же не дѣйствовать ему на человека? Онъ сжимаетъ его фибры; онъ даетъ имъ силу необыкновенную. Эта сила физическая сообщается душѣ. Она внушаетъ ей храбрость въ опасности, рѣшительность, бодрость,

крѣпкую надежду на себя; она есть
пайная пружина многихъ прекрасныхъ
свойствъ характера; но она же ли-
шаетъ чувствительности, необходи-
мой для Наукъ и Искусствъ. Теплоша,
напрошивъ того, расширяя тончайшую
плену кожи, раскрываетъ оконечности
нервовъ и сообщаетъ имъ чудесную
раздражительность. Въ земляхъ холод-
ныхъ наружная кожа столь сильно
сжата воздухомъ, что нервы, такъ
сказать, лишены жизни, и рѣдко, очень
рѣдко сообщаютъ слабыя ощущенія
своему мозгу. Вы знаете, что опъ без-
численнаго количества слабыхъ ощу-
щеній зависятъ воображеніе, вкусъ,
чувствительность и живость. Надоб-
но содрать кожу съ Гипербореяца,
чтобъ заславиль его что нибудь по-
чувствовать. (*)

АББАТЪ В.

Что можете опвѣчать на это? Вы
станете защищать соотечественни-

(*) Il faut écorcher un Moscovite pour lui don-
ner du sentiment. (?)

ковъ вашихъ, какъ Миниспръ, и на
сильные, неопразимые силлогизмы Пре-
зидента, отвѣчать дипломатическими,
опровергающими истину фразами?

Кантемиръ.

Я родился въ Константинополѣ.
Праотцы мои происходятъ отъ древ-
ней фамилии, некогда обладавшей пре-
столомъ восточной Имперіи. Слѣд-
ственно во мнѣ играешь еще кровь
Греческая, и я непришворно люблю
голубое небо и вѣчно зеленые оливы
спранъ полуденныхъ. Въ молодости я
спранствовалъ съ опцомъ моимъ, не-
разлучнымъ соупникомъ, искреннимъ
другомъ Петра Великаго, и видѣлъ
обширныя долины Россіи отъ Днѣпра
до Кавказа, отъ Каспійскаго моря
до береговъ величественной Москвы. Я
знаю Россію и обитателей ея. Хижина
земледѣльца и теремъ боярина, мнѣ
равно извѣстны. Руководимый настав-
леніями отца моего, просвѣщеннѣй-
шаго человека въ Европѣ, съ раннихъ
лѣтъ воспитанный въ училищѣ Фило-

софіи и опытности, будучи обязанъ по званію моему имѣть безпреспанныя и тѣсныя сношенія съ иностранцами всѣхъ націй, я не могъ сохранить предразсудковъ *варварскихъ*, и привыкъ смотрѣть на новое опечесство мое окомъ безпристрастнаго наблюдателя. Въ Версали, въ кабинетъ Короля вашего, въ присутствіи Министровъ, я — представитель великаго народа и всемогущей его Монархии: но здѣсь, въ обществѣ дружескомъ, съ великимъ гениемъ Европы, пославляю обязанностію говорить откровенно; и вы, Г. Аббатъ, скорѣе обличите Кантемира въ невѣжество, нежели въ пристрастіе или нечестивосердечіе. Вашъ мой отвѣтъ: вы знаете, что Пётръ сдѣлалъ для Россіи; онъ создалъ людей, — нѣтъ! онъ развилъ въ нихъ всѣ способности душевныя; онъ вылечилъ ихъ отъ болѣзни невѣжества; и Русскіе, подъ руководствомъ великаго человека, доказали въ короткое время, что таланты *свойственны* всему теловѣчеству. Не прошло пятнадцати лѣтъ — и великій Монархъ, наслаждался уже плодами знаній своихъ

сподвижниковъ: всѣ вспомогательныя науки военного дѣла процвѣли внезапно въ Государствѣ его. Мы громами побѣдъ возвѣспили Европѣ, что имѣемъ артиллерію, флотъ, инженеровъ, ученыхъ, даже опытныхъ мореходцевъ. Чего же хотѣли опъ насъ въ столь короткое время? Успѣховъ ума, успѣховъ въ Наукахъ опвлеченныхъ, въ изящныхъ Искусствахъ, въ Краснорѣчїи, въ Поэзїи? — Дайте намъ время, продолжите благопрїятныя общоопельства, и вы не опкажете намъ въ лучшихъ способностяхъ ума. Вы говорите, что власть климата есть первая изъ властей. Не спорю: климатъ имѣетъ вліяніе на жителей; но это вліяніе (какъ вы сами замѣтили въ бессмертной книгѣ своей), это вліяніе уменьшается или смягчается образомъ Правленія, нравами, общежитіемъ. Самый климатъ Россїи разнообразенъ. Иностранцы, говоря о нашемъ отечествѣ, полагаютъ вообще, что *Московїя* покрыва вѣчными снѣгами, населена — дикими. Они забываютъ неизмѣримое пространство Россїи; они забываютъ,

что въ то время, когда жинель влажныхъ береговъ Бѣлаго моря ходишь за кунницею на быспрыхъ лыжахъ своихъ, — щасливый обитатель уснѣевъ Волги собираешь пшеницу и благодатное просо. Самый Сѣверъ не сиоль ужасенъ взорамъ путешественника; ибо онъ даетъ все потребное воздѣлывающему полямъ. Плугъ есть основаніе общества, истинный узелъ гражданства, опора законовъ; а гдѣ, въ какой странѣ Россіи не оставяешь онъ благодѣтельныхъ слѣдовъ своихъ? Съ успѣхами людскости и просвѣщенія, Сѣверъ безпрестанно измѣняется, и если смѣю сказать, приращаетъ къ просвѣщенной Европѣ. Скажише: когда Тацитъ описывалъ Германцевъ, думалъ ли тогда Тацитъ, что въ дикихъ лѣсахъ ея возникнутъ города великолѣпные, что въ древней Панноніи и Норикѣ родятся свѣшляки ума человеческого? Нѣтъ конечно! Но Пётръ Великій, заключивъ судьбу полуміра въ рукѣ своей, утѣшалъ себя великою мыслию, что на берегахъ Невы, древо наукъ будетъ процвѣтать подъ тѣнію его державы,

и рано или поздно, но дастъ новые плоды, и человѣчество обогатится ими. Вы, Г. Монтескъзъ, наблюдаете безпрестанно міръ политическій: на развалинахъ пропекшихъ вѣковъ, на прахъ гордаго Рима и прелестной Греціи вы постигли причины настоящихъ явленій, научились пророчествовать о будущемъ. Вы знаете, что съ успѣхами просвѣщенія измѣняющся явнымъ и непремѣннымъ образомъ всѣ формы правленія: вы замѣтили сіи измѣненія въ землѣ Русской. Время все разрушаетъ и создаетъ, портитъ и усовершенствуетъ. Можетъ быть чрезъ два или три столѣтія, можетъ быть и ранѣе, благія небеса даруютъ намъ тенія, который постигнетъ вполне великую мысль Пепра — и обширнѣйшая земля въ мірѣ, по творческому гласу его, учинится хранилищемъ законовъ, свободы на нихъ основанной, правовъ, дающихъ постоянно законамъ, однимъ словомъ — хранилищемъ просвѣщенія. Десныя надежды! вы сбудешесь конечно. Благодѣтель семейства моего, — благодѣтель Россіи,

почиваешь во гробъ; но духъ его, сей дѣятельный, сей великій духъ — не покидаешь спраны, ему любезной: онъ всюду присушесвуешь, все оживляешь, всему даешь душу, и новую жизнь и новую силу: онъ, кажется мнѣ, безпрестанно вѣщаетъ Россіи: иди впередъ! не останавливайся на поприщѣ, мною опровергнутомъ, и достигнешь великой цѣли, мною назначенной!

МОНТЕСКЬЕ.

Но Искусства? Могутъ ли они процвѣтать въ шуманахъ Невскихъ, или подъ суровымъ небомъ Московскимъ?

АББАТЪ В.

Искусства . . . Ахъ! имъ-то нуженъ прозрачный воздухъ и яркое солнце Рима, древней Эллады, или умеренный климатъ нашей Франціи.

КАНТЕМИРЪ.

Полуденныя спраны были родиною Искусствъ; но сіи прелестныя дѣши воображенія были часно вышесняемы

изъ родины своей варварствомъ, сус-
вѣріемъ, желѣзомъ завоевателей, и какъ
биспирья волны разлились по лицу
земному. Музыка, Живопись и Скульп-
тура любящъ свое древнее общество,
а еще болѣе многочисленные города, рос-
кошь, нравы извѣженные. Но Поэзія
свойственна всему человѣчеству: тамъ,
гдѣ человѣкъ дышетъ воздухомъ, пи-
тается плодами земли, — тамъ, гдѣ
онъ существуетъ — тамъ же онъ на-
слаждается и чувствуетъ добро или
зло, любитъ и ненавидитъ, укоряетъ
и ласкаетъ, веселится и скорбаетъ.
Сердце человеческое есть лучший источ-
никъ Поэзіи...

АББАТЪ В.

Такъ! но оно, признайтесь, не споль-
зуется чувствительно на Сѣверѣ.

МОНТЕСКЬЕ.

Я видѣлъ оперу въ Англіи и въ
Италіи. Онь музыки, которую Англи-
чане слушаютъ спокойно, Италіянцы
бываютъ внѣ себя, и прыгаютъ какъ
Циѳра на пророческомъ треножникѣ.

КАНТЕМИРЪ.

Что доказываетъ это? что чувствительность народовъ южныхъ раздразнительнѣе, общительнѣе: но едва ли столь глубока, столь сильна, какъ чувствительность народовъ сѣверныхъ. Въ бытность мою въ Лондонѣ, ученый Шотландецъ Н. Н. показывалъ мнѣ пѣсни своихъ горныхъ соотечественниковъ: онѣ напоминаютъ древняго Омера, и силою мыслей, глубиною чувствъ превосходятъ многія произведенія Музы Италіанской.

АББАТЪ В.

Невѣроятно!

КАНТЕМИРЪ.

Мы, Русскіе, имѣемъ народныя пѣсни: въ нихъ дышитъ нѣжность, краснорѣчіе сердца; въ нихъ видна сія задумчивость, тихая и глубокая, которая даетъ неизъяснимую прелесть и самымъ грубымъ произведеніямъ сѣверной Музы.

АББАТЪ В.

Чудесно! по чеспи невѣроятно!

КАНТЕМИРЪ.

... Скажите, если грубыя дѣши Сѣвера умѣютъ чувствоватъ и изъясняться столь живо и пріятно, то чего нельзя ожидать намъ отъ людей образованныхъ?

АББАТЪ В.

Но... почтенный защитникъ Сѣвера... вы знаете, что народныя пѣсни... лепетаніе младенцевъ!

КАНТЕМИРЪ.

Младенцевъ, которые со временемъ возмужаютъ. Какъ знать? можетъ быть на дикихъ берегахъ Камы или величественной Волги — возникнутъ великіе умы, рѣдкіе таланты. Что скажете, Г. Президентъ, что скажете, услыша, что при льдахъ Сѣвернаго моря, между полудикихъ родился ве-

ликій Геній? Что онъ прошелъ исполинскими шагами все поле наукъ; какъ Философъ, какъ Орапоръ и Поэтъ преобразовалъ языкъ свой и оставилъ по себѣ вѣчные памятники? Это одно предположеніе, но дѣло возможное. Что скажете, если...

АББАТЪ.

Но къ чему сіи гипотезы? Легче повѣрю, что Русскіе взяли приступомъ Парижъ, и уничтожили всѣ крепости, Вобаномъ построенныя!!! *Впротемъ, для тудесъ нѣтъ законовъ*, говорилъ мнѣ Фонпенель съ значительною усмѣшкою, прочитавъ въ первый разъ свое глубокомысленное разсужденіе объ Оракулахъ. Всѣ надежды ваши можете быть и сбудущся, или, вы найдете ихъ въ царствѣ Луны, съ утраченными надеждами Аспольфа. Но, простите моему чистосердечію... признаюсь, я до сихъ поръ смотрю на васъ съ удивленіемъ, и не могу постигнуть, какъ можно въ Парижѣ, на землѣ Расина и Корнея — писать Русскіе стихи?

КАНТЕМИРЪ.

Это напоминаешь: какъ можно бышь
Персіяниномъ?

МОНТЕСКЬЕ.

Вы хотѣли поразить насъ собственнымъ нашимъ оружіемъ. Но позвольте сдѣлать одно замѣчаніе. Вы подражаете Горацию и Ювеналу: слѣдственно пишете Сапиры, — Сапиры на нравы... которые еще не установились. Гораций и Ювеналь осмѣивали пороки народа развращающаго, но достигшаго высокой степени просвѣщенія; остроумный и всегда разсудительный Буало писалъ при дворѣ Великаго Короля, въ самую блестящую эпоху Монархіи Французской. Теперь общество въ Россіи должно представлять ужасный хаосъ: грубое сліяніе всего порочнаго, смѣшеніе коренныхъ предразсудковъ, невѣжества, древняго варварства, Татарскихъ обычаевъ, съ нѣкоторымъ блескомъ роскоши Азіатской, съ нѣкоторыми искрами просвѣщенія Европейскаго! Какая пища для Поэта сатирическаго? Мо-

гущь ли проникнуть тонкия стрѣлы
 Элиграммы сквозь тройную броню
 невѣжества, и уязвить сердце окаме-
 нѣлое отъ пороковъ, закаленное въ не-
 вѣжество? И что значить сіи стрѣлы
 въ землѣ, гдѣ женщины, хранительницы
 нравовъ, едва начинаютъ освобождаться
 изъ подъ ига мужей своихъ; въ землѣ,
 гдѣ общественное мнѣніе еще ша-
 тается, еще не установилось и не
 можешь наказывать своимъ пригово-
 ромъ того, что не подлежитъ суду
 законовъ? Однимъ словомъ: какъ можно
 смѣясь говорить истину властелинамъ
 или рабамъ? Первымъ — опасно; дру-
 гимъ — бесполезно.

КАНТЕМИРЪ.

Пользуясь покровительствомъ Мо-
 нарховъ и вельможъ, занимающихъ пер-
 выя степени въ Государствѣ, я безъ
 страха говорилъ истину, и мои Са-
 пиры принесли нѣкоторую пользу.
 Пётръ Великій, преобразуя Россію, ста-
 рался преобразовать и нравы: новое
 поприще открылось наблюдателю чело-

вѣчества и страстей его. Мы увидѣли въ древней Москвѣ чудесное смѣшеніе старины и новизны, двѣ стихіи въ безпрестанной борьбѣ одна съ другою. Новые обычаи, новыя плашья, новый родъ жизни, новый языкъ, не могли еще измѣнить древнихъ людей, изгладить древній характеръ. Иные бояра, надѣвая парикъ и новое плашье, оставались съ прежними предразсудками, съ древнимъ упрямствомъ, и шѣмъ казались еще страннѣе: другіе, оплоча бороду и длинный кафшанъ праотеческій, съ плашьемъ Европейскимъ надѣвали все пороки, все слабости вашихъ соотечественниковъ, но вашей любезности и людскости занять не умѣли. Частыя перемѣны при дворѣ возводили на высокія степени государственныя людей низкихъ и недостоинныхъ: они являлись и — исчезали. Временщикъ смѣнялъ временщика, толпа льстецовъ другую толпу. Гордость и низость, суевѣріе и кощунство, лицемеріе и явный развратъ, скупость и распачишельность неимовѣрная: однимъ словомъ, спроси, по всему прошивупо-

ложенныя сливались чудеснымъ обра-
 зомъ, и представляли новое зрѣлище
 равнодушному наблюдателю и Фило-
 софу, который только оцупью, и съ
 Гораціемъ въ рукахъ, могъ опыскашь
 щастливую средину вещей. Я старался
 изловить нѣкоторыя черты сихъ вре-
 менъ; скажу болѣе: я старался явить
 порокъ во всей наготѣ его, и намѣк-
 нушь соотечественникамъ истинный
 путь честности, благихъ правъ и
 добродѣтели. Ученый Теофанъ, Архи-
 мандритъ Кроликъ, оба достойные
 пастыря; Никиша Трубецкій и другіе
 вельможи одобрили мои слабые опыты,
 мое перо неискусное, но смѣлое, чисто-
 сердечное. Я первый осмѣлился писать
 такъ, какъ говорилъ: я первый изгналъ
 изъ языка нашего грубыя слова Сла-
 вянскія, чужестранныя, несвойствен-
 ныя языку Русскому, — и открылъ
 новую дорогу для грядущихъ талан-
 товъ. Сатиры мои будутъ имѣть нѣко-
 торую цѣну для потомковъ нашихъ,
 подобно древнимъ картинамъ первыхъ
 живописцевъ, предшественниковъ Ра-
 фая: въ нихъ они найдутъ изображеніе

вѣрное нравовъ и языка Русскаго, въ славномъ періодѣ для Россіи: отъ временъ Петра, до царствованія щастливой, обожаемой нами Елисаветы; — и имя мое (простите мнѣ Авшорское самолюбіе) будетъ уважаемо въ Россіи болѣе пошому, что я первый осмѣлился говорить языкомъ Музъ и Философін, нежели пошому, что занималъ важное мѣсто при дворѣ вашемъ.

АББАТЪ В.

Прекрасно! Выговорите, какъ истинный Философъ.

МОНТЕСКЬЕ.

Мы желали бы видѣть ваши Сапиры на Французскомъ языкѣ. Отъ части я согласенъ съ вами: картина нравовъ народа почти новаго всегда любопытна. Но... вошъ и Аббатъ Гуаско, вашъ пріятель...

Вы очень къ спашу навѣстили насъ! сказала Кантемиръ обнимая Аббата. Вы перевели мои Сапиры на Француз-

ской языкъ: прочитайше что нибудь въ угожденіе Г. Президенту; а у васъ, Господа, прошу терпѣнія и снисхожденія...

Чтеніе и разговоръ продолжались долго даже за полночь. Наконецъ Монпескѣ и Аббату В. опекланились Министру и разошлись... довольны ли имъ? не знаю.

Знаю только, что Кантемиръ, шевеля гаснувшіе уголья въ каминѣ, сказалъ Аббату Гуаско: признайся, любезный другъ, Монпескѣ умный человекъ, великій Писатель... но...

Но говоришь о Россіи, какъ невѣжда, прибавилъ Аббату Гуаско. — Скромный Кантемиръ улыбнулся, пожелалъ доброй ночи Аббату, и они разошлись.

ПИСЬМО КЪ И. М. М. А.

О СОЧИНЕНІЯХЪ Г. МУРАВЬЕВА.

Перечитывая снова рукописи и сочиненія М. Н. Муравьева, (изданныя по его кончинѣ, Москва, 1810) я осмѣлился сдѣлать нѣсколько замѣчаній. Двѣ причины были моимъ побужденіемъ. Вамъ будетъ пріятно, М. Г., бесѣдовать со мною о незабвенномъ мужѣ, кошораго упрата была сшоль горестна для сердца вашего. Все шѣснѣе и шѣснѣе связывало васъ съ покойнымъ вашимъ родспвенникомъ. Самая дружба пишалась, возвеличивалась взаимною любовію къ Музамъ, единспвеннымъ ушѣшищельницамъ сей бурной жизни. Она украсила дни цвѣтущей молодоспи вашей, и позднимъ лѣтамъ пригошвила сладоспныя воспоминаія. Конечно каж-

дый стихъ, каждое слово Виргилія напоминаеть вамъ о незабвенномъ другѣ вашемъ; ибо съ нимъ вы читали древнихъ, съ нимъ наслаждались прекрасными вымыслами чувствительнаго Поэта Маншун, глубокимъ смысломъ и гармоніей Горація, величественными картинами Тасса, Мильтона и неизъяснимою прелестью сценаній Пепрарка; однимъ словомъ, всѣми сокровищами древней и новѣйшей Словесности.

Вторую причину, побудившую меня говорить о сочиненіяхъ Г. Муравьева, могу смѣло отнести на щетъ пользы общественной. Въ 1810 году Г. Карамзинъ взялъ на себя пріятный трудъ быть издавателемъ оныхъ, не смотря на важныя свои занятія по части Исторіи; ибо онъ любилъ въ покойномъ Авторѣ не одно искусство писать, соединенное съ обширною ученостію, но душу, прекрасную его душу. Говоря о Писателѣ въ краткомъ предисловіи, онъ заключаетъ слѣдующими словами: „Спросишь его къ ученію равнялась въ

немъ только со спраснію къ добродѣ-
тели.“ Прекрасныя слова, и совершенно
справедливыя! Кто зналъ сего мужа
въ гражданской и семейственной его
жизни, тотъ могъ легко угадывать
самыя тайныя помышленія его души.
Онъ клонился къ пользѣ общественной,
къ любви изящнаго во всѣхъ родахъ,
и особенно къ успѣхамъ отечественной
Словесности. Онъ любилъ Отечество
и славу его, какъ Цицеронъ любилъ
Римъ; онъ любилъ добродѣтель, какъ
пламенный ея любовникъ, и всегда, во
всѣхъ случаяхъ жизни, оспался вѣренъ
своей благородной спраснію.

Послѣ долгаго отсутствія возвра-
щаясь въ отчизну, и съ новымъ удоволь-
ствіемъ принимаясь за Русскія книги,
я искалъ во всѣхъ журналахъ выгоднаго
или строгаго приговора сочиненіямъ
Г. Муравьева. Четыре года прошло со
времени ихъ изданія въ свѣтъ, и ни-
кто, ни одинъ изъ журналистовъ не
упоминаетъ объ нихъ (*). Чему при-

(*) Въ прошломъ 1813 году Г. Гнѣдичъ упо-
мянулъ о сочиненіяхъ Г. Муравьева, говоря о

писать сіе молчаніе? Дѣни Гг. Редакто-
ровъ и холодноши читателей къ кни-
гамъ полезнымъ, которыхъ появленіе
столь рѣдко на горизонтѣ нашей Сло-
весности. Нѣкоторые изъ Гг. журнали-
стовъ нашихъ пославляютъ себѣ дол-
гомъ говорить только о томъ, что
подѣйствовало на чернь нашей публики.
Они захватываютъ по одному предубѣж-
денію юный, возникающій талантъ,
или въ одномъ словѣ напишутъ ему
страшный и несправедливый приго-
воръ. Ихъ дѣлность собираетъ плоды съ
одного невѣжества. Къ несчастію, они
во многомъ похожи на нашихъ акте-
ровъ, которые, играя для партера,
забываютъ, что въ ложахъ прису-
ствуютъ спрогѣ судьи искусства.

Я пропущу другую причину хладно-
кровія и малаго любопытства нашей

лучшихъ нашихъ прозаическихъ Писателей
въ *Разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ
цѣль нашей Словесности*. Мы съ удоволь-
ствіемъ слышали, что Е. П. Г. Попечитель
С. П. бургскаго Учебнаго Округа предписалъ
чтеніе сочиненій Г. Муравьева, въ учили-
щахъ сего округа.

публики къ опечесивеннымъ книгамъ. Онъ происходятъ опъ исключительной любви къ Французской Словесности — и эта любовь неизлѣчима. Она выдержала всѣ возможные испытанія и времени и политическихъ обстоятельствъ. Все было сказано на сей щепъ; всѣ укоризны, всѣ насмѣшки Таліи и людей

(*) Бурный и славный 1812 годъ миновался, и любовь къ Отечеству, страсть благородная, не ослѣпляетъ насъ на щепъ Французской Словесности. Просвѣщенный Россіянинъ будетъ всегда уважать писателей Лудовикова вѣка: не Сѣверъ есть родина Омаровъ. Наши воины, спасители Европы отъ новаго Ашшилы, потушили пламенный брань въ Отечествѣ Расина и Мольера, и на другой день по вступленіи въ Парижъ, къ общему удивленію его жителей, рукоплескали величественнымъ стихамъ Французской Мельпомены на собственномъ ея театрѣ. *Но исключительная страсть къ какой либо Словесности можетъ быть вредна успѣхамъ просвѣщенія.* Истина неоспоримая, которую Г. Уваровъ, въ письмѣ къ Г. Каппису, изложилъ столь блестящимъ образомъ., Безъ основательныхъ познаній и долговременныхъ трудовъ въ древней Словесности, говоришь почтенный защитникъ Омера и экзаменовъ, ни какая

просвѣщенныхъ. . . . оспались безъ пользы, безъ вниманія (*). Но я твердо увѣренъ, что есть благоразумные читатели, которые, желая находить въ чтеніи пріятность, соединенную съ пользою, и будучи недовольны нашею Литературою, столь бѣдною въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, часто съ горестію прибѣгаютъ къ иностранной. Такого рода люди — ихъ число ограничено — радуются появленію хорошей книги и перечитываютъ ее съ удовольствіемъ. Для нихъ я спѣшу сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на сочиненія Г. Муравьева вообще, и напомнимъ имъ о собственномъ ихъ богатствѣ.

Собраніе сихъ сочиненій (изданныхъ въ Москвѣ 1810) составлено изъ отдѣльныхъ піэсъ, которыя, какъ говорилъ Г. Карамзинъ, были написаны

новѣйшая существовать не можетъ; безъ тѣснаго знакомства съ другими новѣйшими, мы не въ состояніи объять все поле человеческого ума, обширное и блистательное поле, на которомъ всѣ предубѣжденія должны бы умирать и всѣ ненависти гаснуть.,,

Авторомъ для чтенія Великихъ Князей. Онъ имѣлъ щастіе преподавать Имъ наставленія въ Россійскомъ языкѣ, въ Нравственности и Словесности (*).

Желая начертать въ юной памяти историческія лица знаменитыхъ мужей, а особливо Великихъ Князей и Царей Русскихъ, Авторъ, подобно Фоншенелю, заставляеиъ разговаривать ихъ шѣи въ царствѣ мертвыхъ. Но Французскій Писатель гонялся единственно за остроуміемъ: дѣйствующія лица въ его разговорахъ разрѣшаютъ какую нибудь истину блестящими словами; онъ, кажется намъ, любующая сами шѣмъ, что сказали. Подъ перомъ Фоншенеля не рѣдко древніе Герои преображаются въ придворныхъ Людовикова времени, и напоминаютъ намъ живо учтивыхъ паспуховъ того же Автора, которымъ не доспаетъ парика, манжетъ и красныхъ каблуковъ, чтобы шаркать въ королевской перед-

(*) Нынѣ благополучно царствующему Государю Императору и Цесаревичу Великому Князю Константину Павловичу. —

ней, какъ замѣчаетъ Вольперъ — не помню въ какомъ мѣстѣ. Здѣсь совершенно тому противоположное: всякое лицо говоришь приличнымъ ему языкомъ, и Авторъ знакомитъ насъ, какъ будто невольно, съ Рурикомъ, съ Карломъ Великимъ, съ Кантемиромъ, съ Гораціемъ и пр. Онъ, какъ Фонсенель, разрѣшаетъ въ маленькой драмѣ своей какую нибудь истину, или политическую или нравственную; но жертвуетъ ей ничтожными выгодами остроумія, и если смѣю сказать, скрывается за дѣйствующее лице. — Напримѣръ, желая сказать, что истинное богопочитаніе неразлучно съ человеколюбіемъ, онъ заставляетъ разговаривать Игоря и Ольгу, которая была жестокою по добродѣтели и дѣйствовала по должнымъ понятіямъ воспитанія и народныхъ нравовъ. Въ другомъ разговорѣ онъ выводитъ на сцену Карла Великаго и Владиміра, имѣя въ виду слѣдующее предложеніе: „Слава добрыхъ Государей никогда не погибаетъ, и безпристрастный гласъ Исторіи, отдѣляя отъ нихъ нѣкоторыя дѣтскія несовершенства человѣче-

ства, представляешь добродѣтели ихъ для подражанія пошомству.“ И такъ далѣе.

Сии разговоры и Письма Обищателя предмѣспія могутъ замѣнить въ рукахъ наставниковъ лучшія произведенія иностранныхъ Писателей. Въ нихъ моральныя истины изложены съ такою ясностію, съ такимъ добродушіемъ, облечены въ столь пріятныя формы слога, что самая разборчивая критика увѣнчиваетъ ихъ похвалами. Насъ лучше удословляють примѣры. Возьмемъ ихъ наудачу изъ писемъ. Сочинитель, удаленный отъ городского шума, въ пріятномъ сельскомъ убѣжищѣ — „на берегахъ свѣтлаго ручья, по копорымъ разбросано нѣсколько кустовъ орѣшника“ — пишетъ къ своему пріятелю о различныхъ предметахъ, его окружающихъ; веселится сельскими картинами, мирнымъ щастіемъ полей и человекомъ, общающимся посреди чудесъ первобытной природы. Часто облако задумчивости осѣняетъ его душу; часто углубляется онъ въ самого себя, и

извлекаетъ истины, всегда утѣшительныя, изъ собственнаго своего сердца. Тихая, просная, но веселая Философія, неразлучная подруга прекрасной, образованной души, исполненной любви и доброжеланія ко всему человѣчеству, съ неизяснимой прелестью дышетъ въ сихъ письмахъ. „Никакое непріятное воспоминаніе не оправляетъ моего уединенія: — (здѣсь видна вся душа Автора): чувствую сердце мое способнымъ къ добродѣтели; оно бѣжится съ сладостною чувствительностію при единомъ помыслѣніи о какомъ нибудь дѣлѣ благошворительности и великодушія. Имѣю благородную надежду, что будучи поставленъ между добродѣтели и несчастія, выберу лучше смерть, нежели злодѣйство. И кто въ свѣтѣ щастливѣе смертнаго, который справедливымъ образомъ можетъ чинить самаго себя?“ — Прекрасныя, золотыя спроки! Кто, кто не желалъ бы написать ихъ въ изліяніи сердечномъ? — Потомъ, описавъ сладостныя занятія любителя Музъ въ тихомъ кабинетѣ, нашъ Авторъ прибавляетъ: „И послѣ

того есть еще люди, которые ищутъ благополучія въ разсѣянїи, въ многлюдствѣ, далеко отъ домашнихъ Боговъ своихъ! — Какое щастіе опереть слезы невинноспраждающаго, оказавъ услугу маломощному, облегчить зависимость подчиненныхъ? Но что я скажу о дружбѣ? Чувствовать себя въ другомъ, разумѣть другъ друга столь искренно, столь скоро, при единомъ словѣ, при единомъ взорѣ? — Кто называетъ дружбу, называетъ добродѣтель.“ — Сїи спроки, и многія другія, напоминающъ намъ Монпана, тамъ, гдѣ онъ, предаваясь щастливому изліянію своего сердца, говорилъ о незабвенномъ своемъ Лабоесъ (*). Тонъ иныхъ писемъ важнѣе — но нравственная цѣль всегда одинакова. Признаюсь вамъ, М. Г., я не могу удержаться отъ удовольствія выписывать; при томъ это единственный и лучший способъ пока-

(*) Si on me presse de dire, pourquoi je l'aime, je sens que cela ne se peut exprimer qu'en répondant: parceque c'étoit lui, parceque c'étoit moi. *Монтань.*

затѣ красоты сочиненія и дасть ясное
 понятіе объ Авторѣ. „Тихій вечеръ
 оканчивалъ знойный день. Солнце, ве-
 личественнѣе и медленнѣе на концѣ пути
 своего, покоилось за мгновеніе предъ
 закатомъ на крайнихъ горахъ горизон-
 та, а я прогуливался на крупомъ бе-
 регѣ Волги съ добродѣтельнымъ дру-
 гомъ юности моей, съ кропкимъ моимъ
 наставникомъ. Власы главы его бѣдали
 уже отъ хлада спарости; весна жизни
 моей не разцвѣтала еще совершенно.
 Мы касались оба противоположныхъ
 крайностей вѣка. Но дружба его и
 опытность сокращали разстояніе, ко-
 торое раздѣляло насъ, и часто позабы-
 ваясь, мнилъ я видѣть въ немъ спар-
 шаго и благоразумнаго товарища. Бу-
 дучи важнѣе обыкновеннаго въ тошъ
 вечеръ, онъ говорилъ мнѣ: Сынъ мой!
 — (Симъ именемъ любви я одолженъ
 былъ нежности сердца его) — Озирая
 холмы сіи, одѣваемые небесною лазурью,
 поля, жазвы, и напояющія ихъ струи,
 не чувствуешь ли въ сердцѣ своемъ
 благополучія? — Чудеса природы не
 довольны ли для щастія человека? Но

одно худое дѣло, котораго сознаніе оскорбляетъ сердце, можетъ разрушить прелестъ наслажденія. Великолѣпіе и вся красота природы, вкушается только невиннымъ сердцемъ. Одно щастіе — добродѣтель; одно несчастіе — порокъ. И всѣ вечера швомъ будушъ такъ тихи, ясны, какъ нынѣшній. Спокойная совѣсть шворишъ и природу спокойною. — Слова его проникли въ душу мою, и я съ умиленіемъ повергся въ объятія старца.“ —

Другіе отрывки принадлежатъ къ вышнему роду Словесности. Между ими повѣсть Оскольдъ, въ которой Авшоръ изображаетъ походъ Сѣверныхъ народовъ на Царь-градъ, блистаетъ красотою. Здѣсь мы видимъ толпы дикихъ воиновъ, которыхъ какъ будто невидимая сила влечетъ къ роскошной столице Восточной Имперіи. Мы переносимся во времена глубокой древности; въ степи и дремучія лѣса любимой Россіи; по бурныя волны Варяжскаго моря, покрытыя судами отважныхъ плавателей; по въ непро-

ходимыя снѣжныя пустыни Біарміи, освѣщенные холоднымъ солнцемъ; по въ роскошное Царство Михаила: — „гдѣ игры, удивительныя ристалища занимающъ ежедневно праздность народа. — Щасливъ, кто видѣлъ все сіе единожды въ жизни! Сладостное воспоминаіе распространился на оспальное теченіе дней его, и облегчилъ ему бремя ненавистной старости.“ — Авторъ, съ обыкновеннымъ искусствомъ говоришь о Труворѣ и Синеусѣ, сохраняя всю приличность историческую; выводилъ честлюбиваго Вадима — „котораго взоры изображаютъ столько же упрековъ Новгородцамъ, сколько сиротости воинской“ — и возбуждаетъ въ памяти нашей цѣпь великихъ опечиственныхъ воспоминаній. Сила изображенія блистаетъ въ исчисленіи Оскольдовыхъ ратниковъ. Они описаны рѣдкими чертами одинъ опъ другаго; они живутъ, дѣйствуютъ передъ вами. „Но кто можетъ назвать имена безчисленнаго воинства? Таковы шумъ пернатыхъ, наполняющихъ воздухъ крикомъ, когда, почувствовавъ приходъ

зимы, оставляють крупные берега Русскаго моря, не памятуя любви и прекрасныхъ дней, коими тамъ наслаждались лѣтомъ; удивленный пущеннеспвенникъ позабываетъ дорогу свою на нихъ взирая, и унываетъ въ сердцѣ, видя себя оставляемаго свирѣпоси мразовъ и бурныхъ вѣтровъ.“ — Вы видите предъ полками сонмъ вдохновенныхъ Скальдовъ, съ златыми арфами. „Неперпѣливый, добрый между ими, юный Славянинъ, который на влажныхъ берегахъ моря и на краю земли безплодной почувствовалъ вдохновеніе Скальда, оставилъ съпи и парусы, способы скуднаго пропитанія, и воспѣлъ соотчичамъ неслыханныя пѣсни о браняхъ и Герояхъ.“ Эпопѣю юный Скальдъ напоминаетъ намъ Ломоносова. Конечно его имѣлъ въ виду нашъ Авторъ, и здѣсь, сохраняя всю приличность разсказа, представилъ намъ въ блистательномъ видѣ опца Русскаго Спихотворсва, сего чудеснаго мужа, котораго не только дарованія поэтическія, неимовѣрные успѣхи и труды въ Искусствахъ и Наукахъ, но самая жизнь,

исполненная Поэзии — если смѣю упо-
требить сіе выраженіе — заслужи-
ваетъ вниманіе позднѣйшаго пошом-
ства (*).

Искусство, неразлучное съ глубо-
кимъ познаніемъ Исторіи, болѣе всего
блещетъ въ описаніи нравовъ Сѣвер-
ныхъ племенъ. Авиоръ Скальда крап-
кими словами умѣетъ возбудить вни-
маніе читателя и перенести его на
сцену тогдашняго міра, который зна-
комъ ему, какъ Омеру древняя Трояда.
Замѣтимъ еще, что эпоха, избранная
имъ для поэпического повѣствованія,
соединяетъ всѣ возможные выгоды, и
доказываетъ его вѣрный вкусъ и об-
ширные свѣденія. Дѣйствіе происходитъ
въ Россіи во времена опдаленныя, ко-
торыя Поэпу столь удобно украшать
вымыслами и цвѣтами творческаго
воображенія. Оскольдъ, товарищъ Рури-
ковъ, поклоняется Одепу, сему крова-

(*) Мы приглашаемъ прочесть въ Опыт-
сахъ Исторіи, Словесности и Правоученія
Г. Муравьева прекрасную статью о заслу-
гахъ Ломоносова въ Наукахъ. —

вѣстному божеству Скандинавовъ, ко-
 торыхъ и жизнь и суевѣрія ознаменованы
 были мрачною Поэзіею. Спутники
 Оскольдовы имѣютъ, или могутъ имѣть
 свои преданія, какъ Славяне имѣютъ
 свою вѣру, и отъ сего рождается при-
 ятное разнообразіе, истинная припад-
 лежность Эпопей! Въ нѣкоторомъ
 отдаленіи мы видимъ Царь-градъ, жи-
 лище роскоши и нѣги, колыбель Хри-
 стианской религіи, куда кочующіе на-
 роды Сѣвера вшоргались съ мечемъ и
 пламенемъ для похищенія земныхъ со-
 кровищъ, и нерѣдко возвращались съ
 святымъ знаменіемъ вѣры въ свои не-
 постоянныя становища. Туда усшрем-
 лены воины Оскольда и любопыт-
 ство чинашеля. . . . Къ сожалѣнію, сія
 повѣсть не кончена: она есть начало
 большаго шворенія, которое безъ со-
 мнѣнія имѣлъ въ виду нашъ Авторъ;
 но Государственныя занятія отклонили
 его отъ Словесности. При концѣ жизни
 своей, онъ рѣдко бесѣдовалъ съ Музами,
 удѣляя нѣсколько свободныхъ минутъ
 начтенію древнихъ въ подлинникъ, и

особенно Греческихъ Историковъ, ему
отъ дѣлства любезныхъ.

Историческіе опривки Г. Муравьева
заслуживающъ особенное вниманіе, и мы
смѣло увѣримъ можемъ — опираясь на
мнѣніе ученѣйшихъ мужей по этой
части — что на Русскомъ языкѣ едва ли
находясь что нибудь подобное *Крат-*
кому Начертанію Россійской Исторіи,
напечатанному въ первый разъ въ 1810
году, и ставъямъ, подъ названіемъ:
Разсѣяныя герты изъ Землеописанія
Россійскаго и Соединеніе удѣльныхъ
Княженій въ единое Государство. Отъ
начертаны перомъ Ученаго, Полистика
и Философа. Вотъ рѣдкое явленіе въ
нашей Словесности! Ибо наши писа-
тели не всегда соединяли въ себѣ ка-
чества, потребныя Историкъ: Фило-
софію и Критику. Мы надѣемся, что
ученые люди, занимающіеся отече-
ственною Исторіею, сообщатъ чи-
тающей публикѣ свои замѣчанія о сихъ
безцѣнныхъ опривкахъ, а наславни-
ки включатъ ихъ въ малое число
книгъ, посвященныхъ чтенію юноше-

ства. Исторія наша, Исторія народа, совершенно отличнаго отъ другихъ по гражданскому положенію, по правамъ и обычаямъ, Исторія народа, сильнаго и воинственнаго отъ самой его колыбели, и нынѣ удивившаго неимовѣрными подвигами всю Европу, должна быть любимымъ нашимъ чтеніемъ отъ самаго дѣтства. „Мы ходимъ, говоримъ краснорѣчивый Авторъ Землеописанія Русскаго — мы ходимъ по землѣ, обогрѣнной кровію предковъ нашихъ, и прославленной отважными предпріятіями и подвигами Князей и Полководцевъ, которые только для того осѣнены глубокою ноцію забвенія, что не имѣли достойныхъ провозвѣсниковъ славы своей. Да настанетъ нѣкогда время приспособленія къ общественнымъ происшествіямъ, къ своимъ Государямъ, ко правамъ и добродѣтелямъ, которыя суть природныя произрастѣнія нашего Олечества.“ (*)

(*) Любители Исторіи и Словесности ожидаютъ съ нетерпѣніемъ полной Исторіи Русской того Писателя, который покажетъ

Мы должны упомянуть о Философических и нравственных произведеніяхъ нашего Автора. Здѣсь, болѣе нежели гдѣ нибудь, видна его душа и горячія впечатлѣнія его сердца. Къ нему можно примѣнить то, что Шиллеръ сказалъ о Машписонѣ: „Тѣсное обращеніе съ природою и съ классическими образцами напишало его духъ, очистило его вкусъ и сохранило его нравственную Грацію; пламенная и чистѣйшая любовь къ человѣчеству одушевляетъ его произведенія, и всѣ явленія природы отражаются въ душѣ его со всѣми оппѣнками, какъ въ стихомъ зеркаль воды.“ — Здѣсь находимъ мы самаго Автора, вступаемъ съ нимъ въ тѣсное знакомство. Искусство человеческое можешь всему подражать, кромѣ движеній добраго сердца. Вотъ истинная оригиналь-

намъ истинные образцы Русской прозы, и въ трудолюбивомъ молчаніи болѣе десяти лѣтъ приготавлиешь своему Отечеству новое удовольствіе, новую славу. Его твореніе будетъ имѣть непосредственное вліяніе на умы и болѣе всего на Словесность.

ность нашего Автора! Онъ часто, какъ будто проливъ воли своей, обнажаетъ прекрасную душу и рѣдкую чувствительность; и болѣе всего въ отрывкѣ подъ названіемъ: *Просвѣщеніе и Роскошь*, гдѣ, описывая странный характеръ Руссо, онъ готовъ съ нимъ предаться сладостной мечтательности; — въ отрывкѣ о *Блаженствѣ*, гдѣ онъ, опредѣляя счастье, увлекается своимъ воображеніемъ, и отдыхаетъ въ тишинѣ сельской, на лонѣ природы, ему всегда любезной. Вы можете читать его во всякое время, и въ шумѣ дѣятельной жизни, и въ тишинѣ уединенія; его слова подобны словамъ стараго друга, который, въ откровенности сердечной говоря о себѣ, напоминаетъ вамъ собственную вашу жизнь, ваши страсти, печали, надежды и наслажденія. Онъ сообщаетъ вамъ тишину и ясность своей души и оставляетъ въ памяти продолжительное воспоминаніе своей бесѣды. Однимъ словомъ, самое бремя печалей и заботъ — я занимаю его выраженіе — отпадаетъ по его утѣшительному гласу.

Въ *Забавахъ* воображенія, говоря о томъ Государственномъ человѣкѣ, который первый въ Россіи ознаменовалъ дни свои покровительствомъ отечественныхъ Музъ, котораго имя должно быть драгоцѣнно позднему потомству: ибо перейдемъ къ нему съ именами Ломоносова и Державина, — говоря о Шуваловѣ, Сочинитель продолжаетъ: „Пріятно воспоминаеть Государственнаго человѣка, который былъ чувствителенъ къ прелестямъ Письменъ, Поэзіи и Художествъ, и посреди сіянія знашиости и попеченій правленія, удостоивалъ взорами своими просвѣщеніе; какъ любимецъ Августовъ, или Кольбертъ, давалъ покровительство Научамъ, или призывалъ дарованія изъ чужихъ земель.“ — Конечно иныя черты можно примѣнить къ нашему Автору, котораго память столь любезна и Художникамъ и Ученымъ. — Онъ посѣщалъ ихъ кабинеты, ихъ мастерскія; они искали въ немъ покровителя, и часто находили попечительнаго друга. Имя его и до сихъ поръ почтенные Члены Московскаго Университета про-

износятъ со слезами живѣйшей благодарности. Незабвенное имя для сердецъ благородныхъ! Оно напоминаетъ Ощеществу всѣ гражданскія добродѣтели.

„Все то, что способствуетъ къ доставленію вкусу болѣе тонкости и разборчивости, — прибавляетъ Сочинитель въ снѣгахъ о *Забавахъ* воображенія, изъ коихъ я выписываю сіи строки — все то, что приводитъ въ совершенство чувствованія красоты въ Искусствахъ и Письменахъ, отводитъ насъ въ то же самое время отъ грубыхъ излишествъ снѣжей, отъ неистовыхъ воспаленій гнѣва, жестокости, корыстолюбія и прочихъ подлыхъ наслажденій. Кто восхищается красотами Поэмы или расположеніемъ картины, не въ состояніи полагать благополучія въ несчастіи другихъ, въ шумныхъ сборищахъ безпущива или въ исканіи подлой корысти. Нѣжное сердце и просвѣщенный разумъ услаждаются возвышенными чувствованіями дружбы, великодушія и благошворительности.“ — Давно сказано было, что

слогъ есть зеркало души, и относительно къ нашему Автору, это совершенно справедливо. Слогъ его можно уподобить слогу Фенелона. Таже чистота и точность выражений, стройность мыслей; тоже сердечное, убедительное краснорѣчіе. Образованный въ училищѣ древнихъ, его слогъ сохранилъ на себѣ ихъ печать неизгладимую: простоту, важность и приличіе.

Я не сдѣлаю ни одного замѣчанія на погрѣшности. Пускай другіе ищутъ ошибокъ грамматическихъ, галлицизмовъ и пр.

Мы предоставимъ себѣ сладостное удовольствіе хвалить то, что достойно похвалъ и самой разборчивой Крипки, которая въ Словесности нашей болѣе приноситъ пользы, указывая на красоты, нежели порицая недоспалки ядовитымъ перомъ своимъ — и часто несправедливымъ.

Вамъ извѣстно, М. Г., что я многимъ обязанъ покойному Автору; но благодарность меня не ослѣпляетъ. Я

опирался на судъ людей просвѣщен-
ныхъ, знамоковъ въ нашей Словесно-
сти, отдавая должную справедливостъ
тому, что заслуживаетъ похвалы,
и назову себя совершенно щасливымъ,
если могъ бытъ, хотя слабымъ, но
вѣрнымъ опголоскомъ ихъ мыслей и
сужденій о томъ человѣкѣ, котораго
память будетъ мнѣ драгоценна до позд-
нихъ дней жизни, и украситъ ихъ
горестнымъ и вмѣстѣ сладкимъ воспо-
минаніемъ прошлаго! —

Долгомъ поспавляю упомянуть здѣсь
о стихотворныхъ его произведеніяхъ.
Многія изъ нихъ напечатаны были безъ
имени Сочинителя въ разныхъ Журна-
лахъ, и въ послѣдній разъ въ Собраніи
Русскихъ Стихотвореній, изданныхъ
Г. Жуковскимъ, который взялъ на себя
трудъ, пересмотрѣвъ нѣсколько руко-
писей Автора, приготовилъ ихъ для
печати, особенно то, что не входило
въ планъ книги, изданной въ Москвѣ
въ 1810 году. Конечно любители Сло-
весности ожидаютъ съ нетерпѣніемъ
третью часть сочиненій Г. Муравьева,

которая будетъ состоятъ изъ его Слѣпошвореній. Желательно, М. Г., что бы вы сдѣлали нѣсколько замѣчаній на жизнь Автора: она любопытна не только для любителя Словесности, но и для каждаго друга добродѣтели. Истинному патриоту пріятно узнать нѣкоторыя обстоятельство жизни гражданина, принесшаго пользу Отечеству непрерывными трудами и перомъ своимъ: мы будемъ помнить сыновъ Россіи, прославившихъ Отечество на полѣ брани; Исторія вписываетъ уже имена ихъ въ свои скрижали; но должны ли мы забывать и ихъ согражданъ, которые, употребя всю жизнь свою для пользы нашей, отличились гражданскими добродѣтелями и рѣдкими талантами? — Древніе, чувствительные ко всему прекрасному, ко всему полезному, имѣли два вѣнца: одинъ для воина, другой для гражданина. Плутархъ, описывая жизнь великихъ Полководцевъ, Царей и Законодателей, помѣстилъ между ими Гезіода и Пиндара. — Мы желаемъ отъ всей души, чтобы вы исполнили надежду нашу.

Замѣчанія ваши на жизнь Г. Муравьева могутъ служить предисловіемъ къ прелѣбѣй части полнаго собранія его сочиненій.

Слихопворенія Г. Муравьева безъ сомнѣнія будутъ стоять на ряду съ лучшими его произведеніями въ прозѣ. Въ нихъ тоже достоинство: Философія, которой источникъ чувствительное и доброе сердце; выборъ мыслей, образованныхъ прилежнымъ чтеніемъ древнихъ; стройность и чистота слога. — Вотъ нѣсколько примѣровъ изъ Посланія къ покойному И. П. Тургеневу, достойному пріятелю Автора, котораго онъ любилъ и уважалъ отъ самой юности. Наклонности и спраски друзей были одинаковы: добродѣтель и пламенная любовь къ Музамъ. Онъ запечатлѣли ихъ священный союзъ, который могла разрушить единая смерть. Посмотримъ, какъ Авторъ, описывая въ своемъ Посланіи дѣятельнаго мудреца, добраго отца семейства, истиннаго патриота, любителя порядка и счастья ближнихъ, описываетъ себя и друга своего. —

Любовью истины, любовью красоты
 Исполненъ духъ его, украшенъ мечтой.
 Искусства! васъ къ себѣ онъ въ помощь при-
 зываетъ;

Отъ зависти себя онъ въ вашу сѣнь скрываетъ;
 Безъ гордости великъ, и важенъ безъ чиновъ,
 На пользу общую всегда, вездѣ готовъ;
 Онъ свято чтитъ родства священные союзы;
 И чтобъ свободнымъ быть, пріемлетъ легки
 узы;

Внимательный супругъ и щастливый отецъ,
 Онъ власною облеченъ по выбору сердецъ; —
 Щастливъ, кто можетъ быть семейства
 благодѣтель!

Что нужды, домъ тому иль цѣлый міръ
 свидѣтель!

Таковъ Эмили былъ, равно достойнъ хвалъ,
 Какъ жилъ въ семьѣ своей, иль какъ при
 Каннахъ палъ.

Прекрасное начертаніе добродѣтель-
 наго и дѣлательнаго мудреца! Прекрас-
 ный и щастливый примѣръ! — Далѣе
 продолжаетъ Поэтъ:

Служишь Ощечеству верховный душъ обѣщъ.
 Нашъ долгъ — шуда слѣдуй, куда оно зоветъ.
 Но если въ множествѣ ревнителей ко славѣ,
 Миѣ должно уступить; уже ли буду въ правѣ
 Пренебреженною заслугой досаждать?
 Миѣ только что — служишь; опчизнѣ — на-
 граждаешь.

Изъ трехъ сошъ праздныхъ мѣстъ Спартан-
скаго Совѣща

Народъ ни на одно не избралъ Педареша.

Хвала богамъ, сказалъ, народа не вина:

Есть шриста чловѣкъ достойнѣе меня.

Здѣсь каждая мысль можетъ слу-
жить правиломъ честному гражда-
нину. И какая утѣшительная мудрость!
Какое сладостное изліяніе чистой и
праведной души! Скажемъ болѣе съ
однимъ изъ лучшихъ нашихъ Писате-
лей: Щасливъ пошъ, кто могъ жить,
какъ писалъ, и писалъ, какъ жилъ!

Полезнымъ можно быть не бывши знамени-
тымъ;

Срѣщаяшъ счастье и по тропинкамъ скры-
тымъ,

Сей старецъ, коего Виргилій воспѣвалъ,

Что близъ Тарента макъ и розы поливалъ,

И въ поздню ночь подъ кровъ склонялся до-
машній,

Столы ошлагоцалъ некупленными брашны;

Онъ счастье въ хижинѣ конечно находилъ,

И пышныхъ богачей душой превосходилъ!

Тотъ истинно свободенъ, куда бы
онъ ни былъ брошенъ фортуною, куда
бы онъ ни былъ поставленъ людьми:

управлять ими или повиноваться, сіяшь
въ вѣщѣ или скрывать себя въ пу-
стынѣ; пошъ истинно щасливъ, гово-
рилъ нашъ Поэтъ въ слѣдъ за Горациемъ:

Кто счастья въ крайностяхъ всегда съ со-
бою слоденъ;

Въ сіяніи не гордъ, въ упадкѣ не унылъ,

Въ самомъ себѣ свое величіе сокрылъ.

Владыка чувствъ своихъ, ихъ бури усми-
ряетъ,

И скуку житія ученіемъ услаждаетъ.

Въ другомъ Посланіи, въ которомъ
Авторъ болѣе предается игрѣ своего
воображенія, мы находимъ блестящее
изображеніе Вольшера,

Сего чудеснаго, столѣтняго шалбера,

По превосходству мудреца,

Который говорилъ прекрасными стихами,

Къ которому стихи въ уста входили сами....

Въ его привѣстствіяхъ невидѣнь шрудъ пѣвца—

Учтивость тонкаго Маркиза!

Замѣтьте, что Маркизь не могъ воспѣть бы
Гиза,

Не могъ бы начертать шестидесяти лѣтъ

Въ Кишаѣ страшнаго Чингиза;

Потомъ унизишь свои прагическій полетъ.

Въ Маркизѣ де Вильетъ,

И во власахъ сѣдыхъ бренчатъ еще на лирѣ
Младья шалосши, иль распворяшь въ саширѣ

Свой лицемѣрный слогъ;

Иль философствовашъ съ величествомъ о мірѣ,
О Міроздатель: — Вольшесть все это могъ!
И славу старость вель онъ съ зависью у ногъ
Превыше хвалъ и порицаній.

Въ Парижѣ сколько восклицаній,
Когда явился онъ къ принатию вѣнца!
Великіе умы, красавицы, вельможи,
Придворныхъ легкій рой изъ Королевской логи,
Плескали долго въ честь безсмертнаго творца!
За ними вся толпа плескала безъ конца! —

Такой-то нравился намъ въ обществѣ творецъ,
Который изжилъ бы во свѣтѣ лѣта юны,
И сдѣлался мудрецъ
Волненьями фортуны,
Ошвырившими ему излучины сердецъ.

Къ несчастію, говорятъ Поэты,
трудно быть свѣтскимъ человѣкомъ
и Писателемъ. Одно вредитъ другому:

Условия общества для мыслящаго — цѣпи!
А тотъ, кто въ обществѣ свой выдержалъ
искусъ,

Зѣваешь въ обхожденіи Музъ.

Въ наукѣ нравишься учу и основанья;
Но старый ученикъ, не знаю ни аза,
И не задремлетъ со мной лоза,
Которой общество чинитъ увѣщанья.
Межъ тѣмъ замедлѣны успѣхи дарованья,

Что льстился въ юности имѣшь.
 Замедлѣны?.. Я выражаюсь мало! —
 Ихъ уничтожено въ душѣ моей начало;
 Прелесшна лѣнь поспавила миѣ сѣшь,
 Изъ коей я не выду.

Не бывъ Ринальдомъ, я нашель свою Армиду —
 И въ лѣни сладостной забылъ искусство пѣшь.
 Поэтомъ шрудно бышь, а легче офицеромъ —
 Съ Доратомъ я успѣлъ сравнишь въ томъ,
 Что онъ, какъ я, былъ мушкешеромъ.

Часто въ стихахъ нашего Поэта
 видна сладкая задумчивость, истинный
 признакъ чувствительной и нѣжной
 души; часто, подобно Тибуллу и Го-
 рацію, сожалѣешь онъ объ утратѣ
 юности, объ утратѣ пламенныхъ вос-
 торговъ любви и безпредѣльных же-
 ланій юнаго сердца, исполненнаго жизни
 и силы. Въ стихотвореніи подъ на-
 званіемъ *Муза*, обращаясь къ тайной
 подругѣ души своей, онъ дѣлаетъ ей
 нѣжныя упреки:

Ты утро дней моихъ прилѣжно посѣщала:
 Почтожъ печальная распространилась мгла,
 И ясный полдень мой покрыла черной тѣнью?
 Изъ лавровъ по слѣдамъ швоимъ не соберу,
 И въ пѣсняхъ не преиду къ другому поколѣнью,
 Или я весь умру?

Ныпъ, мы надѣмся, что сердце чело-
вѣческое безсмертно. Всѣ пламенные
ощущенья его, въ шашливыхъ спи-
сахъ Поэта, побуждаютъ и самое время.
Музы сохраняютъ въ своей памяти
пѣсни своего любимца, и имя его перей-
детъ къ другому поколѣнію съ име-
нами, съ священными именами мужей
добродѣтельныхъ. Музы, взирая на
преждевременную его могилу, воскли-
цаютъ съ Поэтомъ Маншунъ.

Manibus date lilia plenis:
Purpureos spargam flores! —

С. Петербургъ, 1814 года.

VI.

ПРОГУЛКА ВЪ АКАДЕМІЮ
ХУДОЖЕСТВЪ.

Письмо стараго Московскаго жителя
къ пріятелю, въ деревню его Н.

Ты пребуешь опъ меня, мой старый другъ, продолженія моихъ прогулокъ по Пешербургу. Повинуясь тебѣ.

На эпошъ разъ я буду говорить объ Академіи Художествъ, копорая, послѣ двадцатилѣшняго нашего опсущствія изъ Пешербурга, сполько перемѣнилась. . . „Говори, говори объ Академіи Художествъ!“ шакъ воскликнешь ты, начиная чпеніе моего болпливаго письма. — Мы издавна любили Живопись и Скульптуру, и въ швоемъ маленькомъ домикѣ на Прѣснѣ (кошораго шеперь и слѣдовъ не ошалось!) мы часто заводили жаркіе споры о

головѣ Аполлона Бельведерскаго, о ми-
 зинцѣ Гебы славнаго Кановы, о конѣ
 Петра Великаго, о кисти Рафаеля,
 Кореджіо, даже самаго Сальватора Розы,
 Мурилло, Койпеля и пр. Такъ — я во
 многомъ съ тобой соглашался, а ны
 ни въ чемъ со мною, а еще менѣе съ
 добрымъ живописцемъ Ализовымъ, съ
 товарищемъ славнаго Лосенкова, ко-
 торый часто смѣшилъ и сердилъ насъ
 своимъ упрямствомъ и добродушіемъ.
 Мы спорили; время лепѣло въ пріят-
 ныхъ разговорахъ. Щастливое, невоз-
 вратное время! Пожаръ Москвы погло-
 тилъ и домикъ твой со всеми дур-
 ными картинами и эстампами, копо-
 рые ты покупалъ за безцѣнокъ у торго-
 шей на аукціонахъ, а въ Нѣмецкой
 слободѣ у опешавныхъ спряпчихъ;
 онъ поглотилъ маленькую Венеру, въ
 которой ты находилъ нечто боже-
 ственное, и бюстъ Вольперовъ съ
 ошибнымъ носомъ, и маленькаго Амура
 съ факеломъ, и бронзоваго Фавна, кото-
 раго Ализовъ опрылъ... будто бы на
 развалинахъ какой-то бани близъ Неа-
 поля, и которымъ онъ приводилъ въ

восхищеніе и тебя и меня и всѣхъ
 знашковыхъ нашего квартала. Пожаръ,
 немилосердый пожаръ поглотилъ даже
 акаціеву бесѣдку, съ красивыми ска-
 мейками, съ дубовымъ столомъ, на
 копоромъ мы, разливая чай, любова-
 лись прелесными видами: Москвой
 рѣкою, которая извивается по дугу
 вокругъ стѣнъ и высокихъ башенъ
 Дѣвичьяго Монастыря, Васильевскимъ,
 Воробьевыми горами съ тѣнистыми
 рощами — и закатомъ вечерняго солн-
 ца. Пожаръ поглотилъ наше убѣжище.
 Но въ памяти моей оспалось воспо-
 минаніе твоей любви къ Изящнымъ
 Художествамъ, и охоты спорить, ко-
 торая конечно укротилась отъ вре-
 мени, а болѣе всего отъ политиче-
 скихъ обстоятельствъ. — И такъ, го-
 вори объ Академіи Художествъ, о
 произведеніяхъ нашихъ артистовъ: я
 буду слушать съ удовольствіемъ. Вся-
 кая новость изъ столицы пріятна пу-
 стыннику, который и на старости
 лѣтъ еще пламенно любитъ Отече-
 ство, успѣхи и славу согражданъ.”
 Вотъ, что ты скажешь, развернувъ

мое письмо. — Я начну мой рассказ сначала, какъ начинаеть обыкновенно болтливая старость. Слушай.

Вчерашній день по утру, сидя у окна моего съ Винкельманомъ въ рукѣ, я предался сладостному мечтанію, въ кошоромъ тебѣ не могу дать совершенно ошчета; книга и чищенное мною было совершенно забыто. Помню только, что взглянувъ на Неву, покрышую судами, взглянувъ на великолѣпную набережную, на кошорую благодаря привычкѣ, жишли Петербургскіе смотря холоднымъ окомъ, — любясь безчисленнымъ народомъ, кошорый волновался подъ моими окнами, симъ чудеснымъ смѣшеніемъ всѣхъ націй, въ кошоромъ я ошачалъ Англичанъ и Азіатцовъ, Французовъ и Калмыковъ, Русскихъ и Финновъ, я сдѣлалъ себѣ слѣдующій вопросъ: что было на этомъ мѣстѣ до построения Петербурга? Можеть быть сосновая роца, сырой, дремучій боръ или топкое болото, поросшее мхомъ и брусничкою; — ближе къ берегу — лачуга рыбака, кругомъ ко-

порой развѣшены были мережи, невода, и весь грубый снарядъ скуднаго промысла. Сюда, можетъ быть, съ прудомъ пробирался охотникъ, какой нибудь длиновласый Финь. . . .

За ланью быстрой и рогадой,
Прицѣлась къ ней стрѣлой пернадой.

Здѣсь все было безмолвно. Рѣдко человѣческій голосъ пробуждалъ молчаніе пустыни дикой, мрачной; а нынѣ? . . Я взглянулъ невольно на Троицкій мостъ, попомъ на хижину Великаго Монарха, къ копорой по справедливости можно примѣнить извѣстный стихъ:

Souvent un faible gland recèle un chêne immense!

И воображеніе мое представило мнѣ Пешра, копорый въ первый разъ обозрѣвалъ берега дикой Невы, нынѣ столь прекрасные! — Изъ крѣпости Нюсканцъ еще гремѣли Шведскія пушки; устье Невы еще было покрыто непріятелемъ, и частые ружейные выстрѣлы раздавались по болошнымъ берегамъ, когда великая мысль родилась въ умѣ великаго человѣка. Здѣсь будешь

городъ, сказалъ онъ, чудо свѣта. Сюда призову всѣ Художества, всѣ Искусства. Здѣсь Художества, Искусства, гражданскія установленія и законы побѣдятъ самую природу. Сказалъ — и Петербургъ возникъ изъ дикаго болота.

Съ какимъ удовольствіемъ я вообразилъ себя Монарха, обзрѣвающего начальные работы: здѣсь валъ крѣпости, тамъ магазины, фабрики, Адмиралтейство. Въ ожиданіи обѣда въ праздничный день, или въ день торжества побѣды, Государь часто сидѣлъ на новомъ валѣ съ планомъ города въ рукахъ, прошивъ крѣпостныхъ вѣрою, украшенныхъ изваяніемъ Апостола Петра, изъ грубаго дерева. Именемъ Святаго долженъ былъ назваться городъ, и на жѣсткой доскѣ, прибитой подъ его изваяніемъ, изображался славный въ лѣтописяхъ міра 1703 годъ Римскими цифрами. На ближнемъ бастионѣ развѣвался желтый флагъ съ большимъ чернымъ орломъ, который заключалъ въ когтяхъ своихъ четыре моря, подвластныя Россіи. Здѣсь под-

пились вокругъ Монарха иносипрапные
хорабелыцкии, маппрозы, Художники,
Ученые, Полководцы, Воины; межъ
ними, простой рожденіемъ, великій
умомъ, любимецъ Царскій Меншиковъ,
великодушный Долгорукій, храбрый и
дѣлательный Шереметьевъ и вся фа-
ланга героевъ, которые создали съ
Петромъ величіе Русскаго царства. . . .

Такимъ образомъ, погруженный въ
мое мечпаніе, я не примѣнилъ, что
двери комнаты опворились и сынъ
моего спараго пріятели Н., молодой,
весьма искусной Художникъ, привѣп-
спивовалъ меня съ добрымъ упромъ. Я
пришелъ нарочно за вами, сказалъ онъ:
сегодня Академія Художествъ оп-
крыпа для любопытныхъ, и я готовъ
быть вашимъ пушеводиседемъ, ва-
шимъ Чичероне, если угодно! — Вы
увидите много хорошаго, полюбуетесь
нѣкоторыми произведеніями Русскаго
рѣзца и кисти; о другихъ теперь ни
слова. Посмотрите, продолжалъ онъ,
открывая окно: какое прекрасное
время! Весь городъ гуляетъ, и мы

съ толпой гуляющихъ непримѣтнымъ образомъ пройдемъ въ Академію. Съ удовольствіемъ, ошвѣчалъ я молодому человѣку: около двадцати лѣтъ я не видалъ Академіи, и какъ здѣсь все идешь исполинскими шагами къ совершенству, то надѣюсь, что и Художества приведуть меня въ пріятное изумленіе. Возьмъ мой посохъ, моя шляпа — пойдёмъ!

И въ самомъ дѣлѣ время было прекрасное. Ни малѣйшій въперокъ не спруилъ поверхности величественной, первой рѣки въ мірѣ, и я привѣтствовалъ мысленно Богиню Невы словами Поэта:

Обшекай спокойно, плавно,
Горделивая Нева,
Государей зданье славно,
И тѣнисты острова.

Великолѣпныя зданія, позлащенные упреннымъ солнцемъ, ярко отражались въ чистомъ зеркалѣ Невы, и мы оба единогласно воскликнули: какой городъ! какая рѣка! —

Единственный городъ! повторишь молодой человекъ. Сколько предметовъ для кисти Художника! умѣй только выбирать. И какъ жаль, что мои товарищи мало пользуются собственнымъ богатствомъ; Живописцы перспективны охотнѣе пишутъ виды изъ Италіи и другихъ земель, нежели сіи очаровательные предметы. Я часто съ горестію смотрѣлъ, какъ въ прескучіе морозы они трудятся надъ пламеннымъ небомъ Неаполя, пираясь свое воображеніе — и часто взоры наши. Пейзажъ долженъ быть портретъ. Если онъ несовершенно похожъ на природу, то что въ немъ? —

Надобно расстаться съ Петербургомъ, продолжалъ онъ: — надобно расстаться на нѣкоторое время, надобно видѣть древнія столицы: вѣхій Парижъ, законченный Лондонъ, чѣмъ почувствовать цѣну Петербурга. Смотрите — какое единство! какъ всѣ части отвѣчаютъ цѣлому! какая красота зданій, какой вкусъ, и въ цѣломъ какое разнообразіе, происходящее отъ

смѣшенія воды со зданіями. Взгляните на рѣшетку лѣшняго сада, которая отражается зеленою высокимихъ липъ, вязовъ и дубовъ! Какая легкость и стройность въ ея рисунокъ! Я видѣлъ славную рѣшетку Тюльерійскаго замка, опягченную, раздавленную, такъ сказать, украшеніями — пиками, касками, профеями. Она безобразна въ сравненіи съ этою.

Энпузіасмъ, съ которымъ говорилъ молодой Художникъ, мнѣ весьма понравился. Я пожалъ у него руку и сказалъ ему: изъ тебя будешь Художникъ! Не знаю, понялъ ли онъ мои пророческія слова, но посморгнувъ на меня съ улыбкою удовольствія, продолжалъ: взгляните теперь на набережную, на сіи огромные дворцы — одинъ другаго величественнѣе! на сіи дома — одинъ другаго красивѣе! Посмотрите на Васильевскій островъ, образующій преугольникъ, украшенный биржею, роспальными колоннами и гранитною набережною, съ прекрасными спусками и лѣстницами къ водѣ. Какъ величе-

спвенна и красива эпа часть города! Вошъ произведеіе, доспойное покойнаго Томона, сего неушомимаго иностранца, кошорый посвятиль памъ свои дарованія, и сполько способствоваль къ украшенію сѣверной Пальмиры! Теперь опъ биржи, съ какимъ удовольствіемъ взоръ мой слѣдуетъ вдоль береговъ, и теряется въ шуманномъ опдаленіи между двухъ набережныхъ, единственныхъ въ міръ! — Такъ, мой другъ, воскликнулъ я, сколько чудесъ мы видимъ передъ собою, и чудесъ созданныхъ въ споль короткое время, въ спольшіе — въ одно спольшіе! Хвала и честь Великому Основателю сего города! Хвала и честь Его Преемникамъ, которые довершили едва начатое Имъ, среди войнъ, внутреннихъ и внѣшнихъ раздоровъ. Хвала и честь Александру, кошорый болѣе всѣхъ, въ печеніе своего царствованія, украсиль сполнцу Сѣвера! И въ какія времена? Когда бремя и участь цѣлой Европы лежали на Его сердцѣ, когда врагъ поглощаль землю Русскую, когда

мечъ и пламень безумца пожиралъ то,
что создали вѣки!...

Разговаривая такимъ образомъ, мы
подходили къ Адмиралтейству. Помню,
скажешь ты, помню эту безобразную
длинную фабрику, окруженную подъем-
ными мостами, рвами глубокими, но
нечислыми, заваленными досками и
бревнами. Остановись, почтенный мой
пріятель! кто не былъ двадцать лѣтъ
въ Петербургъ, тотъ его конечно не
узнаетъ. Тотъ увидитъ новый городъ,
новыхъ людей, новые обычаи, новые
правы. Вотъ, что я повторяю тебѣ
ежедневно въ моихъ запискахъ. И здѣсь
тоже превращеніе. Адмиралтейство,
перестроенное Захаровымъ, преврати-
лось въ прекрасное зданіе, и состав-
ляетъ теперь украшеніе города. При-
хотливые знаменья недовольны спа-
рымъ шпиромъ, который не соотвѣ-
ствуетъ, по словамъ ихъ, новой ко-
лоннадѣ, — но за то колоннада и новые
навѣсы или отдѣльные флигели пре-
дѣльны. Вокругъ сего зданія распо-
ложенъ сей прекрасный бульваръ, обса-

женный липами, которыя всѣ приня-
лись и защищаютъ отъ солнечныхъ
лучей. Прелестное, единственное гуль-
бище, съ котораго можно видѣть все,
что Петербургъ имѣетъ величествен-
наго и прекраснаго: Неву, Зимній Дво-
рецъ, великолѣпныя дома дворцовой
площади, образующей полукружіе, Нев-
скій проспектъ, Исакиевскую площадь,
Конногвардейскій манежъ, который на-
поминаетъ Паршенонъ, прелестное
строеніе Г. Гваренги, Сенатъ, мону-
ментъ Петра I, и снова Неву съ ея
набережными! —

Я хотѣлъ отдохнуть, и мы сѣли
на одну изъ лавокъ бульвара. Площадь
была покрыта карешами, бульваръ
гуляющими. Между тѣмъ, какъ я раз-
смапривалъ знакомыя и незнакомыя
лица, нѣкто, человекъ пожилой и хво-
рой, присѣлъ на лавку возлѣ меня. —
Черты его мнѣ были знакомы, но время
изгладило изъ моей памяти его имя.
Знакомый незнакомецъ глядѣлъ на меня
приспально, минушу, двѣ, три... и
наконецъ — я узналъ въ немъ Старожи-

лова. Какъ мы перемѣнились! воскликнули мы оба, глядя пристально другъ на друга. — „Какъ все перемѣнилось съ тѣхъ поръ, какъ я тебя видѣлъ здѣсь!“ прибавилъ Спарожиковъ съ тяжелымъ вздохомъ, отъ котораго морщины на его лбу сдѣлались еще глубже. Я не стану тебѣ говорить о вопросахъ, которые мы дѣлали въ запуски другъ другу: можешь ихъ легко угадать; скажу только, что нашъ старый знакомый, узнавъ намѣреніе наше посѣтить Академію, взглянулъ на часы, и сказалъ мнѣ: „Теперь еще рано; къ прему часамъ я могу поспѣть въ клубъ, гдѣ я долженъ пробовать новое вино и сказать мое мнѣніе на щепъ важнаго постановленія въ клубъ, о которомъ я размышлялъ цѣлое утро.“ — Важность, съ которою онъ говорилъ, заставила насъ улыбнуться. Къ счастью Спарожиковъ того не примѣнилъ и продолжалъ: „Прогулка мнѣ будетъ полезна; ибо сегодня солнце грѣетъ, какъ лѣтомъ. Я побреду съ вами въ Академію — вовсе не изъ любопытства; тамъ ничего хорошаго

нѣтъ. Я давно недоволенъ нашими Художниками во всѣхъ родахъ — но мнѣ нужно разсѣяніе, единственно разсѣяніе!“ прибавилъ онъ, кашля безпрестанно. —

Между тѣмъ, какъ мы идемъ медленными шагами въ Академію, соображаясь съ походкою подагрика, я скажу тебѣ мимоходомъ, что Спарожидовъ, котораго мы знали въ молодости нашей столь блестящаго, столь веселаго, столь разсѣяннаго, нынѣ сдѣлался брюзгою, недовольнымъ, однимъ словомъ совершеннымъ образцомъ стараго холоспаго человѣка. Ты помнишь, что въ молодости онъ имѣлъ живой умъ, нѣкоторыя познанія, и большой навыкъ въ свѣтѣ. Нынѣ цвѣтъ ума его завялъ, прежняя живость исчезла, познанія, неусовершенныя безпрестанными трудами, изгладились или превратились въ закоренѣлые предразсудки, и все остроуміе его поггло, какъ блестящій фейерверкъ. Конечно разсудокъ забылъ шепнуть ему: спарайся бытъ полезенъ обществу! не

дѣяшьяная жизнь, говоришь мудрецъ
Херонейскій, разслабляетъ тѣло и
душу. Стоячая вода гніетъ; способно-
сти челоуѣка въ бездѣйствіи увядають,
и за молодостію невидимо крадется
время:

Прійдуть, прійдуть часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Пресмануть Грація прелесть!

Тогда общество справедливою хо-
лодностію опіимшишь тебѣ за то, что
ты былъ его безплоднымъ членомъ.
Спарожилъ, прожившій вершопрахомъ
до нѣкотораго времени, проснулся въ
сорокъ лѣтъ спарикомъ; съ подагрою,
съ полураспроенымъ имѣніемъ, безъ
друга, безъ привязанностей сѣрдечныхъ,
которыя составляютъ и мученіе и
сладость жизни; онъ проснулся съ ду-
шевною пустошю, которая превра-
тилась въ эгоизмъ и мѣлочное само-
любіе. Ему все наскучило, онъ всѣмъ
недоволенъ: въ его время и лучше
веселились и лучше говорили и лучше
писали. Трагедіи Княжнина, по его
мнѣнію, лучше трагедій Озерова; Басни

Сумарокова предпочищаетъ онъ Баснямъ Крылова, игру Сахаровой игрѣ Семеновой, и такъ далѣе. Какъ скучна нынѣшняя жизнь! говоритъ онъ; и этому повѣрить можно. За чѣмъ, спрашиваю я, за чѣмъ постоянно десять лѣтъ является онъ въ клубъ? Чтобы слушать, изобрѣщать или распускать городскія вѣсти или газетныя шайны, чтобы бранишь нещадно все новое и прославлять любезную старину, опобѣждать и заснуть за чашкою кофе при снукѣ шаровъ и при единообразномъ щепѣ маркера, который, нацѣпавъ 48, независнымъ числомъ напоминаетъ ему его лѣта. Сонный сядиша онъ въ карету и едва просыпается въ театрѣ при первомъ ударѣ смычка.

Разговаривая съ нимъ о старинѣ, кошорую я выхвалялъ изъ снисхожденія, мы приближались къ Академіи.

Я долго любовался симъ зданіемъ, достойнымъ Екашерины, покровительницы Наукъ и Художествъ. Здѣсь на каждомъ шагу просвѣщенный патриотъ

долженъ благословлять память Монархическую, которая не столько завоеваніями, сколько полезными заведеніями заслуживаетъ опъ признательнаго попоминанія имя Великой и Мудрой. Сколько полезныхъ людей приобрѣло общество чрезъ Академію Художествъ! Рѣдкое заведеніе у насъ въ Россіи принесло столько пользы. Но чему приписать это? Постоянному и мудрому плану, которому слѣдуетъ съ давняго времени начальство, и достойному выбору вельможъ дѣятельныхъ и просвѣщенныхъ на мѣсто Президентское. Я спаръ уже; но при мысли о полезномъ дѣлѣ или учрежденіи для общества, чувствую, что сердце мое бьется живѣе, какъ у юноши, который не утратилъ еще прелестной способности чувствовать красоту истинно полезнаго, и предается первому движенію благородной души своей. Вспуная на дѣшницу, я готовъ былъ хвалить съ жаромъ Монархію и нѣкоторыхъ вельможъ, покровителей опечесвенныхъ Музъ; но докучный Спарожидовъ воскликнулъ, съ шрудомъ пере-

водя духъ и опдыхая на первыхъ ступеняхъ: „Боже мой! какая крупная лѣшница! — и какъ она узка, и какъ безобразна! — И къ чему эша Венера съ Амазонками? Я никогда не былъ охотникъ до гипсовъ; лучше ничего или все — вотъ мое правило. Здѣсь надлежало бы посматривать что нибудь свое, произведеніе нашихъ Художниковъ и пр. и пр.“ — Толпа у дверей не позволяла ему окончить своего крипическаго замѣчанія, и мы остановились, весьма ксшати, у двухъ превеликихъ Сапировъ, называемыхъ Теламонами или Апланшами (мужескія Каріатиды). „Вотъ украшеніе довольно спиранное, замѣтили молодой Художникъ — и которое повѣйшіе Художники употребляли часто нексшати, а болѣе всего въ Парижѣ. Женскія Каріатиды еще безобразнѣе мужескихъ. Можно ли видѣть безъ опвращенія прекрасную женщину, спирающую подъ тяжоспнымъ бременемъ, и съ необыкновеннымъ усиленіемъ во всѣхъ членахъ и мускулахъ поддерживающую цѣлое зданіе или огромную часть онаго? Одно жеспокое

сердце можешь любить такого рода изображенія, и за шѣмъ-шо, можешь быть, Французскіе архиспсы, пайно угождая вкусу Наполеона, спавили Каріашиды вездѣ, гдѣ только можно было. Въ нѣкоторыхъ его замкахъ, каждую дверь поддерживаютъ двѣ спрадалцы. Въ самомъ Музеумѣ ихъ множество. Здѣсь же сіи Каріашиды приличны; ибо могутъ служить образцами любопытнымъ молодымъ Художникамъ.“

Мы вошли въ рошонду, установленную гипсовыми слѣпками съ архисковъ. „Вопъ Консулъ Бальбусъ, сказалъ мнѣ нашъ спутникъ, указывая на большого всадника. Подлинникъ спашуй найденъ въ Геркуланумѣ.“ — „Но эша лошадь вовсе не красива.“ ... замѣнилъ Старожилъ молодому Архиспу, качая головою.

„Вы правы, опвѣчалъ онъ: конь не весьма спашень, корошокъ, высокъ на ногахъ, шея полсшая, голова съ выпуклыми щеками, поворотъ ушей непріятный. Тоже самое замѣните въ другой залѣ у славнаго коня Марка

Аврелія. — Художники новѣйшіе съ большимъ искусствомъ изображаютъ коней. У насъ передъ глазами Фальконетово произведеніе, сей чудесный конь, живый, пламенный, сильный и столь смѣло поставленный, что одинъ иностранецъ, пораженный смѣлою мысли, сказалъ мнѣ, указывая на коня Фальконетова: онъ скачешъ, какъ Россія! — Но я не смѣю мыслить вслухъ о конѣ Бальбуса, боясь, чтобы меня не подслушали нѣкоторые упрямые любители древности. Вы себя представивъ не можете, что теряешъ въ ихъ мнѣніи молодой Художникъ, свободно мыслящій о нѣкоторыхъ условныхъ красотахъ въ Изыщныхъ Художествахъ. . . . Пойдемте далѣе.“

Мы вошли въ другую залу, гдѣ находящаяся слѣпки съ неподражаемыхъ произведеній рѣзца у Грековъ и Римлянъ. Прекрасное наследіе древности, драгоценныя останки, копорые ясные всѣхъ Историковъ свидѣтельствуютъ о просвѣщеніи древнихъ; въ нихъ-то искусство есть, такъ сказать, ошголосокъ глубокихъ познаній природы,

страстей и человеческого сердца. Какое истинное богатство, какое разнообразіе! Здѣсь вы видите Геркулеса Фарнезскаго, образецъ силы душевной и тѣлесной. Вотъ умирающій боецъ или варваръ; вотъ комическій Поэтъ и неподобный Фаунъ. Здѣсь прекрасныя группы: Лаокоонъ съ дѣтьми — драматическое твореніе рѣзца неизвѣстнаго! — Вотъ Арія и Пепусъ, и семейство несчастной Ніобы. Здѣсь вы видите Венеру, образецъ всего красивѣйшаго, однимъ словомъ: Венеру Медицисъ. Вотъ цѣлый рядъ колоссальныхъ бюстовъ Юпитера Олимпійскаго,

Кто маніемъ бровей колеблетъ неба сводъ.

Юноны, Менелая, Аякса, Кесаря и пр.
И наконецъ, я спрашиваю себя, опъ
чего сердце мое забилося сильнѣе?

Наполнилъ грудь восшоргъ священный,
Благоговѣйный обнялъ страхъ,
Пріянный ужасъ поштенный
Течетъ во всѣхъ моихъ костяхъ;
Въ весельи сердце ушопаетъ,
Какъ будто Бога ощущаетъ,
Присуществующаго со мной!...

Я вижу, вижу Аполлона
 Въ шопъ мигъ, какъ онъ сразилъ Пифона
 Божественной своей стрѣлой!
 Зубчата молнія сверкаетъ,
 Звенишь въ рукъ спущенный лукъ,
 Ужасная змѣя зіяешь
 И вмигъ свой выпускаешь духъ.

Вопъ сей божественный Аполлопъ,
 прекрасный Богъ Спихопворцевъ! Взи-
 рая на сіе чудесное произведеніе иску-
 сства, я вспоминаю слова Винкельмана.
 „Я забываю вселенную, говоришь онъ,
 взирая на Аполлона; я самъ принимаю
 благороднѣйшую осанку, чшобы до-
 стойнѣе созерцать его.“ — Имѣя сподъ
 прекраснаго Бога покровишелемъ, му-
 дрепо ли, спрашиваю васъ, мудрено ли,
 что одинъ изъ нашихъ Поэшовъ вос-
 кликнулъ однажды въ примадкѣ піиши-
 ческой гордости:

Я съ возвышенною вездѣ хожу главой! —

„Вопъ наши сокровища, сказалъ Ху-
 дожникъ Н., указывая на Аполлона и
 другіе аншики; вопъ источникъ на-
 шихъ дарованій, нашихъ познаній,
 истинное богатство нашей Академіи;

богатство, на кошоромъ основаны всѣ успѣхи бывшихъ, нынѣшнихъ и будущихъ воспитанниковъ. Оптимише у насъ это драгоцѣнное собраніе, и скажише, какіе бы мы сдѣлали успѣхи въ Живописи и въ Ваяніи? — Надобно желать, чѣмъ оно еще было удвоено, упроено. Здѣсь многого недостаетъ; но то, что есть, прекрасно: ибо слѣпки вѣрны и могутъ удовлетворить самаго строгаго наблюдателя древности.“

Пройдя двѣ небольшія залы, мы увидѣли шолпу зрителей передъ большою картиною. Вотъ новая картина Г. Егорова! Одно имя сего почтеннаго Академика возбуждаетъ швое любопытство. . . . И такъ, я перескажу ось слова до слова сужденіе о его новой картинѣ, то есть, то, что я слушала въ глубокомъ молчаніи. —

„Подойдемше поближе, сказалъ Спарожилъ, надѣвая съ комическою важностію очки свои. Я немного слышался объ этомъ Художникѣ.“ —

Художникъ изобразилъ испязаніе Христа въ темницѣ. — Четыре фигуры выше человеческого роста. Главная изъ нихъ Спаситель, передъ каменнымъ столпомъ, съ связанными назадъ руками, и при мучишеля, изъ копорыхъ одинъ прикрѣпляетъ веревку къ столпу, другой снимаетъ ризы, покрывающія Искупишеля, и въ одной рукѣ держитъ пукъ розогъ, претій воинъ кажется, дѣлаетъ упреки Божественному Справдальцу; по рѣшительно опредѣлить намѣреніе Аршиса весьма трудно, хотя онъ и старался дать сильное выраженіе лицу воина, — можетъ быть, для противуположности съ фигурою Христа.

„Посмотрите, сказалъ намъ молодой Художникъ, какъ пуловнице Христа нарисовано правильно, просто и благородно. Кажется, что глубокій вздохъ гошовъ вырваться изъ подъяшой груди его.“ — „Но лице не соотвѣствуетъ красотѣ всего шѣла, возразилъ Старожилъ: признайтесь сами, что глаза его слишкомъ велики; въ нихъ нѣтъ ничего божественнаго.“ —

„Я съ вами не совсѣмъ согласенъ: положеніе головы прекрасно, и въ лицѣ вы видите сильное выраженіе спраданія, горести и покорности воли Отца Небеснаго.“ — „Къ сожалѣнію, эша фигура напоминаетъ изображеніе Христа и другихъ Живописцевъ, и я напрасно ищу во всей картинѣ оригинальности, чего-то новаго, необыкновеннаго, однимъ словомъ своей мысли, а не чужой.“ — „Вы правы, хотя несовершенно: эшотъ предметъ былъ написанъ нѣсколько разъ. Но какая въ томъ нужда? Рубенсъ и Пуссенъ каждый писали его по своему, и если картина Егорова уступаетъ Пуссеновой, то конечно выше картины Рубенсовой. . . “ — Какъ, что нужды? Пуссенъ и Рубенсъ писали испяжаніе Христова: тѣмъ я спроче буду судить Художника, тѣмъ я буду приходить. Еслибъ какой нибудь, впрочемъ и весьма искусный Живописецъ, вздумалъ написать картину Преображенія, я сказалъ бы ему: конечно вы не видали картины Рафаелевой? Еслибъ Поэтъ вздумалъ написать намъ Иѳигенію въ Авлидѣ, я сказалъ бы

ему: ее написал Расинъ прежде тебѣ; и такъ далѣе.“ — „Но признайшесь, по крайней мѣрѣ, что мучишель, прикрѣпляющій веревку, которою связаны руки Христа, написанъ прекрасно, правильно и можешь назваться образцемъ рисунка. Онъ ясно доказываетъ, сколько Г. Егоровъ силенъ въ рисунокъ, сколько ему извѣсна анатомія человѣческаго тѣла. Вотъ оригинальность нашего Живописца!“ — „Это все справедливо; но къ чему усиліе сего чловѣка? Чтобы зашнуровать узелъ? Я вижу, что Живописецъ хотѣлъ написать Академическую фигуру, и написалъ ее прекрасно; но я не однихъ побѣжденныхъ трудностей ищу въ картинѣ. Я ищу въ ней болѣе: я ищу въ ней пищи для ума, для сердца; желаю, чтобы она сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе; чтобы она оставила въ сердцѣ моемъ продолжительное воспоминаніе, подобно прекрасному драматическому представленію, если изображаетъ предметъ важный, прогнательный. Къ тому же согласишесь, что другой мучишель изображенъ дурно. А вотъ? . . . онъ

вовсе лишній, онъ ни на кого не гля-
дитъ . . . хопя глаза его опверзшы не-
обыкновеннымъ образомъ. Къ чему,
спрашиваю васъ, на Римскомъ воинѣ
идемъ съ змѣемъ, и почему въ шем-
ницѣ Христовой лежишь желѣзная рука-
вица? Ихъ начали употреблять десяти
вѣковъ, или болѣе — послѣ Рождества
Христова; не значишь ли это.“

„Конечно такъ! — сказалъ Спарожи-
лову какой-то незнакомецъ, который
долго вслушивался въ разговоръ, (мы
приняли его за Художника); конечно
такъ! — Если Художники наши бу-
дутъ болѣе читать и разсматривать
прилѣжныѣ книги, въ которыхъ пред-
ставлены обряды, одежды и вооруженіе
древнихъ, то подобныхъ анахронизмовъ
дѣлать не будутъ.“ — „Но признай-
тесь, Государь мой, признайтесь, оп-
ложь всякое пристрастіе, что эта кар-
тина общаетъ дальнѣйшіе успѣхи.
Если обстоятельства, которыя ча-
сто не благопріятствовали нашимъ Ар-
тистамъ, если обстоятельства поз-
воляютъ ся Живописцу заниматься по-

еюянно сочиненіемъ большихъ картинъ; по можно ожидать, что онъ, утвердясъ въ выборъ, въ употребленіи и согласованіи красокъ и познакомясъ со многими механическими приёмами (тайны, копорья долженъ угадывать Художникъ въ живописномъ дѣлѣ), при твердой, правильной и красивой его рисовкѣ, при изобрѣшательномъ и благоразумномъ дарованіи, со временемъ не уступитъ лучшимъ Живописцамъ Италіанской, Французской и Испанской школы. “

Будучи опъ природы снисходительнѣе, и любя наслаждашся всѣмъ прекраснымъ, я съ большимъ удовольствіемъ смолрѣлъ на картину Г. Егорова и сказалъ мысленно: „Вопъ Художникъ, копорый приноситъ честь Академіи, и копорымъ мы Русскіе, можемъ справедливо гордиться.“ —

Въ слѣдующихъ комнашахъ продолжались выспавки и по большей частіи молодыхъ воспитанниковъ Академіи. — Я смолрѣлъ съ любопытствомъ на ландшафтъ, изображающій видъ окрест-

поспей Шафтаузена, и хижину, въ которой Государь Императоръ съ Великою Княгинею Екатериною Павловною угощены новымъ Филемономъ и Бавкидою. Вдали видно паденіе Рейна, не весьма удачно написанное.

Въ той же самой комнатѣ проэкты на Соборную церковь и два проекта для монумента изъ оппныхъ у непріятеля пушекъ: оба не соотвѣтствуютъ прекрасной и высокой мысли. — Вошъ празднованіе Пасхи въ Парижѣ, Александромъ и его побѣдоносными войсками. Какой предметъ для патриота! Съ какимъ чистѣйшимъ удовольствіемъ смотрѣлъ я на эту картину! Толпы народа и войска представлены ясно; — но я замѣтилъ, что цвѣтъ неба и облаковъ холоденъ и тяжелъ.

Множество зрителей всякаго званія толпились передъ большою картиною, изображающею Христа съ учениками и блудницею. Одни хвалили съ жаромъ, другіе осуждали. *Degustibus non est disputandum!* „Видно, что Живописецъ, — сказалъ

намъ молодой нашъ пушеводишель, — Живописецъ, скупый на искусство и вкусъ, не пощадилъ полотна, розовой и голубой краски. — „И времени“ — прибавилъ Старожилъ. — Вы видите здѣсь и другую картину — Венеру розовую, на голубомъ полѣ, съ голубками и съ Купидономъ; неудачное подражаніе Тиціану, или Кипайскимъ картинамъ безъ пѣней; Венеру, которая не имѣетъ ни малѣйшаго сходства съ Венерою Омера, Овидія или Лукреція, но живымъ образомъ напоминаетъ намъ какую нибудь богиню изъ шуточной поэмы Майкова или изъ Энеиды, вывороченной на изнанку. Вы видите тамъ, на другой стѣнѣ, пріумѣ Государя, наподобіе Рубенса. — Теперь взгляните на этого большаго шарика съ факеломъ, подражаніе Жирару дела Нотте, и признайтесь, что эти Живописцы въ своемъ подражаніи оригинальны. Они - то могутъ назваться со временемъ основателями новой Италіанской школы, la Scuola Petroborghese, и заимать своею чудесною кистію славу своихъ

соотечественниковъ — славу Рафаеля, Кореджіо, Тиціана, Альбана и проч.

Пускай глаза наши, ослѣпленные яркими красками сихъ живописей, на которыхъ Ньютонъ могъ бы открыть весь преломленіе луча солнечнаго, пускай глаза наши отдохнутъ на произведеніи Г. Есакова. Вотъ его рѣзвые камни: одинъ изображаетъ Геркулеса, бросающаго Голаса въ море, другой Кіевлянина переплывшаго Днѣпръ. Большая твердость въ рисунокъ! — Пожелаемъ искусному Художнику * больше навыка, безъ котораго нѣтъ легкости и свободы въ отдѣлкѣ мѣлкихъ часпей. Смѣлости у него довольно; а знаній? . . . „Вѣкъ живи, вѣкъ учишься, сказалъ Старожидовъ. Согласишься однакоже, шепнулъ онъ молодому Художнику, согласишься, что кромѣ картины Егорова, мы ничего еще не видали совершеннаго или — близкаго къ совершенству.,,

* Пожелѣмъ объ этомъ искусному Художникъ: ранняя смерть похищала съ нимъ хорошія надежды. Изд.

„Можетъ быть! опвѣчалъ онъ; но прошу васъ взглянуть на рисунокъ Упкина. Этого превосходный рисунокъ, какъ вы видите, изображаетъ свящую фамилію съ Гвидо Рени. Другой рисунокъ — портретъ Князя Александра Борисовича Куракина, и съ него гравированный портретъ сего вельможи.“ „Вотъ истинное Искусство!“ сказалъ Старожилъ, измѣняя своему прекрасному правилу: *Nil amirare*. — Г. Упкинь, извѣстный и уважаемый въ Парижѣ, можетъ стоять на ряду съ лучшими гравёрами въ Европѣ. Конечно и въ Отечественнѣ своемъ найдешь онъ людей просвѣщенныхъ, достойныхъ цѣнителей его рѣдкаго таланта!

Но съ какимъ удовольствіемъ смотрѣли мы на портреты Г. Кипренскаго, любимаго Живописца нашей публики! Правильная и необыкновенная пріятность въ его рисунокѣ, свѣжесть, согласіе и живость красокъ — все доказываетъ его дарованіе, умъ и вкусъ нѣжный, образованный.*

* Въ собраніи портретовъ Г. Кипренскаго, по важности предмета и по ошдѣлкѣ,

Старожилъ, къ удивленію нашему, плѣнился мастерскою его кистью, и опривъ въ своей памяти два Итальянскіе стиха, сказалъ ихъ съ необыкновенною живоспїю....

занимающъ первое мѣсто два портрета Великихъ Князей Николая Павловича и Михаила Павловича. — Голова старика съ сѣдою бородою, или образецъ для Апостольской головы; — имъ же травированный портретъ и весьма схожій славнаго Акшѣра Дмишревскаго, и рисованный чернымъ карандашемъ — Фигнера, славнаго Соглядаяна нашей арміи, о которомъ можно сказать, что Тассъ говорилъ о Вафринѣ...

.... per dritto sentier tra regie porte
Trapassa; e or dimanda, e or risponde.
A dimande, e risposte astute, e pronte
Accoppia baldanzosa, audace fronte.
Di qua, di là sollecito s'aggira
Per le vie, per le piazze, e per le tende.
I guerrier, i destrier, l'arme rimira;
L'arti e gli ordini osserva, e i nomi apprende.
Né di ciò pago a maggior cose aspira;
Spia occulti disegni, e parte intende.
Tando s'avvolge, e così destro, a piano....

„То есть: прямымъ пушемъ проходишь
чрезъ врага Царскіе. Дѣлаешь вопросы,
даешь отвѣты; хитрымъ вопросамъ и бы-
стрымъ отвѣтамъ соотвѣтствуешь его

Manca il parlar, di vivo altro non chiedi.
 Me manca questo ancor, s'agli occhi credi.

„Видише ли, продолжалъ онъ, видише ли, какъ образующся наши Живописцы? Скажише, чѣмъ былъ Г. Кипренскій, еслибъ онъ не ѣздилъ въ Парижъ, если бы...“ — „Онъ не былъ еще въ Парижъ, ни въ Римъ, ошвѣчалъ ему Художникъ.“

смѣлое и гордое чело. Туда и сюда проходитъ шоропливыми шагами, чрезъ пущи и площади между шашровъ непріятельскихъ. Осматривая ряды воиновъ, коней и оружія, замѣчаетъ порядокъ, искусство воиновъ; познаетъ ихъ имена. Сего недовольно: онъ стремится къ высшей цѣли; проникаетъ въ тайные замыслы и хитрыя намѣренія враговъ....

Нашъ Фигнеръ спарцемъ въ станъ враговъ

Идетъ во мракъ ночи :

Какъ тѣнь прокрался вокругъ шашровъ,

Все зрѣли быстры очи.

И станъ еще въ глубокомъ снѣ,

День свѣтлый не проглянулъ,

А онъ ужъ вишазъ на конѣ,

Уже съ дружиной грянулъ...

Жуковский.

— „Эпо удивительно! удивительно!“ повпориць Спарожидовъ. — „Почему? Развѣ нѣтъ образцевъ и здѣсь для портретнаго Живописца? Развѣ Эрмитажъ закрытъ для любопытнаго, а особенно для Художника? Развѣ не позволяется Художнику списывать тамъ портреты съ Вандика, Пейзажисту учиться надъ богатымъ собраніемъ картинъ единственныхъ въ своемъ родѣ? Или вы думаете, что нуженъ непременно воздухъ Римскій для Архиста, для любителя древности; что ему нужно долгое время пребываніе въ Парижѣ? Въ Парижѣ?—Согласенъ; но сколько дарованій погибло въ этой Столицѣ? Разсѣяніе, всѣ прелести свѣта, не только препятствовали развитію дарованія, но губили его на вѣки.“

Вотъ Московскіе виды, сказалъ молодой Художникъ, указывая на картины, изображающія каменный мостъ, Кремль и пр. съ большою истиною и искусствомъ. — Какія воспоминанія для Московскаго жителя! Разсмапривая живопись, я погрузился въ сладо-

сшное мечпаніе , и гошовъ былъ вос-
кликнуть почти тоже , что Эней у
Гелена , въ долинахъ Хаонейскихъ , гдѣ
все чудеснымъ образомъ напоминало
изгнаннику его священную Трою , ро-
щи, дуга и испочки родины незаб-
венной: * я гошовъ былъ сказать мо-
имъ товарищамъ :

Что мапушки Москвы и краше и милѣе ?
Но Старожилъ разсѣялъ воспоми-
наніе о древней бѣлокаменной Спо-
лицѣ громкимъ и непрерывнымъ смѣ-
хомъ, разсмапривая чудесныя мозаики,
въ той же комнапѣ выспавленные.
— Я взглянулъ на нихъ съ негодо-
ваніемъ , пожалъ плечами , и по-
шелъ въ другую комнапу , гдѣ ожи-
далъ насъ поршреть покойнаго Гр. А.
С. Спроганова , писанный Г. Варни-
комъ. Вокругъ него мы нашли толпу
зрипелей : одни хвалили смѣлость ки-
сли, ондѣлку плапья, бѣлаго глазета,
и весь рисунокъ каршины ; другіе на-

* *Procedo, et parvam Trojam, simulataque magnis
Pergama, et arentem Xanthi cognomine rivum,
Agnosco, Scaeaеque amplector limina portae.* и пр.
Aeneid. liber III. —

противъ того, утверждали, что крас-
ски вообще тусклы, ошдѣлка груба,
нещипательна и пр. и пр. и пр.; а я вос-
хищался удивительнымъ сходствомъ
лица.

„Такъ, это онъ! точно онъ! сказала
какой-то пожилой человекъ нашему
пушеводителю. — Эта прекрасная кар-
тина Г. Варника возбуждаетъ въ моей
памяти тысячу горестныхъ и слад-
кихъ воспоминаній! Она живо пред-
ставляетъ лице покойнаго Графа, се-
го просвѣщеннаго покровителя и друга
Наукъ и Художествъ, вельможу, кошо-
раго мы будемъ всегда оплакивать,
какъ дѣши пѣжнаго и попечительнаго
опца. Полезные совѣты, лестное одо-
бреніе знашока, рѣдкое добродушіе,
истинный признакъ великой и пре-
красной души, желаніе быть полез-
нымъ каждому изъ насъ, пламенная, но
просвѣщенная любовь къ Отечеству,
любовь ко всему, что можетъ возвы-
сить его славу и сіяніе: вотъ чѣмъ
отличался почтенный Президентъ на-
шей Академіи, вотъ что мы будемъ

воспоминашь со слезами вѣчной признательности, и что искусная кисть Г. Варника столь живо напоминаетъ всѣмъ Академикамъ, которые имѣли щастіе пользоваться покровительствомъ любезнѣйшаго и добрѣйшаго изъ людей. Черты, незабвенныя черты нашего Мецената будутъ намъ всегда драгоценны!“

Художникъ говорилъ съ большимъ жаромъ, и слезы навернулись на его глазахъ. Я былъ въ себя отъ радости; ибо я раздѣлялъ вполне его чувства. Самъ Спарожилъ былъ пронутъ и долго стоялъ въ молчаніи предъ почтеннымъ ликомъ почтеннаго спарца, преспарѣлаго Неспора Искусствъ, истиннаго образца людей государственныхъ; вельможи, который доказалъ краснорѣчивымъ примѣромъ цѣлой жизни, что вышній санъ заимствуетъ прочное сіяніе не отъ богатства и почестей паружныхъ, но отъ истиннаго, неопъемлемаго достоинства души, ума и сердца.

Долго сладкое впечатлѣніе оставалось въ моей душѣ, и я, занятый разговоромъ почтеннаго Художника, прошелъ безъ вниманія мимо нѣкоторыхъ картинъ ученической работы иностранныхцевъ, которые на сей разъ, какъ будто нарочно согласились уступить безспорно преимущество нашимъ Художникамъ, выставляя безобразныя и уродливыя произведенія своей кисти. Мы остановились у подножія Актеона (изобрѣшенія Г. Маршоса), большой спашун, ошлишой для Гр. Н. П. Румянова Г. Екимовымъ: прекрасное произведеніе Русскихъ Художниковъ! Замѣльше, сказалъ намъ услужливый путешодишель нашъ, замѣльше, что липейное искусство сдѣлало большой шагъ въ Россіи, подъ руководствомъ Г. Екімова.*

Ошлишая Г. Екімовымъ фигура Актеона, по разобраніи формы, не была ни ошлилена, ни ошчеканена; но ошлишіе оной шакъ совершенно, что по ошлишіи *путцевъ*, чрезъ которые печешъ въ форму расплоленный мешаль, ошалошь только вою фигуру прой-

Картина Г. Куршеля: Спартакъ при Термопилахъ, привлекла наше вниманіе. Прекрасный юноша, сразившійся за свободу Греціи, умираешь одинъ, безъ помощи, безъ друга, въ мѣстахъ пустынныхъ. Кровавый долгъ Спартакъ отдастъ, оружіе избило, кровь пролила ручьями изъ ранъ глубокихъ и смертельныхъ, и послѣднія минуты убѣгающей жизни принадлежатъ ему: послѣдніе взоры, исполненные спраданія и любви, устремлены на медальонъ, изображающій черты ему любезныя. Вотъ прекрасная мысль, сказала я моимъ товарищамъ, и выраженная мастерскою кистію. Но они замѣтили, и справедливо, что въ фигурѣ нѣтъ ни соразмѣрности, ни согласія. — „Это шутовщице небольшого Фавна, приспавленное къ ногамъ Боргезскаго борца —“, сказала молодой Художникъ. Конечно

ши пескомъ, для того, чтобы ей дать общій цвѣтъ. Хвала Г. Екимову, особливо за удачное во всѣхъ частяхъ изображеніе колоссальныхъ статуи для Казанскаго Собора, также конченныя безъ чеканки!

много истины въ выраженіи лица и мертвенности другихъ членовъ; но, признаюсь вамъ, я неохотно смотрю на подобныя сему изображенія! И можно ли смотрѣть спокойно на картины Давида и школы, имъ образованной, кошорая напоминаетъ намъ одни ужасы революціи: терзаніе умирающихъ насильственной смертію, оцепенѣніе глазъ, прелещущія, поблѣдѣлыя уста, глубокія раны, судороги — однимъ словомъ, ужасную побѣду смерти надъ жизнью. Согласенъ съ вами, что это представлено съ большою живостию; но эта самая истина отвратительна, какъ нѣкоторыя истины, изъ природы почерпнушыя, кошорыя не могутъ бытъ приняты въ картину, въ сшащъ, въ Поэмъ и на театрѣ.

Разговаривая такимъ образомъ, мы оставили Академію. — Если мое письмо не наскучило пустынику, то я сообщу тебѣ продолженіе нашей прогулки и разговора о Художествахъ. Проси до первой почты.

N. N.

Р. S. На претій день моей прогулки въ Академію, я кончилъ мое письмо къ тебѣ, и готовъ былъ его запечатать, какъ вдругъ мнѣ пришла на умъ слѣдующая мысль: Если кто нибудь прочтаетъ то, что я сообщалъ пріятелю въ опкровенной бесѣдѣ?.... „Что нужды! отвѣчалъ молодой Художникъ Н., которому я прочиталъ мое письмо. Что нужды? Развѣ вы обидѣли кого нибудь изъ Художниковъ, досшойныхъ уваженію? Выспавъ картину для глазъ цѣлаго города, развѣ Художникъ не подвергаетъ себя похвалѣ и крипикѣ добровольно? Одинъ маляръ гнѣвается за сужденіе знапока или любителя; истинный талантъ не спрашивая крипики: напрошивъ того, онъ любитъ ее, онъ уважаетъ ее, какъ истинную, единственную душеводительницу къ совершенству. Знаете ли, что убиваетъ дарованіе, особливо если оно досталось въ удѣлъ человѣку безъ твердаго характера? Хладнокровіе обществу: оно ужаснѣе всего! Какія сокровища могутъ замѣнить лестное одобреніе людей чувствитель-

ныхъ къ прелестямъ Искусствъ! Одинъ
богатой невѣжда заказалъ картину мо-
ему пріятелю; картина была написана,
и Художникъ получилъ кучу золота...
Повѣришь ли, онъ былъ въ опчаяніи.
Ты недоволенъ плашою? спросилъ я,—
О нѣтъ! я награжденъ слишкомъ щедро!
— Чѣмъ же огорчаешь тебя? — Ахъ,
любезный другъ, моя картина доспа-
лась невѣждѣ и сгніетъ въ его кабине-
тѣ: чѣмъ мнѣ въ золотѣ безъ славы!
Въ Парижѣ Художники знаютъ свою
выгоду. Они живутъ въ тѣсной связи
съ Писателями, которые за нихъ сра-
жаются съ Журналистами, съ знато-
ками и любителями, и проливаютъ за
нихъ источники чернилъ. Двѣ, три не-
дѣли, часто мѣсяцъ занимаютъ они
публику послѣ перваго выставленія
картинъ.“ — „Это все справедливо; но
я могъ ошибаться.“ — „Чѣмъ нужды, ес-
ли безъ намѣренія!“ — „Но я употребилъ
въ моемъ письмѣ новыя выраженія, на-
примѣръ: *механической пріемъ* (въ жи-
вописномъ дѣлѣ), желая изъяснить то,
что Французы называютъ *le faire*, и
боюсь...“ — „Пускай другіе переведутъ

лучше, исправнѣе; у насъ еще не было своего Менгса, кошорый ошкрылъ бы намъ тайны своего Искусства, и къ Искусству Живописи, присоединилъ другое, столь же шрудное: искусство изъясняющъ свои мысли. У насъ не было Винкельмана. Но запечатайте, запечатайте письмо: его никто не прочишаешъ!“ повшорялъ Художникъ съ хитрою улыбкою. И его слова успокоили меня, хошя несовершенно. — Признаюсь тебѣ, любезный другъ, я боюсь огорчить нашихъ Художниковъ, кошорые не рѣдко до того проширающъ ревность къ своей славѣ, что малѣйшую крипику, самую умѣренную, самую осторожную, почишающъ личнымъ оскорбленіемъ.

VII.

О Т Р Ы В О К Ъ

изъ писемъ Русскаго Офицера

О Ф И Н Л Я Н Д І И.

Я видѣлъ спрану, близкую къ полюсу, сосѣднюю Гиперборейскому морю, гдѣ природа бѣдна и угрюма, гдѣ солнце грѣетъ постоянно — только въ печеніе двухъ мѣсяцевъ; но гдѣ, также какъ въ спранахъ благословенныхъ природою, люди могутъ находить счастье. Я видѣлъ Финляндію отъ береговъ Кюмена до шумной Улен, въ бурное, военное время, и спѣшу сообщить тебѣ глубокія впечатлѣнія, оставшіяся въ душѣ моей, при видѣ новой земли, дикой, но прелестной и въ дикости своей. Здѣсь повсюду земля кажется видѣ опустошенія и безплодія, повсюду мрачна и угрюма *. Здѣсь льто

* Особенно въ старой Финляндіи.

продолжается не болѣе шести недѣль, бури и непогоды царствуютъ въ теченіе девяти мѣсяцевъ, осень ужасная, и самая весна не рѣдко принимаетъ видъ мрачной осени; куда ни обратишь взоры, вездѣ, вездѣ встрѣчаешь или воды, или камни. Здѣсь глубокія, длинныя озера омываютъ волнами утесы гранишныя, на копорыхъ въперъ съ шумомъ качаетъ сосновыя рощи; тамъ цѣлыя развалины древнихъ гранишныхъ горъ, обрушенныхъ подземнымъ огнемъ или разлишемъ океана. Въ концѣ Апрѣля начинается весна;— снѣгъ таетъ поспѣшно, и источники, образованные имъ на горахъ, съ шумомъ и съ пѣною низвергаются въ озера, копорыя, посредствомъ явнаго или подземнаго соединенія съ Бошническимъ заливомъ, несутъ ему обильную дань снѣга. Если озеро тихо, то высокіе, пирамидальныя утесы, по берегамъ стоящіе, начертываются длинными полосами въ зеркаль водъ. — На нихъ-то хищныя птицы выютъ свои гнѣзда, и по древнему преданію Скандинавовъ, въ часы пасмурнаго вечера

вызывающъ крикомъ своимъ бурю, — изъ тайной глубины пещеръ. Въперъ появлясь съ сѣвера и поверхность соннаго озера пробудилась, какъ она сна! . . Видишь ли, какъ она пѣнилась? слышишь ли, съ какимъ глухимъ и протяжнымъ шумомъ разбивается о гранитныя, неподвижныя скалы, которыя нѣсколько вѣковъ презирающъ порывъ бурь и ярось волнь? — Сосѣдніе лѣса повшоряющъ голосъ бури, и вся природа являея въ ужасномъ разстройствѣ. Сіи страшныя явленія напоминающъ мнѣ мрачную Мифологію Скандинавовъ, которымъ божество являлось почти всегда въ гнѣвѣ, карающимъ слабое человѣчество. —

Лѣса Финляндскіе непроходимы; они распушь на камняхъ. Вѣчное безмолвіе, вѣчный мракъ въ нихъ обитаетъ. Деревья, сокрушенныя временемъ или дуновеніемъ бури, заграждающъ путь предпріимчивому охотнику. Въ сей ужасной и безплодной пустынѣ, въ сихъ проспранныхъ вершпахъ, пущикъ слышитъ только рѣзкій крикъ плошояд-

ной птицы; завыванія волка, ищущаго добычи; паденіе скалы, низвергнутой рукою всеокрушающаго времени; или ревъ источника, образованнаго снѣгомъ, кошорый снѣглою протекаетъ по каменному дну между скалъ гранитныхъ, быспро преодолаеетъ всѣ препятствія и увлекаетъ въ теченіи своемъ деревья и огромные камни. Вокругъ его пустыня и безмолвіе! — Посмотри даѣе: огонь небесный, или неупомимая рука пахаря зажгли сей боръ; опаленныя сѣсны, испорченныя изъ утробы земной съ глубокими корнями; обожженныя скалы; дымъ, восходящій густымъ, чернымъ облакомъ отъ сего огнища: все это образуетъ картину столь дикую, столь мрачную, что путешественникъ невольно содрогается и спѣшитъ отдохнуть взорами или на близкомъ озерѣ, кошорое величественно дремлетъ въ оплодихъ берегахъ своихъ, или на зеленой полянѣ, гдѣ вошь жуешь сочную и густую траву, орошенную водами источника. —

Какіе народы населяли въ древности землю сію? — Гдѣ признаки ихъ

бытія?—Гдѣ слѣды ихъ? — Время все изгладило; или сіи сыны дѣкихъ лѣсовъ не ознаменовали себя никакимъ подвигомъ, и Исторія, начертавшая малѣйшія событія спранъ полуденныхъ и восточныхъ, молчишь о народахъ Сѣвера. — Но существовали народы сіи — угрюмые, непобѣдимые сыны первобытной природы, или изгнанники изъ спранъ щастливѣйшихъ: они населяли сіи пещеры, пишались млекою звѣрей, и полагали предѣломъ блаженства удачу на охотѣ, или побѣду надъ врагомъ, изъ черепа котораго (спрашное воспоминаніе!) пили кровь и славили свое могущество. Когда зима покрывала рѣки льдами, сыпала иней и снѣга, тогда дикіе чада лѣсовъ выходили изъ логовищъ своихъ, и пролагали путь по морямъ Гинерборейскимъ къ новымъ пустынямъ, къ новымъ лѣсамъ. Вооруженные сѣкирою и палцею, они идушъ

* Руны, которыя я видѣлъ въ Финляндіи и потомъ въ Швеціи, принадлежатъ къ позднѣйшимъ вѣкамъ. До сихъ поръ Историки не могутъ утвердительно сказать, кто были первые обитатели Финляндіи.

войной на спада пустынных чудовищъ; ихъ мчатъ быстрые олени; ихъ несутъ дыжи по равнинамъ снѣжнымъ, они сражаются, побѣждаютъ и учреждаютъ кровавую трапезу! — Томимые голодомъ, пуждою, исполненные мужества, рѣшимости, презирая равно и смерть и жизнь, — не знаютъ опасности; въ звѣрскомъ изспугленіи наполняютъ крикомъ лѣса — и эхо повторяетъ гласъ ихъ въ пространной пустынѣ. — Но сіи пустыни, сіи вершины, сіи непроходимые лѣса, въ среднихъ вѣкахъ, повторяли голосъ Скальда. — И здѣсь Поэзія разсыпала цвѣты свои: она смягчила нравы, укростила звѣрство и ушѣшила спраждующее человѣчество своими волшебными пѣснями о богахъ, о герояхъ, о лучшемъ мірѣ, и о прекрасной будущей жизни. Разныя племена народовъ собрались во едино, сославились селенія на берегахъ сего залива. Мало по малу и самая природа приняла другой видъ, не столь суровый и дикій. —

Можешь быть на сей скалѣ, осѣненной соснами, у подошвы копорой ды-

ханіе зефира колеблетъ глубокія воды
 залива, можешь бышь на сей скаль
 воздвигнушь былъ храмъ Одена. Здѣсь
 Поэшь любишь мечашъ о временахъ
 пропекшихъ и погружаешь мыслями
 въ оныя вѣки варварства, великодушія
 и славы; здѣсь съ удовольствіемъ взи-
 раешь онъ на волны морскія, нѣкогда
 спруцмыя кораблями Одена, Аршура
 и Гаральда; на сей мрачный горизонтъ,
 по которому носились шѣни почившихъ
 вицязей; на сіи камни, остатки съдой
 древности, на коихъ видны таинствен-
 ные знаки, рукою неизвѣстною начер-
 танные. Здѣсь, погруженный въ сладкую
 задумчивость —

Въ полночный часъ
 Онъ слышишь Скальда гласъ
 Прерывистый и шомный.
 Зришь: юноши безмолвны
 Склоняся на щипы, стоятъ кругомъ коштровъ,
 Зажженныхъ въ полѣ брани;
 И древній Царь пѣвцовъ
 Просперъ на арфу длани,
 Могила указавъ, гдѣ Вождь героевъ спишь:
 „Чья шѣнь, чья шѣнь, гласишь
 Въ священномъ изступленіи, —

Тамъ съ дѣвами плывешъ въ шуманныхъ обла-
кахъ?

Се ты, младый Иснелъ, иноплеменныхъ страхъ,
Со славой падшій на сраженьи!

Миръ, миръ тебѣ, Герой!

Твоей съкирою спальной

Пришельцы гордые побиты....

Но ты днесъ палъ на горахъ шѣлъ!

Отъ шучи вражыхъ стрѣлъ,

Палъ вишазъ знаменитый!

И се... ужъ надъ тобой Посланицы небесны,
Валкири прелестны,

На бѣлыхъ, какъ снѣга Біарміи, коняхъ,

Съ златыми копьями въ рукахъ,

Въ безмолвіи спустились!

Коснулись до зѣницъ копьемъ своимъ — и вновь

Глаза твои открылись:

Течешъ по жиламъ кровь

Чистѣйшаго ээира;

И ты, безплодный духъ,

Въ страны безвѣсны міра

Лешишь стрѣлой.... и вдругъ,

Открылись предъ тобой шѣ радужны чертоги,

Гдѣ угощали для сонма храбрыхъ Боги

Любовь и вѣчный пиръ. —

При шумѣ горныхъ водъ и шихоспрунныхъ
лиръ,

Среди полянь и свѣжихъ сѣней

Ты будешь поражашъ тамъ скачущихъ еленей

И зашорогихъ сернь. —

Склонясь на злчный дернь!

Съ дружиною молодою,
 Тамъ снова съ арфою здопою
 Въ восторгѣ Скальдъ поешъ
 О славѣ древнихъ лѣшъ.
 Поешъ, и храбрыхъ очи,
 Какъ звѣзды тихой ночи,
 Ушѣхою блестятъ.
 По вечеръ пришекаетъ —
 Часъ нѣги и прохлады, —
 Гласъ Скальда замолкаетъ;
 Замолкъ — и храбрыхъ сонмъ
 Идетъ въ Оденовъ домъ,
 Гдѣ дочери Вериспы
 Власы свои душисны
 Раскинувъ по плечамъ,
 Прелестницы младыя,
 Всегда полунагія,
 На пиршества гостямъ
 Обильны яшвыносятъ,
 И пишь умильно просятъ
 Изъ чаши сладкій медъ. . . .

Такимъ образомъ и въ снѣгахъ, и
 подъ суровымъ небомъ, пламенное во-
 ображеніе создавало себѣ новый міръ, и
 украшало его прелестными вымыслами.
 Съверные народы съ избыткомъ ода-
 рены воображеніемъ: сама природа ди-
 кая и безплодная, непоспоянство спи-

хій и образъ жизни, дѣлательной и уединенной, дающъ ему пищу, —

Здѣсь царство Зимы. — Въ началѣ Октября все покрыто снѣгомъ. Едва сосѣдняя скала выказываетъ безплодную вершину; шней падаетъ въ видѣ густаго облака; деревья, при первомъ упреннѣ морозѣ, блистаютъ радугю, отражая солнечные лучи тысячу пріятныхъ цвѣтовъ. Но солнце, кажется, съ ужасомъ взираетъ на опустошеніе зимы; едва явился и уже погружено въ багровый туманъ, предвѣстникъ сильной снужи. Мѣсяцъ, въ печеніе всей ночи, изливаетъ сребренныя лучи свои и образуетъ круги на чистой лазури небесной, по которой изрѣдка пролетаютъ блестящіе метеоры. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтра не колеблетъ деревъ, обѣденныхъ инеемъ: они кажутся очарованными въ новомъ своемъ видѣ. Печальное, но пріятное зрѣлище сія необыкновенная пишина и въ воздухѣ и на землѣ! — Повсюду безмолвіе! Робкая лань торопко пробирается въ чащу, опрысая съ роговъ

своихъ оледенѣлый иней; спадо шепере-
вей дремлетъ въ глубокой тишинѣ
лѣса, и всякій шагъ спутника слы-
шенъ въ снѣжной пущинѣ.

Но и здѣсь природа улыбается (ве-
селою, но крапкою улыбкою.) Когда снѣга
распаяли отъ шеплага дѣшного вѣтра
и яркихъ лучей солнца; когда воды съ
шумомъ устремились въ моря, образовавъ
въ теченіи своемъ тысячи ручьевъ,
тысячи водопадовъ; тогда природа
примѣнно выходитъ изъ тяжостнаго
и продолжительнаго усыпленія. Вдругъ
озимыя поля одѣваются зеленымъ бар-
хатомъ, луга душистыми цвѣтами.
Ходъ расшительной силы примѣшенъ.
Сегодня все мертво, завтра все цвѣ-
теть, все благоухаетъ. Народныя
басни всегда имѣютъ основаніемъ исти-
ну. Древніе Скандинавы полагали, что
Одень, сей великій чародѣй, чуткимъ
ухомъ своимъ слышитъ, какъ вес-
ною прозябаютъ травы. Конечно бы-
строе, почти невѣроятное ихъ возра-
станіе подало поводъ къ сему вымы-
слу. — Лѣтніе дни и ночи здѣсь особенно

пріятны. Дню предшествуетъ обильная роса. Солнце, едва почившее за горизонтомъ, является во всемъ величїи на концѣ озера, позлащеннаго внезапно румяными лучами. Пустынные пшцы радостно сопрясають съ крыльевъ своихъ сонъ и нѣгу: рѣзвые бѣлки выбѣгають изъ мрачныхъ сосновыхъ лѣсовъ подъ тѣнь березокъ, расшущихъ на оплогомъ берегѣ. Все тихо, все торжественно въ сей первобытной природѣ! Большія рыбы плещутъ среди озера злыми чешуями, между тѣмъ какъ мѣлкіе жители влажной стихіи играютъ спадомъ у подошвы скалъ или близъ песчанаго берега. Вечеръ тихъ и прохладенъ. Солнечные лучи медленно умирають на граничныхъ скалахъ, которыхъ цвѣтъ измѣняется безпрестанно. Тысячи насѣкомыхъ (минутные жители сихъ предельныхъ пустынь) то плаваютъ на поверхности озера, то кружатся надъ камышемъ и наклоненными ивами. Спада дикихъ утокъ и крикливыхъ журавлей летятъ въ сосѣднее болото, и важные лебеди торжественнымъ плаваніемъ привѣ-
 1

етвующъ вечернее солнце. — Оно погру-
 жается въ безднѣ Боиническаго залива,
 и сумракъ, вмѣстѣ съ безмолвіемъ, во-
 царился въ пущынь. . . . Но какой пред-
 метъ для кисти Живописца: рашный
 станъ, расположенный на сихъ скалахъ,
 когда лучи мѣсяца проливаются, на
 упругденныхъ рашниковъ и скользятъ
 по блестящему мешалу ружей, сложен-
 ныхъ въ пирамиды! — Какой предметъ
 для Живописи и сіи великіе огни, здѣсь
 и тамъ раскладенные, вокругъ копо-
 рыхъ войны шолпятся въ часы холод-
 ной ночи? Эпопъ лѣсъ, хранившій без-
 молвіе можетъ быть опъ созданія
 міра, вдругъ оживляется при внезап-
 номъ пришествіи полковъ. Войско рас-
 положилось; все приходитъ въ движеніе:
 пуки зажженной соломы, переносимые
 съ одного мѣста на другое, пылающіе
 коспры хвороста, древніе пни и часто
 цѣлыя деревья, внезапно зажженные, опъ
 копорыхъ густой дымъ клубится и
 восходитъ до небесъ: однимъ словомъ,
 движеніе рашныхъ снарядовъ, ржаніе и
 шопопъ коней, блескъ оружія, и смѣ-
 шенные голоса воиновъ, и звуки бара-

бана и конной трубы; все это представляешь зрѣлище новое и разительное! Вскорѣ гласы умолкають; огонь пылающихъ костровъ потухаетъ; ратники почилы, и прежнее безмолвіе водворилось: — изрѣдка прерываемо оно шумомъ горнаго водопада, или пропѣжными опкличками часовыхъ, расположенныхъ на ближнихъ вышинахъ, прошивъ лагерь непріятельскаго: мѣсяць, склоняясь къ своему западу, освѣщаетъ уже безмолвный станъ. —

Теперь всякій шагъ въ Финляндіи ознаменованъ происшествіями, копорыхъ воспоминаніе и сладостно и прискорбно. Здѣсь мы побѣдили; но цѣлые ряды храбрыхъ легли, и вопъ ихъ могилы! Тамъ упорный непріятель выбивъ изъ укрѣпленій, прогнанъ; но эши уединенные кресы, вдоль песчанаго берега или вдоль дороги водруженные, эшотъ рядъ могилъ Русскихъ въ справахъ чуждыхъ, опдаленныхъ отъ родины, кажутся, говоряшь мимоидущему воину: и тебя ожидаетъ побѣда — и смерть! — Здѣсь на каждомъ шагу встрѣ-

чаемъ мы или оспавленную башарею, или древній замокъ съ гошическими оспрыми башнями, копорыя возбуждають воспоминаніе о древнихъ рыцаряхъ; или передовый непріятельскій лагерь, или мостъ недавно выжженный, или опустѣлую деревню. Повсюду слѣды побѣдъ нашихъ, или слѣды вѣковъ, давно прошекшихъ, — пагубные слѣды войны и разрушенія! — Иногда лагерь располагается на оплогихъ берегахъ озера, гдѣ до сихъ поръ спокойный рыбакъ бросалъ свои мрежи; иногда видимъ рвы, башарей, укрѣпленія и весь снарядъ воинскій близъ мирной кущи селянина. Разительная прошивуподожносшь!

Финляндія, 1809.

VIII.

ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ЗАМОКЪ СИРЕЙ.

Письмо изъ Франціи къ Г. Д.

Изъ деревни Болонъ, лежащей близъ города Шомона, я поскакалъ верхомъ въ Сонкуръ, гдѣ ожидали меня Б. де Д. и Г. П., съ которыми на канунъ уговорился я посѣтить замокъ Сирей и поклониться пѣнямъ Вольшера и его пріятельницы. Въ окрестностяхъ Сирей назначены были кварширы нашему опраду; полки шянулись по дорогѣ, и мы ихъ опередили въ ближнемъ селеніи. Сначала погода намъ вовсе не благопріятствовала: холодный и рѣзкій вѣтеръ наносилъ снѣгъ и дождь; наконецъ небо прояснилось и солнце освѣщило прекрасныя долины роуи и горы. Мы проѣхали чрезъ мѣстечко Виньори, гдѣ замѣтили развалины весьма древняго

замка на высокомъ утесѣ, который господствуетъ надъ селеніемъ и близлежащими долинами.

Ein bethürmtes Schloss, voll Majestät,
Auf des Berges Felsenstirn erhöht!

Кому принадлежишь эпопѣ замокъ? — спросилъ я у старика, сидящаго на порогѣ сельскаго домика, тѣсно примыкающаго къ развалинамъ. „Какой-то старой дворянкѣ“ отвѣчалъ онъ, приподнявъ красный колпакъ, старый, изношенный, и который конечно игралъ большую роль въ бурные годы революціи. Это замѣчаніе я сдѣлалъ мимоходомъ, и продолжалъ вопросы: Когда построень замокъ? — „Во время Шампанскихъ Графовъ, сказывалъ мнѣ покойный дѣдъ *. Храбрые рыцари искали

* Французы и теперь мало заботятся о древнихъ памятникахъ. — Развалины, временемъ сдѣланныя, ничего въ сравненіи съ опустошеніями революціи: бурныя времена прошли, но невѣжество или корыстолюбіе самое варварское пережили и революцію. Одинъ путешественникъ, который недавно объѣхалъ всю полуденную Францію, увѣрялъ

здѣсь убѣжища отъ народныхъ возмущеній и укрѣпили замокъ башнями, рвами, палисадами. Время и революція все разрушили. Здѣсь не одна была революція, господинъ Офицеръ! не одна

меня, что цѣлые замки продаются на свозъ, и такимъ образомъ вдругъ уничтожаются драгоценные историческіе памятники. Напрасно Правительствовало хотѣло остановить сіи свяшательства; ничто не помогало, ибо для нынѣшнихъ Французовъ ничего нѣтъ ни священнаго, ни святаго, — кромѣ денегъ, разумѣется. Какая разница съ Нѣмцами! Въ Германіи вы узнаете отъ крестьянина множество историческихъ подробностей о малѣйшемъ остаткѣ древняго замка или готической церкви. Всѣ Рейскія развалины описаны съ возможною историческою точностію учеными путешественниками и Художниками, и сіи описанія вы перѣдко увидите въ хижинѣ рыбака или земледѣльца. Пришомъ же Нѣмцы издавна любящъ все сохраняющъ, а Французы разрушающъ: вѣрный знакъ съ одной стороны добраго сердца, уваженія къ законамъ, къ правамъ и обычаямъ предковъ; а съ другой стороны, легкомыслія, суеверности и жестокаго презрѣнія ко всему, что не можетъ насытить корыслюбія — отца пороковъ.

одна революція! Я на вѣку моемъ пере-
жилъ одну; тяжелыя времена. . . не лучше
нынѣшнихъ. Посадили дерево вольно-
сти. . . . я самъ имѣлъ честь садить его,
вошь шамъ, на зеленомъ лугу. . . Разорили
храмы Божіи. . . у меня рука не подни-
малась на злое! . . . Но чѣмъ же это все
кончилось? Дерево срубили, а надписи
на паперни церковной: *вольность, брат-
ство или смерть* — мѣломъ забѣлили.
Чего я не насмотрѣлся въ жизни? и
непріятелей на родинѣ моей увидѣлъ,
и съ офицеромъ *Козатъимъ* теперь раз-
говариваю! Чудеса! по совѣсти чу-
деса!“ — Ты разорился отъ войны, доб-
рый старичокъ? — „Много поспрадалъ,
а бѣдные сосѣди еще болѣе. Мы все
желаемъ мира.“ — О! мы знаемъ это: но
Императоръ вашъ не желаетъ. — „Пря-
мой Корсиканецъ! Знаете ли, что онъ
объявилъ намъ?“ — Здѣсь старикъ пока-
чалъ головою, посмотрѣлъ на меня при-
спально, и — конечно отъ робости заик-
нулся. — Говори, говори! — „Охотно,
если прикажете. Императоръ. . .“ (это
было сказано важнымъ и торжествен-
нымъ голосомъ) „Императоръ объявилъ

намъ, что онъ не хочетъ шрапновать о миръ съ плѣнными; ибо онъ почи- шаетъ васъ въ плѣну. Онъ нарочно за- вель васъ сюда, чтобы испребишь до послѣдняго человѣка: это была воен- ная хипрось, понимаете ли? военная хипрось, ни что иное. . . Но вы смѣ- шесь; . . . и намъ это смѣшно показа- лось, шакъ смѣшно, что мы Префекта, прѣхавшаго сюда съ этимъ объявле- ніемъ, камнями и грязью закидали. Il s'en souviendra! Но вамъ пора догонять товарищей. — Добрый путь, господинъ офицеръ!“

Размышляя о спрапномъ характерѣ Французовъ, которые смѣются и пла- чутъ, рѣжутъ ближнихъ, какъ разбой- ники, и дають себя рѣзать, какъ агицы, я догналъ моихъ товарищей.

Часъ опъ часу дорога становилась прѣпнѣе: холмы, одѣшые виноградни- комъ и плодоносными деревьями, между коими мелькали прѣпные сельскіе доми- ки, напоминали намъ Саксонію, благосло- венныя долины Дрездена, мѣста очарова- тельныя! Разговаривая съ товарищами

и любясь красою видовъ, мы не примѣнно проѣхали нѣсколько миль; каждый замокъ, каждое мѣстечко мы принимали за Сирей и смѣялись своей ошибкѣ. Наконецъ, поворотя въ правую большую дороги, вдоль по рѣчкѣ Блезъ, мы увидѣли жилище славной Нимфы Сирейской, которой одно имя раждаетъ столько пріятныхъ воспоминаній. . . .

Во ста шагахъ отъ селенія возвышается замокъ на высокомъ уступѣ; кругомъ — роши и кустарники. Все просто, но природа все украсила.

Къ замку примыкаетъ Англійскій садъ и нѣсколько пѣшисныхъ аллей, къ которымъ никогда не прикасались ножницы, даже въ тѣ времена, когда безжалостный Леновръ оспригаль боскеты Версальскіе, когда послѣдній провинціальный дворянинъ разсаживалъ по шнуру смиренныя акаціи и овощи въ своемъ огородѣ. Вольперъ, говоря о замкѣ Сирейскомъ, описывая красоту его окрестностей — кажется въ письмѣ къ Королю Прусскому — прибавляетъ:

Trop d'art me révolte et m'ennuie:
J'aime mieux ces vastes forêts!

Эти лѣса и понынѣ украшаютъ Сирей своею дикоспю. Замокъ сохранилъ древнюю наружность; можно оплечить новыя присройки и балконы. Они принадлежатъ къ Вольперову времени. На крушой кровль (à la Mansarde) я замѣтилъ нѣкоторыя украшенія и высокія продолговатыя трубы, обложенныя лѣтними изображеніями, похожія на трубы замка Pont-sur-Seine, принадлежащаго Лепици, маэри Наполеона. Мы вошли въ Сирей и удивились обширнымъ заламъ, убраннымъ въ новѣйшемъ вкусѣ. Наружность того не обвѣщала: —

Замокъ принадлежалъ Гжѣ де Семіанъ, женщинѣ весьма умной, нѣкогда прекрасной. Онъ былъ разграбленъ въ революцію и послѣ того времени все строеніе возобновлено. * Къ сожалѣ-

* По отступленіи Русскихъ, Сирей былъ снова разграбленъ Французами, за то именно, что Русскіе варвары его пощадили!

нію, мы нашли мало слѣдовъ прежней
обладательницы и ея славнаго друга,
который, какъ говоритъ Лебрюнъ,
упомянулъ спогласную Славу —

Въ столовой нѣсколько картинъ,
изображающихъ звѣрей и охоту. Эта
живопись, довольно пріятная, суще-
ствовала уже при Маркизѣ, и мы смо-
трѣли на нее съ большимъ удоволь-
ствіемъ. Пройдя нѣсколько покоевъ, въ
правомъ флигелѣ замка намъ открыли
дверь въ залу Вольшерову. —

Здѣсь мы нашли большой мрамор-
ный камень, топъ самый, который
согрѣвалъ Вольшера; нѣсколько новыхъ
мебелей: клависинъ, маленькій органъ
и два комода. Окны до полу. Двѣ кру-
глыя стеклянныя двери въ садъ: одна
изъ нихъ украшена надписями, на камень
высѣченными. На фронзонѣ мы прочи-
тали Виргиліевъ стихъ: *Deus nobis*
haec otia fecit, изъ первой Эклоги; на
косякѣ нѣсколько стиховъ изъ Попе,
котораго Вольшеръ всегда любилъ, и
наконецъ:

Azile des beaux arts, solitude où mon coeur
Est toujours occupé dans une paix profonde,
C'est vous qui donnez le bonheur,
Que promettoit en vain le monde.

спихи, написанные Вольтером въ счастливую минуту наслажденія душевнаго, въ глазахъ божественной Эмили, единственной женщины, которую онъ любилъ наравнѣ со славою, которой онъ былъ обязанъ всѣмъ, и которая достойно гордилась дружбою творца Заирѣ. * Изъ оконъ сей залы видны ближнія деревни и два ряда холмовъ, заключающихъ прелестную долину, по которой извивается рѣчка Блезъ. Въ глубокомъ молчаніи и я и поварищи долго любовались пріятнымъ видомъ опдаленныхъ горъ, на которыхъ потухали лучи вечерняго солнца.

* Напрасно мы искали въ саду мраморнаго Амура, который нѣкогда стоялъ подъ балкономъ, съ надписью изъ Антологіи: Qui que tu sois, voicі ton maître, и пр. которую перевелъ Г. Дмиріевъ:

Ктобъ ни былъ ты, пади предъ нимъ:

Былъ, ешь, иль будешь онъ владыкою
твоимъ!

Можетъ быть совершенная тишина, царствующая вокругъ замка, печальное спокойствіе зимняго вечера, зелень, кое-гдѣ одѣшая снѣгомъ, высокія сосны и древніе кедры, осѣняющіе балконъ густыми, наклоненными вѣтвями, и едва колеблемые дыханіемъ вечерняго вѣтра, наконецъ сладкія воспоминанія о жителяхъ Сирея, копорыхъ имена принадлежатъ Испоріи, копорыхъ имена ошѣдѣнства намъ были драгоценны — погружили насъ въ тихую задумчивость. —

„Здѣсь Фернейскій мудрецъ — такъ воскликнулъ Г. Р-нъ, житель Сирея, прервавъ наше молчаніе: здѣсь славнѣйшій мужъ своего вѣка, чудесный, единственный, копорый, какъ говорятъ, вырѣзывалъ на мѣди для попомства, * копорый все зналъ, все сказалъ, ** копорый имѣлъ доброе, рѣдкое сердце, умъ гибкій, обширный, блестящій, способный на все, и наконецъ,

* Qui gravoit pour la postérité — выраженіе Паллисоша, если не ошибаюсь.

** Qui a tout dit, — Шатобрианъ, говоря о Вольтерѣ.

характеръ вовсе несообразный ни съ умомъ его, ни съ сердцемъ — здѣсь онъ жилъ, сей Прошей ума человѣческаго; здѣсь во цвѣтъ лѣтъ своихъ наслаждался онъ уединеніемъ и свободою, которыми зналъ цѣну, и долго не покидалъ ихъ для коронованной Сирены, для рукоплесканій, и для прихожей Г-жи Помпадуръ. Спиранный человѣкъ! Онъ многое предвидѣлъ, многое предсказалъ въ подлинникъ; но могъ ли онъ предвидѣть, что нѣсколько десятиковъ лѣтъ спустя, вы придете въ замокъ Эмилии съ оружіемъ въ рукахъ, съ полною жишелей береговъ Волги и людей плывущихъ воды Сибирскія; и что тамъ, гдѣ Маркиза прекрасною рукою поливала макъ, розы и лилеи, кормила голубей ячменемъ, вопъ у эшой самой голубяшнн — что тамъ, гдѣ она любила опдыхать подъ тѣнью древнихъ кедровъ, у входа въ Заирину аллею, * гдѣ Вольшеръ у ногъ ея въ восшоргѣ читалъ первые

* И до сихъ поръ одна аллея называется Заириною. Тамъ сочинялъ Вольшеръ свою трагедію.

ешихи безсмертной трагедіи, и искалъ похвалъ и одобренія въ голубыхъ глазахъ своей Ураіи, въ божесивенной ея улыбкѣ: шамъ, милосивые государи, шамъ вы разспавите часовыхъ съ ужасными усами, гренадеръ и козаковъ, копорые приводяшъ въ шрепешъ всю Францію...? — Мы засмѣялись словамъ Г. Р-на, и онъ продолжалъ, понизивъ немного свой голосъ.

„Здѣсь долгое время былъ счастливъ Вольшеръ въ обьяшїяхъ Музъ и попечительной дружбы. Тамъ, гдѣ я обитаю, земной рай, писалъ онъ къ прїятелю своему Теріо. — Немудрено! Представъте себѣ лучшее общество, ученѣйшихъ людей во Франціи, придворныхъ, остроумныхъ Поэтовъ — такихъ напримѣръ, какъ С. Ламберъ, копорый умѣлъ соединяшъ любезность съ глубокими свѣденїями, Философію съ людкостїю, и въ кругу такихъ людей — Маркизу, копорая умѣла все одушевити своимъ присущствїемъ, всему давала неизъяснимую прелестъ: и вы будете имѣть понятїе о земномъ раѣ Вольшера. Она

чудо во Франціи! говорилъ Вольтеръ.*
 Умъ необыкновенный, лице прекрасное,
 душа Ангела, ошкровенность ребенка
 и ученость глубокая: — все было оча-
 ровательно въ этой волшебницѣ! Она,
 вопреки Г-жѣ Жанлисъ, вопреки Жур-
 налистѣ Жоффруа и всѣмъ врагамъ
 Философіи, была достойна и пламенной
 любви С. Ламбера и дружбы Вольтера,
 и славы вѣка своего. Здѣсь Маркиза
 кончила жизнь свою, на лонѣ друже-
 ства. Всѣ жители плакали о ней, какъ
 о нѣжной, попечительной матери. Убѣд-
 ныхъ память въ сердцахъ: они еще бла-
 гословляли прахъ ея, когда Лишпер-
 торы наши начали возмущать его спо-
 койствіе клеветами и пошлымъ ру-
 гательствомъ. Но Вольтеръ былъ не-
 утѣшенъ. Вы помните его письмо, въ
 которомъ онъ изъ Баръ-Сюръ-Оба увѣ-
 домляетъ о болѣзни и пошомъ о смерти
 Маркизы. Безпорядокъ этого письма

* Madame du Châtelet sera comptée au rang
 des choses qu'il faut voir en France, parmi
 celles, qu'on y regrettera toujours, писалъ Вольтеръ къ Кейзерлингу.

доказывалъ его глубокую горестъ. И могъ ли онъ не сожалѣть объ утратѣ единственной женщины, о которой и вы, иностранцы, — непріятели, говорите съ любовью, съ уваженіемъ!“

Нашъ учтивый пушеводиттель продолжалъ бы болѣе рѣчь свою, если бы не позвали къ обѣду.

Сшоловая была украшена Русскими знаменами. . . Но мы услышали пугливый шѣни Сирейской Нимфы и ея друга, прочитавъ нѣсколько стиховъ изъ Альзиры.

Такимъ образомъ примирились мы съ Пенапами замка, и съ нѣкоторою гордостію, проспишительною воинамъ, въ тѣхъ покояхъ, гдѣ Вольшеръ написалъ лучшіе свои стихи, мы читали съ восхищеніемъ Оды Пѣвца Фелицы и безсмертнаго Ломоносова, въ которыхъ вдохновенные Лирики славятъ чудесное величіе Россіи, любовь къ Отечеству сыновъ ея и славу меча Русскаго.

C'est du Nord à présent que nous vient la lumière.
Отъ Сѣвера теперь сіяетъ свѣтъ наукъ.

Обѣдъ продолжался долго. Вечеръ заспалъ насъ, какъ Героевъ древняго Омера, съ чашею въ рукахъ, и въ сладкихъ разговорахъ, основанныхъ на опкровенности сердечной, извѣстныхъ болѣе добродушнымъ воинамъ, нежели вамъ, жителямъ Столицы и блестящаго большого свѣта.

Но мы еще воспользовались сумерками: обошли нижнее жилье замка, гдѣ живетъ Г-жа де Семіанъ; осморгли ея библиотеку, — прекрасный и сирогій выборъ лучшихъ Писателей, составляющихъ любимое членіе сей умной женщины, достойной племянницы Г-жи дю Шапле: любезность, умъ и красота наследственны въ этомъ семействѣ. Есть другая библиотека въ нижнемъ этажѣ; она, кажется, предоставлена гостямъ. Древнее собраніе книгъ, важное по многимъ отношеніямъ, совершенно расхищено въ революцію. — Вольперовыхъ книгъ и не было въ замкѣ со времени его отъѣзда; по смерти Маркизы онъ увезъ съ собою книги, ему принадлежавшія, и нѣ-

копорья рукописи. Надобно ѣхать въ Ферней, говорилъ Г. Р-нъ; тамъ можеть бытъ находялся сіи драгоцѣнности. — Надобно ѣхать въ Петербургъ, замѣнилъ справедливо Г. П.; въ Эрмитажѣ и рукописи и библіотека Фернейскія.

Спужа увеличилась съ наступленіемъ ночи. — Въ Вольперовой галлерей мы развели большой огонь, кошорой не могъ насъ согрѣть совершенно. Передъ нами на столѣ лежали всѣ Вольперовы сочиненія, и мы читали съ большимъ удовольствіемъ нѣкоторыя мѣста его переписки, въ копорыхъ онъ говорилъ о Г-жѣ дю Шамле. Въ шумѣ военномъ пріятно отдохнутъ мыслями на предметъ, столь любви достойномъ. — Глубокая ночь заспала насъ въ разговорахъ о прошекшемъ вѣкѣ, о Великой Екашеринѣ, лучшемъ его украшеніи, о ссорѣ Короля Прусскаго съ своимъ Камергеромъ, и пр. у того самаго камина, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Вольперъ сочинялъ свои Посланія къ славнымъ современникамъ, и шѣ безъ-

смертные спихи, для которыхъ единственно просишь его памяти справедливо раздраженное попомство. — Г. П. былъ въ восхищеніи. — Наконецъ надобно было разспаться и думать о постелѣ. Мнѣ отвели комнату въ верхнемъ жилѣ, весьма покойную, но гдѣ съ трудомъ можно было развести огонь. Старый ключникъ объявилъ мнѣ, что въ этомъ покоѣ обыкновенно живетъ Г. Монпескью, родственникъ хозяйки, весьма умный и благосклонный человекъ; и что онъ, ключникъ, радуется тому, что мнѣ досталась его спальня. Vous avez l'air d'un bon enfant, mon officier, продолжалъ онъ, дружелюбно ударивъ меня по плечу. Прекрасно; но опъ его *утиностей* комната мнѣ не показалась теплѣе. Во всю ночь я раскладывалъ огонь, проклиналъ Французскіе каминны, и только на разсвѣтѣ заснулъ *железнымъ* сномъ, позабывъ и Вольшера, и Маркизу, и войну, и всю Францію. —

Проснувшись довольно поздно, подхожу къ окну, и съ гореспью смо-

прю на окрестность, покрытую снѣгомъ.

Я не могу изъяснить того чувства, съ коимъ стоя у окна, высматривая я всѣ перемѣны, случившіяся въ замкѣ. Сердце мое сжалось. Все, что было пріятно моимъ взорамъ на канунъ, — и дуга, и рощи, и рѣчка близъ текущая по долигѣ между веселыхъ холмовъ, украшенныхъ садами, виноградникомъ и сельскими хижинами, — все нахмурилось, все уныло. Въперъ шумишь въ кедровой рощѣ, въ темной аллеѣ *Заириной* и клубишь сухіе листья вокругъ цвѣтниковъ, испошпанныхъ лошадьми и обезображенныхъ снѣгомъ и грязью. Въ замкѣ напрошивъ того пишина глубокая. Въ каминѣ пылають два дубовые корня и приглашаютъ меня къ огню. На столѣ лежатъ письма Вольперовы, изъ сего замка писанныя. — Въ нихъ все напоминаетъ о временахъ прошедшихъ, о людяхъ, коимъ всѣ исчезли съ лица земнаго съ своими спрассями, съ предразсудками, съ надеждами, и съ печалами, неразлучными

спутниками бѣднаго человѣчества. Къ чему столько шуму, столько беспокойства? къ чему эта жажда славы и почестей? спрашиваю себя, и спрашусь найши отвѣтъ въ собственномъ моемъ сердцѣ.

Н а д р у г о й д е н ь .

Ввечеру я проснулся съ товарищами, какъ будто предчувствуя, что ихъ долго, долго не увижу. Печаленъ

Come navigante,

Ch'a detto a dolci amici addio. —

На дворѣ ожидалъ меня козакъ съ верховою лошадью. Поздно мы пустились въ путь! сказалъ онъ, какъ мершвецъ въ Балладѣ. Чшо нужды? отвѣчалъ я, дорога извѣстна. При шомъ же....

Вопъ и мѣсяцъ величавой

Всшаль надъ тихою дубравой. —

Топотъ конскихъ ногъ раздался по мостовой обширнаго двора. Мы удалились отъ замка... Между шѣмъ ночь спановилась темнѣе и темнѣе. Съ трудомъ находили мы дорогу, пробирались по высокимъ горамъ дремучимъ лѣсомъ въ

виду древняго замка Виньори, гдѣ Австрійцы расположились биваками посреди лошадей и высокихъ фуръ въ различныхъ положеніяхъ, доспойныхъ книси Орловскаго. Одни спокойно спали на соломѣ, которая начинала загораться; другіе распѣвали Тироляскія и Богемскія пѣсни вокругъ пылающаго пня, который осыпалъ ихъ искрами при малѣйшемъ дуновеніи вѣтра; другіе оборачивали верпелъ съ большою часнею барана, въ ожиданіи товарищей, которые толпились вокругъ маркишанша, разливающаго имъ вино и водку. Одѣяніе и лица ихъ еще спрашиве казались, освѣщенные пламенемъ бивака, и напоминали мнѣ Валленштейновъ лагерь, описанный Шиллеромъ, или Сбировъ Сальвадора-Розы. — Изъ Виньори мы повернули вправо по дорогѣ, продолженной по лѣсу. Поднялась спрашная буря: конь мой отъ спраху ошпанавливался, ибо вдали раздавался вой волковъ, на кошорой собаки въ ближнихъ селеніяхъ ошвѣчали прощаднымъ лаемъ.

Вошъ, скажете вы, прекрасное предисловіе къ рыцарскому походу! Бога ради, сбейся съ пуши своего, избавь какую нибудь красавицу отъ разбойниковъ, или завъжай въ древній замокъ. Хозяинъ его, старый дворянинъ, роялисшъ, если тебѣ угодно, приметъ тебя какъ странника, угостишъ въ залѣ Трубадуровъ, украшенной фамильными гербами, ржавыми панцырями, мечами и шлемами; хозяйка осыплетъ тебя ласками, спанешъ спрашивать о родинѣ своей, будетъ выхвалять дочь свою, прелестную, помную Агнесу, кошорая пошупя глаза, покраснѣетъ какъ роза — а за десертомъ, въ угожденіе родителемъ, запоешь древній романсъ о древнемъ рыцарѣ, кошорый въ бурную ночь нашелъ пристанище у невѣрныхъ — . . . и проч. и проч. и проч. Напрасно, милый другъ! — Со мной ничего подобнаго не случилось. Не стану слѣдовать похвальной привычкѣ путешественниковъ, не стану украшать истину вымыслами; а скажу просто: что не желая ночевать на дорогѣ съ волками, я прищипилъ моего коня и

благополучно возвратился въ деревню
Болонь, откуда пишу эти строки въ
сладостной надеждѣ, что онъ напо-
мятъ вамъ о спривлвующемъ прія-
телѣ. — Сказанъ похоть — вдали слы-
шны выспрѣлы: — Просните! —

26 Февраля, 1814.

IX.

ДВѢ АЛЛЕГОРІИ.

I.

Еслибъ доспашокъ позволялъ мнѣ исполнять по волѣ всѣ мои прихоти, то я побѣжалъ бы къ Художнику N. съ полнымъ кошелькомъ, и предложилъ ему двѣ *мысли* для двухъ картинъ. Вообще аллегоріи холодны, особливо тѣ, которыми Живописцы хошащъ изобразить историческія происшествія; но мои будущъ говоришь разсудку, потому что онѣ ясны и точны: онѣ будущъ говоришь воображенію и сердцу, если Художникъ выразишь то, что я теперь мыслю и чувствую.

Напишишь, сказалъ бы я Живописцу, — который до сихъ поръ не написалъ ничего оригинальнаго, а только рабски подражалъ Рафаелю; но который можешь изобрѣтать, ибо имѣешь умъ, сердце и воображеніе, — напишишь мнѣ

Генія и Фортуну, обрѣзывающую у него крылья,

Х. А! Я васъ понимаю! (*немного подумавъ*) Вы хотише изобразить жестокую побѣду нещасія надъ талантомъ. — Генія Живописи. . .

Я. Я не назначаю именно какого Генія; онъ васъ зависишь выборъ: Генія Поэзіи, Генія Войны, Генія Философіи, Науки или Художества, какого вамъ угодно; только Генія пламеннаго, пылаго, наполненнаго гордости и себя-познанія, котораго крылья неушомимы, котораго взоръ орлиный проникаетъ, объемлетъ природу, ему подчиненную; котораго сердце ушопаетъ въ сладоспращіи чистѣйшемъ и неизъяснимомъ для проснаго смертнаго, при одномъ помышленіи о добродѣтели, при одномъ именованіи славы и безсмертія.

Х. (*Съ радостію взявъ мѣлъ, подбѣгаетъ къ грунтованному холсту*). Я васъ понимаю, очень понимаю. . .

Я. Я увѣренъ, что Художникъ N. меня пойметъ, когда дѣло идетъ о славѣ.

Х. (Взявъ меня за руку и краснѣя при
каждомъ словѣ). Вы не повѣрите, какъ
я люблю славу: стыдно признаюсь;
но вы хошите... (тертитъ мѣломъ
абрисъ фигуры) вы хошите...

Я. Генія. Чтobъ изобразить живо,
какъ я его чувствую, прочитайте
жизнь Ломоносова, эшого рыбака, кошо-
рый, по словамъ другаго Поэта, изъ
проспой хижины шагнулъ въ Академію;
прочитайте жизнь Петра Великаго,
копорый самъ себя создалъ и попомъ
Россію; прочитайте жизнь чудеснаго
Суворова, копорого душу, сердце и
умъ природа ошлала въ особенной
формѣ, и попомъ изломала ее въ дре-
безги; взгляните, если угодно, на шво-
ренія вашего Рафаеля, въ памяти ко-
порого помѣщалась вся природа! Напи-
шавши воображеніе идеаломъ величія
во всѣхъ родахъ, пишите смѣло; вашъ
Геній будетъ Геній, а не фигура Ака-
демическая. Теперь вообразите себѣ,
что онъ борется съ враждебнымъ ро-
комъ; запусайте его ноги въ сѣняхъ
нещасія, брошенныхъ жоварною рукою

Форшуну; пусть слѣпая и жестокая богиня обрѣзываетъ у него крылья съ такимъ же хладнокровіемъ, какъ Лахезиса прерываетъ нить жизни героя, или лучшаго изъ смертныхъ, — Сократа или Моро, Ласъ-Казаса или Еропкина, благодѣтеля Москвы.

Х. Я разумѣю. Форшуну изображу, какъ обыкновенно: съ повязкою на глазахъ, съ колесомъ подъ ногами.

Я. Это ваше дѣло! Теперь замѣните, что побѣжденный Геній попускаетъ свой пламенный, Нѣтъ крыльевъ, нѣтъ и пламенника!

Х. Справедливо.

Я. Но за то, нѣтъ слезъ въ очахъ, ни малѣйшихъ упрековъ въ устахъ божественнаго. Чувство негодованія, и — если можно слыть другое чувство, совершенно тому противоположное — сожалѣніе объ упрямой Славѣ, которая съ ужасомъ направляетъ полетъ свой, куда перстъ Форшуну ей указываетъ.

Х. Геній мой будетъ походить на Аполлона Дельфійскаго...

Я. Если бы Аполлонъ промахнулся, мѣня въ чудовище, то выраженіе лица его могло бы имѣть нѣкоторое сходство съ лицомъ несчастнаго Генія, у котораго Форшуна обрѣзала крылья.

Х. (*Задумавшись, и попомъ съ глубокимъ вздохомъ*). Я васъ понялъ совершенно: Художникъ не всегда былъ бодливъ Форшуны. Мы всѣ, дѣти Аполлоны, менѣе или болѣе боролись съ несчастіемъ. Многіе побѣдили его, многіе утратили свои крылья въ жестокой борьбѣ, и пламенный шалашъ пошухъ самъ собою. Вы будете довольны карпиною. Теперь же стану ее компоновать. Просшите. —

II.

Я. Картина ваша прелестна! Для васъ Геній не пошумилъ своего пламенника, когда вы изображали его божественное лицо.

Х. Я доволенъ: но спросите у меня, какъ я спрдадь! Сколько печальныхъ мыслей бродило въ головѣ моей, когда

я изображалъ Генія, потушившаго пла-
менникъ свой, и лице эшой неумоли-
мой, безразсудной Форшуны, копорая,
исполняя долгъ свой, такъ спокойна!
ибо не вѣдаеть, что тво итъ! — она съ
повязкою на глазахъ. Вѣрите ли, что
сердце мое обливалось кровью, при
одной мысли объ участи Художниковъ,
которыя въ отечествѣ своемъ не на-
ходясь пропитанія...

Я. (Разсматривая картину). Прекра-
сно! ... Но знаете ли, что можно вос-
кресить вашего Генія?

Х. (Съ радостію) Воскресить?

Я. Выслушайте меня: я шелъ однажды
въ дикомъ лѣсу и потерялъ дорогу.
Выхожу на свѣтъ, вижу пещеру, освѣ-
щенную густыми вѣшьями, и въ эшой
пещерѣ... вашего Генія,

Х. Моего Генія?

Я. Онъ сидѣлъ въ глубокой задумчиво-
сти, опершись на одну руку. Пошух-
шій свѣщильникъ лежалъ у ногъ, а кру-
гомъ — обрѣзанныя крылья, которыя
развѣвлялъ пустынный вѣтеръ, съ шу-

момъ пролетающей въ пещерѣ: я ужаснулся.

Х. Далѣе. —

Я. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди спрадальца; онъ взглянулъ на пошухшій пламенникъ, и мнѣ показалось, что слезы его падали на холодный помостъ пещеры.

Х. Слезы, одному дарованію извѣстныя! Такъ плакалъ умирающей Рафаель! Далѣе...

Я. Вдругъ вся пещера освѣпилась необыкновеннымъ сіяніемъ. Всплываютъ два божества: Любовь и Слава. За ними влечется окованная Форшуна.

Х. Опять эта слѣпая колдунья!

Я. Вы ошибаетесь. Любовь оковала ее, сдернула повязку съ очей и привела въ пещеру, гдѣ спрдалъ бѣдный Геній.

Х. Я воображаю удивленіе Форшуны, которая въ первый разъ въ жизни разглядѣла глупость, сдѣланную въ слѣпотѣ.

Я. Слава отдаетъ свои крылья Генію; Любовь зажигаетъ его пламенникъ; Геній прощаетъ изумленной Форшунѣ,

и въ лучахъ торжественнаго сіянiя
воспаряешъ медлѣнно къ небу.

Х. Вотъ картина!

Я. Вы угадали. — Берите живошвор-
ную кисть вашу.

Х. Я напишу эту картину. Эта ра-
бота облегчитъ мое сердце... Такъ!
надобно, непременно надобно воскре-
ситъ бѣднаго Генiя!

Х.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО СНУ.

Письмо къ Редактору Вѣстника Европы.

Пускай утверждаютъ, что хопяшъ, прихопливые люди и спрогіе умы; а я утверждаю, М. Г., что Науки и Словесность у насъ въ самомъ блистательномъ состояніи. — Укажу вамъ на книгопродавцевъ. Посмотрите, какъ они развиваются: то домикъ выстроятъ, то кулятъ деревеньку. Чѣмъ же? — Торговлею. Какою? Книжною. Слѣдственно у насъ пишущъ, у насъ читающъ, и изъ одного слѣдствія къ другому я могу вывести, что Словесность Русская въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Хотите что хопѣль я доказать и что вы знаете безъ моихъ доказательствъ; ибо вы, М. Г., наблюдаете постоянно ходъ нашихъ успѣховъ, какъ Астрономъ наблюдаетъ теченіе любимой пла-

нешы. Вы замѣтили конечно, что мы заняли всѣ пути къ славѣ, и многія матеріи исчерпали до дна, такъ что нашимъ потомкамъ надобно будетъ умирать отъ жажды. — Простите мнѣ это выраженіе, и сосчитайте со мною Эпическія Поэмы, въ честь Петра Великаго написанныя. — Считайте отъ Ломоносова до Сл. скаго и далѣе, отъ кедра до усоповъ, и замѣтите, что всѣ Поэмы исполнены красотою, что въ нихъ все было сказано, кромѣ того только, что Ломоносовъ намѣревался сказать, и не успѣлъ: но это сущая бездѣлка! Теперь прошу взглянуть на обширную область Талии и наконецъ Мельномены, которая безпрепятственно обогащается новыми пріобрѣтеніями и скоро истощитъ всю священную древность отъ сотворенія міра. — У Французовъ одна Ашадія; у насъ, благодаря усердію Писателей, не одна трагедія переноситъ насъ въ землю Иудейскую. Я ни слова не скажу о Россійскомъ Осапрѣ, на которомъ основана слава нашихъ праотцевъ, о журналахъ, романахъ и пр., изданныхъ на-

задѣтому двадцать лѣтъ и болѣе. — Ихъ мало читають; но время доказало, что они бессмертны: они уцѣлѣли въ пожарѣ Спасскаго монастыря. Добро не горитъ, не погаснетъ — говоритъ пословица. Сердце мое дрожитъ отъ радости, когда я начинаю исчислять на досугъ всѣ наши сокровища. Тогда я похожу на Антикваріа, который, не дѣлая никакого употребленія изъ своего золота, любуется имъ и говоритъ: вотъ червонецъ! вотъ рубль! вотъ старинная монета! такого-то года! при такомъ-то Царѣ! Кто ее отливалъ? изъ какого рудника это золото? кто употреблялъ эту монету? А я говорю: вотъ Трагедія 1793 года! Кто ее писалъ? кто читалъ ее? — Творца не мудрено отъискать по шворенію; но читателей найти не легко: мы еще не любимъ *отечественнаго*. Что нужды мнѣ до другихъ! Я день и ночь роюсь въ моихъ книгахъ; разспавляю ихъ по порядку хронологическому, и горжусь моимъ богатствомъ. Чего у насъ нѣтъ? Боже мой! Найдите хотя одинъ предметъ, одну отрасль ума человеческого, кошо-

рую бы мы не обработали по своему? Поэзии — море! и поле Краснорѣчія необозримо! — Загляните только въ Журналы, но безъ предубѣжденія, и вы найдете — сокровища! Здѣсь похвальное слово такому-то, тамъ надгробное слово такому-то; здѣсь привѣщивіе, тамъ благодарный гласъ общества: *и все то благо, все добро!* Всѣ Герои, всѣ Полководцы, всѣ Писатели увѣнчаны пальмами Краснорѣчія, и шагають торжественно въ храмъ безсмертія. — Мы не ограничили себя великими людьми; мы хвалили даже блохъ, * и будемъ хвалить все, что пресмыкается и ползаетъ въ царствѣ животныхъ. — И такъ мудро ли, что какому-то чудаку вздумалось написать Похвальное слово Сну? Случай мнѣ доставилъ исправный списокъ и вовсе непохожій на пошль, который напечатанъ въ вашемъ Вѣстникѣ. Если вы найдете, что чипашели ваши не заслуживаютъ эпитафическаго панегирика, то покорнѣе прошу напечатать его въ Журналъ и сохра-

* См. Вѣстникъ Европы 1810 года. —

нишь для потомства, которое конечно благодарѣе современниковъ, зависплавыхъ, сиротихъ и вовсе неспособныхъ цвнишь дарованія. Это не мои слова, М. Г., а моего пріятеля Н. Н.... который пишеть стихи и прозу, но только не печатаеть ихъ въ вашемъ Журналѣ, и потому вамъ неизвѣсность: —

Имѣю честь быть и проч.

Предисловіе.

Въ 18... году, лѣтъ нѣскольکو до
нашесвѣя просвѣщенныхъ и ученыхъ
Вандаловъ на Москву, жилъ на Прѣс-
ненскихъ прудахъ пѣкшо N. N., ориги-
наль весьма отличный отъ другихъ
оригиналовъ Московскихъ: — Всю жизнь
провелъ онъ лежа, въ совершенномъ
бездѣйствіи тѣлесномъ и, сколько воз-
можно было, душевномъ. Умъ его, хотя
и образованный воспитаніемъ и при-
дѣжнымъ чтеніемъ, не хотѣлъ, или не въ
состояніи былъ побѣдить упрямую на-
туру. — Имѣя большой досапокъ при-
щаспливыхъ обшопшельствахъ (копо-
рья единсвенно могутъ сохранить въ
полношѣ характеръ человека), онъ не
имѣлъ нужды покоряться условіямъ
общества и требованіямъ должно-
стей. Онъ дѣлалъ, что хотѣлъ; а хо-
тѣлъ одного покойствія. — Великій
Конде говаривалъ: если бы я былъ ца-
ремъ моей постели, то никогда бы съ
нее не вставалъ. — Нашъ оригиналь былъ
совершенный царь своей постели. —
Цѣлой день онъ лежалъ то на одномъ

боку, но на другомъ, и всю ночь лежалъ! Рѣдко, очень рѣдко мы видѣли его сидящаго у окна съ длинною Турецкою трубною, въ Тапарскомъ, или Кишайскомъ шлафрокъ, и то когда онъ занимался домашними дѣлами. Два чтеца попеременно читали ему книги; ибо лѣнь не позволяла заниматься самому чтеніемъ: но лѣнь не мѣшала дѣлать добро. Онъ сыпалъ золото нищимъ, и подъ непроницаемою корою безстрашнаго спокойствія таилъ горячее сердце. Въ уединенномъ кварталѣ города онъ воспитывалъ на свой счетъ двѣнадцать бѣдныхъ дѣвушекъ, кормилъ и одѣвалъ нѣсколько заслуженныхъ воиновъ и — странное дѣло! — не лѣнился посѣщать ихъ по воскреснымъ днямъ. „Онъ этого лучше спишетъ!“ — говаривалъ онъ шѣмъ, кошорые выхваляли его благошворительность. — Равнодушный ко всему, онъ слушалъ спокойно самыя важнѣйшія новости; но при разсказѣ о несчастномъ семействѣ, о спраданіи человѣчества, вдругъ оживлялся, какъ разбитый параличемъ онъ прикосновенія электрическаго пруттика.

Впрочемъ онъ былъ самый безспра-
 сный *автоматъ*: никого не обижалъ,
 ни съ кѣмъ не заводилъ тяжбы, ни
 надъ кѣмъ не смѣлся, никому не про-
 шиворѣчилъ, не имѣлъ никакихъ спра-
 сней: спросить его была лѣнь. Скучалъ
 ли онъ? Утвердительно отрицать не
 могу; но заключаю, что скука ему
 была извѣстна, и вотъ по какому
 обстоятельству. — Однажды онъ по-
 слалъ за мною. „Садись или ложись на
 диванъ;“ сказалъ онъ, указывая на Ту-
 рецкую постелю: „я намѣренъ ѣхать
 въ деревню, и воспользоваться пер-
 вымъ весеннимъ воздухомъ. Снѣгъ рас-
 таялъ и спукъ по московой каретѣ и
 дрожекъ начинаетъ меня беспокоить.
 Но въ деревнѣ не лѣзя бытъ безъ обще-
 ства; сосѣди мои люди дѣятельные; съ
 ними надобно говорить, ѣздить на охо-
 ту, заводить тяжбы, мирить, ссорить
 и пр. и пр. . . о! это меня разстроитъ
 совершенно! Двери на крюкъ сосѣдямъ.
 Съ кѣмъ же я буду убивать время?
 Съ такими друзьями, какъ ты, напри-
 мѣръ!“ Я привсѣлъ и хотѣлъ благо-
 дарить за учтивость; но лѣнинецъ мой

замахалъ обѣими руками и продолжалъ:
 „Я знаю въ Москвѣ челоуѣкъ до шестидесяти,
 людей пріятныхъ въ обществѣ, и со-
 вершенно праздныхъ. Двое изъ нихъ
 могутъ назваться по справедливости
 добрыми людьми. Лѣньность не позво-
 ляетъ другимъ пускайся на злыя
 дѣла: и это хорошо! Мы пригласимъ
 ихъ къ себѣ. Но теперь надобны жен-
 щины: вотъ истинное затрудненіе.
 Безъ женщинъ общество мужчинъ скоро
 наскучитъ. . . А гдѣ найти женщинъ
 лѣнивыхъ?“ — Боже мой! какъ не най-
 ти! — вскричалъ я. „То есть лѣнивыхъ
 по моему образу мыслей;“ возразилъ
 N. N., покачавъ головою и насупя брови:
 „ихъ языкъ вѣчно дѣшелевъ, въ вѣч-
 номъ движеніи; это рѣшуть, это бѣлка
 на привязи у колеса, это маешникъ,
 который. . . (лѣньность или доброша сер-
 ца не дозволили кончить сравненій). Но
 такъ и быть, продолжалъ лѣнтяй съ
 глубокимъ вздохомъ: я согласенъ при-
 гласить вдову пріятеля моего Гене-
 рала А. съ двумя дочерьми, добрыми и
 любезными дѣвушками. Дружба меня
 сдѣлаетъ снисходительнымъ. Толстая

жена откупщика нашего Ж. съ племянницею; лѣнивая Софья, ея дородная сестра, не будутъ лишнія. Впрочемъ мы не наскучимъ другъ другу: свобода все украситъ. Общество мое пусть называютъ какъ хотятъ Московскіе насѣшники; но оно будетъ пріятно мнѣ и господамъ. Возьми же листъ бумаги, милый другъ, и пиши учрежденіе общества лѣнивыхъ.“ — Я взялъ перо и бумагу, и написалъ подъ дикшашурою нашего лѣнція условія, подъ коими всѣ члены согласились подписать свои имена, и мы на канунъ 1го Мая отправились въ подмосковную...

Въ шестидесяти верстахъ отъ города, на концѣ густаго сосноваго лѣса, котораго спокойствіе ни что не можетъ нарушить, стоитъ большой господской домъ, архитектуры изрядной. Къ нему примыкаетъ озеро, усѣянное островами. Вдали синѣетъ колокольня уѣзднаго городка и нѣсколько деревень. Кажется, что все было пожертвовано тиши въ сей мирной обители: всѣ службы, начиная съ кухни до конюшни,

расположены въ нѣкоторомъ разстояніи одна отъ другой и закрыты рощицами. Передъ окнами большія плакущія ивы, березы и цвѣтники, засѣянные Китайскимъ макомъ. — Здѣсь все посвящено лѣни, все питаетъ ее, все приглашаетъ ко сну: подъ каждымъ спариннымъ деревомъ дерновая скамья; въ каждой бесѣдкѣ канапе, или постель, съ большими занавѣсами и со всѣми предоспорожностями отъ комаровъ и мошекъ; а на дверяхъ надпись изъ нашего Пиндара - Анакреона:

Сядь, милый гость! здѣсь на пуховомъ
Диванѣ мягкомъ, отдохни;
Въ семь шонкомъ пологу, перловомъ,
И въ зеркалахъ вокругъ, усни;
Вздремли послѣ стола немножко;
Пріятно часикъ похрапѣшь!
Злашой кузнечикъ, съра мошка,
Сюда не можешь залетѣшь! —

Ни крикъ пѣпуховъ, ни спукъ попора, ни топотъ, ни конское ржаніе, ничто не нарушаетъ глубокаго молчанія. — Кромѣ ручья, журчащаго подъ навѣсомъ берега, кромѣ озера, которое ласкаетъ тихимъ плесканіемъ пологіе

берега свои, вы ничего не слышите. Сія тишина бываетъ прервана, или очарована роговою музыкою, кошорая при закатѣ солнца провожаетъ умирающій день, и нѣжными, сладостными и пропѣженными звуками приговораляетъ сладкое усыпленіе и веселыя мечты хозяину помѣсна. — Но это рѣдко случается; ибо онъ боится безпокоить своихъ музыкантовъ. — У него нѣтъ ни одного дѣшельнаго или суевѣливаго человѣка: все подчинено какимъ-то правиламъ особеннаго порядка; одинъ поваръ имѣетъ право разнообразить наслажденія Эпикурейца. Я не стану описывать его дома. — Каждый угадаетъ, что онъ покоенъ, шепель и не слишкомъ свѣшель, ибо Архипекшоромъ располагалъ по своей волѣ прихотливый хозяинъ. Но одна зала достойна вашего замѣчанія. — Ея большія полуовальныя окна освѣнены со всѣхъ сторонъ густыми вѣтвями вязовъ и липъ, кошорыя въ Іюнь наподняють бальзамическимъ испареніемъ своихъ цвѣтовъ окрестный воздухъ. Всѣ стѣны обширной залы украшены картинами.

Дѣв — изображаютъ Идилліи изъ золота —
 олвѣка; другія рожденіе Морфея, его пе-
 щеру и владычество его надъ небомъ
 и землею. Здѣсь видите Смерть въ видѣ
 усыпленнаго Генія; тамъ Эрминію,
 опдыхающую у пастуховъ; спящаго
 Эндиміона, который, кажешся, весь
 осребренъ сіяніемъ влюбленной Діаны,
 и во снѣ вкушаетъ сладости, неизъясни-
 мыя языкомъ смертнаго. Здѣсь вы ви-
 дите мальчика, уснувшаго на краю
 колодца; Фортуна поддерживаешъ его
 рукою, но такъ оспорожно, что, ка-
 жешся, боишся разбудить безпечнаго:
 прелестное изображеніе счастливецъ
 и баловней слѣпой богини, которые
 забываются на краю своей гибели! На-
 конецъ, на колоннадѣ, украшающей
 преддверіе залы, вы читаете имена
 знаменитыхъ лѣнивцевъ: Лукулла, Сар-
 данапала, Анакреона, Лафонтена, Шо-
 ліо, Лафара, шунъ же имена Русскихъ
 Стихотворцевъ, и имя того, который
 пишетъ прелестныя Басни и Комедіи,
 и необоримую лѣнность свою умѣетъ
 украшать прочившими цвѣтами По-
 эзіи и Философіи.

Въ этой залѣ открыто первое засѣданіе Общества лѣнивыхъ; нѣсколько словъ было сказано хозяиномъ; поданъ имъ знакъ, и одинъ изъ членовъ, Орапоръ лѣнивыхъ, произнесъ похвальное слово Сну.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО Сну.

Пока еще сладостный сонъ не сомкнулъ рѣсницъ вашихъ, и полуоткрытые глаза могутъ взирать на Орапора, лежащаго на мягкомъ пуховикѣ, посреди храмины, посвященной лѣности, почтенные слушатели и прекрасныя слушательницы! преклоните ухо ваше къ словамъ моимъ. — Не грозныя битвы, не шумъ воинскій, не гибельные подвиги Героевъ, обрызганныхъ кровію, подвиги, клонящіеся къ опіянію сна у бѣдныхъ челоуѣковъ, нѣтъ! я хочу выхвалять способность спать; и ежели душа есть источникъ прекрасныхъ мыслей, то повѣрьте, что рѣчь моя, истекающая изъ оной, должна вамъ нравиться: ибо душа моя исполнена любовію къ благодарному богу лѣсовъ Кимверискихъ. —

(Громкія рукоплесканія раздалися въ залѣ. Орапоръ покраснѣлъ опъ радости. Женщины шептали между собою и поглядывали на него съ усмѣшкою. Хозяинъ закричалъ: вниманіе! вниманіе! какъ членъ Парламента, пребующій вниманія посреди шумнаго народа, когда Фоксъ и Пиппль разсуждали о войнѣ или мирѣ. — Все умякло, и Орапоръ продолжалъ):

Вы улыбаеетесь, слушатели, вы опдѣляете медлѣнно головы свои опъ мягкихъ подушекъ, чтобы не пропустилъ ни одного слова краснорѣчиваго Вишпъ; и я, ободренный симъ геройскимъ подвигомъ, смѣло вступаю въ обширное морѣ краснорѣчія, бурное море, въ кошоромъ погибала слава многихъ новѣйшихъ и древнихъ говоруновъ. —

Кто не спитъ, слушатели, кто не вкушаетъ сладости сна? Злодѣй, преступникъ! ибо и невинный, приговоренный къ смерти, и несчастный спрадалецъ подъ бременемъ бѣдности и зла, — и они смыкаютъ вѣжды свои,

омоченныя слезами и они усыпляютъ свои горести. — Сладостное усыпленіе, истинный даръ небесъ, оставшійся на днѣ сосуда неосторожной Пандоры! Ты вмѣстѣ съ надеждою, твоею сестрою, украшаешь жизнь волшебными мечтами!... Ахъ! сонъ есть свидѣтель и порука совѣсти нашей! Сонъ, надежда, и добрая совѣсть, какъ при Хариты неразлучны: они суть братья и сестры одного семейства. Бросьте взоръ свой на сего спящаго младенца: (здѣсь Орапоръ — указалъ на картину). Эпо ангелъ, который покоится на лонѣ невинности; розы горятъ на ланитахъ малюшки; уста его улыбаются... они ищутъ, кажутся, поцалуетъ матери: дыханіе ихъ легко и сладостно, какъ дыханіе упреннаго вѣтерка, посыпавшаго благоуханную розу.

Спи же, малюшка! пока спрасти и люди, ненавистники сна не лишатъ тебя способности спать, и пока Фортуна поддерживаешь тебя благодѣтельной рукою на краю зіяющей бездны!

Взгляните на сонъ благошворитель-
наго смершнаго: онъ тихъ и спокоенъ,
какъ ночь весення. (Орапоръ взглянулъ
на хозяина, который съ трудомъ могъ
сокрыть сладкія слезы на глазахъ).
Душа его, которой ничто не препя-
сствуешь излиться наружу, дышетъ на
его устахъ, на ясномъ челѣ его, даже на
опущенныхъ рѣсницахъ. — Сердце его
усполагетъ въ веселіи, пульсъ его уда-
ряетъ тихо и ровно, — онъ шас-
ливъ, онъ совершенно благополученъ:
ибо онъ учинилъ доброе дѣло, ибо сонъ
напоминаетъ ему несчастнаго, копо-
раго онъ извлекъ изъ пропасти, съ ко-
торымъ плакалъ наединѣ, — Кажется,
Ангель-хранитель присушествуетъ у
ложу праведника и отгоняетъ бла-
говонными крилами мечты и призра-
ки; кажется, сама Надежда сыплетъ
на него цвѣты свои обильною рукою,
и онъ, сказавъ ли горькую истину?
онъ просыпается едвали столько шас-
ливъ: ибо первый взоръ его часто,
очень часто встрѣчаетъ неблагодарна-
го. Что нуды? онъ уже наслаждался
во снѣ!

(Мы замѣтимъ, что хозинъ, вздохнувъ очень горестно, прошепталъ между прочимъ: друзья мои! я жалю отъ искренняго сердца о томъ, кто не заснулъ послѣ добраго дѣла).

Взгляните теперь на орапая, который засыпаетъ на жесткомъ ложѣ; взгляните на поденщика, который, окончивъ трудъ свой, бросается на голый камень, и съ ношею плечъ своихъ слагаетъ все бремя душевное; взгляните на рапника, упруженнаго походомъ, дождемъ, холодомъ: онъ нѣсколько дней сражался со стихіями и со смертію, кровь и потъ лился ручьями, голодъ изнурялъ его; — но онъ заснулъ — и все забыто, и онъ щасливѣе Сапрапа, засыпающаго лонкимъ сномъ на персяхъ восточной Одалиски. Скажите мнѣ теперь: что награждаетъ спрадальцевъ сихъ за труды, потъ и раны? Конечно не скупыя награды царей и вельможъ, но сонъ, благодѣшель чловѣковъ!

Кто изъ насъ не любилъ, и кто не спалъ вопреки любви своей?

(Послѣ этого вопроса краткое молчаніе. Одна изъ молодыхъ дѣвушекъ потупила черные глаза, другая покрасѣла. Старая вдова А. открыла табакерку и поднесла ее съ ласковою улыбкою хозяину, устремивъ на него спрашивные взоры, кошорые, казалось дѣлали слѣдующій вопросъ: — и ты любишь меня въ молодости, другъ мой, но любовь не лишала тебя сна; не правда ли? — Орапоръ продолжалъ).

Сладоспень сонъ любовника: онъ видишь бархатные луга, орошенные ручьями, сады Армидины, царство Луны и Сильфовъ; всѣ предметы и всѣ мѣста украшены присущивіемъ его возлюбленной. Вездѣ она съ нимъ, ходишь рука съ рукою, вездѣ неразлучна, и въ хижинѣ, и въ палахахъ, и въ обществѣ, и въ пустынѣ. Сонъ и самыя печали услаждаетъ. Любовница тебѣ измѣнила, или новая Галафея невнимательна къ твоимъ пѣснямъ; цѣломудренна какъ Цинпія, или какъ Зиновія, едва, едва склоняетъ къ тебѣ суровые взоры?.. Утѣшься, печальный спрадалецъ! я не

спану тебѣ совѣшовашь вооружаешься
терпѣніемъ Стопка, или пошопляешь
любовь свою въ чашѣ вина, * или за-
бышь вѣроломную. Но никакъ не опни-
малъ у себя сна, никакъ не лишалъ
тебя способности усыплять сердце
твое посредствомъ сладостныхъ меч-
таній? Спи же, любовникъ, спи отъ ве-
чера до утра, отъ утра до вечера, и, къ
наказанію твоей каменной Лауры, ты
вѣрно когда нибудь проснешься съ преж-
нимъ спокойствіемъ, съ прежнимъ рав-
нодушіемъ; ибо сонъ, успокоивая стра-
сти, испребляетъ даже ихъ вредное
начало. Что есть сердце наше? Море.
Удержи дыханіе въпродъ, и оно спо-
койно.

(Море — сердце — дыханіе въп-
родъ — спокойно! . . повторяли слуша-
тели, и громкія рукоплесканія разда-
лись въ залѣ).

Природа, благая мать смертныхъ! ты
начинаешь наказывать преступника,
оскорбителя правъ твоихъ, прежде за-

* Ou bien buvez, c'est un parti fort sage. Volt.

коновъ человѣческихъ. — Взгляните на
 юношу, который въ первый разъ на-
 рушилъ священные законы правспвен-
 ности: взоръ его пасмуренъ, неперпѣ-
 ливъ; онъ ищетъ чего-то, ибо убѣ-
 гаеиъ самаго себя, сего *внутренняго*
полубога, котораго мы носимъ въ гру-
 ди своей; онъ ищетъ разсѣянiя въ шум-
 номъ свѣтѣ, въ опасныхъ удовольствi-
 яхъ, и горе ему, если новыя преступ-
 ленiя изгладишь слѣды первыхъ! Но если,
 ведомый рукою совѣсти, онъ скроеиъся
 на минушю отъ взоровъ человѣческихъ,
 и тамъ, въ безмолвномъ уединенiи,
 предаиъся размышленiю: то слезы —
 вѣспники добраго сердца — слезы рас-
 каенiя омочаиъ его ланины, душа его
 успокоиъся, прояснѣеиъ, подобно муш-
 кой водѣ, яснѣющей отъ времени въ
 чистиомъ сосудѣ; душа его придетъ въ
 лучшее состоянiе, и сонъ, — награда ве-
 ликаго, добраго дѣла, — сонъ заключииъ
 его въ *мягкiя обзятiя*: ибо сонъ, во
 преки всѣмъ наблюдаиеламъ спрасней
 человѣческихъ, идеиъ непосредственпо
 за первымъ раскаиенiемъ, — явная пре-
 мудросиъ попечительнаго Промысла,

который врачуешь язвы сердца нашего посредствомъ благошворнаго усыпленія.

Но теперь, какія ужасныя картины представляются взорамъ нашимъ? Преступникъ, преступникъ закоренѣлый въ злодѣянїяхъ! Гласъ оскорбленной природы подобно грому раздался въ его сердце, и гласъ сей былъ ужасенъ: *Злодѣй! ты не будешь спать!* Вошь приговоръ пиранамъ, сластолюбцамъ, разрушителямъ спокойствія общественнаго! Повторимъ сильныя слова Лапшинскаго Спихомворца: „Уже ли страшнѣй ревъ быка Фаларидова; уже ли мечъ, прицѣпленный къ злешому крову и висѣщій надъ главою вѣчнаго пирана, страшнѣе, ужаснѣе грызеній совѣсми того несчастнаго, который блѣднѣя говоритъ, и спитъ тихо, что жена, лежащая съ нимъ на одномъ ложѣ, слышащая не можетъ: я бѣгу, бѣгу къ погибели?“ Знали ли сонъ Діонисій Сиракузскій и тѣ изверги природы, тѣ ряды вѣчныхъ злодѣевъ Рима; которыхъ, какъ говоритъ Расинъ, одно имя есть ужа-

сная обида ужасному пирану? Вкушала ли сонъ и шопъ щастливый злодѣй Британіи (Кромвель), котораго жизнь была загадка, который, подобно древнему пирану, укрывался каждый день въ новомъ убѣжищѣ? Между тѣмъ какъ Герой Сѣвера, сей великій мужъ, котораго жизнь достойна пера Плутархова, — ибо малѣйшее его дѣяніе есть подвигъ ума — между тѣмъ, говорю я, какъ Суворовъ спалъ на плащѣ подъ открытымъ небомъ, въ виду огней непріятельскихъ и на канунъ рѣшительнаго сраженія!

И такъ, почтенные слушатели! способность спать во всякое время есть признакъ великой души. (Надобно замѣтить, что это весьма поправилось собранію лѣнливыхъ). Древность, неисчерпаемый источникъ истины и басенъ, древность, хранилище опытности, развертывается передъ нами свои харшій. — Примѣры обильны и убѣдительны. Александръ на канунъ ужасной битвы съ Даріемъ засыпаетъ ввечеру; Парменіонъ принужденъ его

будишь; ибо знамена Персскія блистали уже вблизи спана Греческаго. Капонъ имѣлъ привычку засыпать при наступленіи опасности; ибо ничто не могло поколебать великаго духа Героя Спои-ковъ. *Mediis tempestatibus placidus.* Августъ спитъ мертвымъ сномъ во время упорнаго морскаго сраженія, происходившаго у береговъ цвѣтущей Сициліи. Марій — и что всего чудеснѣе — Марій засыпаетъ подъ деревомъ во время послѣдней битвы съ Силлою, и тогда только сонъ покидаетъ неустрашимаго вождя, когда сонны непріятелей обратили въ бѣгство его воинство. Гибельный сонъ, но не менѣе того славный! Мудрый Эпименидъ, если вѣришь Историкамъ (когда не вѣришь имъ, то вѣришь ли кому?) проспалъ 57 лѣтъ сряду; и я вамъ клянусь Геродотомъ, опцомъ лѣтописцевъ, что есть народы на Сѣверѣ, которые спятъ въ теченіе шести зимнихъ мѣсяцевъ, подобно суркамъ, не просыпаясь. Ученые опыскали, что сіи народы обитали въ Россіи; и это не подлежитъ теперь

ни какому сомнѣнію, по крайней мѣрѣ
въ обществѣ нашемъ.

Изъ всего мною сказаннаго ясно из-
влекается слѣдующее заключеніе: сонъ
есть признакъ великаго духа и доброй
души. Доброй души, — ибо сонливый
человѣкъ не способенъ дѣлать зла, ко-
торое требуетъ великихъ усилій, без-
покойства и безпрестанной дѣятель-
ности. — Посмотришь, какъ говоришь о
безпечномъ снѣ Лафонтенъ, жертвовав-
шій ему половиною жизни своей, и како-
раго добродушіе вошло въ пословицу:

Je ne dormirai point sous de riches lambris:

Mais voit-on que le somme en perde de son
prix?

En est-il moins profond, et moins plein de
délices?

Je lui voue au desert de nouveaux sacrifices.

Но почему сонъ есть спихіа луч-
шихъ Поэтовъ? отъ чего они пре-
даются ему до излщества, забы-
ваютъ все — и славу, и попомство, и
золотое правило древности, которое
говоритъ именно, что праздность безъ
науки — смерть, *otium sine litteris mors*

est? Вопросъ важный, достойный вниманія мудрецовъ и кошораго я рѣшить не смѣю, боясь вооружить противъ себя неусыпныхъ, но усыпительныхъ Писателей, которые — о снѣношество! — и самое божество Ночи * оскорбляютъ кропаніемъ стиховъ. Знаю только, что Поэты всегда прославляли сладость сна; подобно нѣжнымъ дѣтямъ, ласкающимъ добраго родителя, они давали ему множество пріятныхъ названій: сонъ утѣшитель смертныхъ! опрадный! тихій! сладостный и пр. Начиная отъ Омера, все они, все до одного описывали меньше или больше, хуже или лучше сіе успокоеніе души и тѣла. Тибуллъ, кошораго вся жизнь была одно сладостное мечтаніе безъ пробужденій (просните мнѣ это выраженіе), Тибуллъ не въ одномъ мѣстѣ выхваляетъ сонъ. — Я всегда съ живымъ удовольствіемъ привожу на память стихи его:

Подъ тѣнію древесной ошдыхаю,
Кошорая меня прохладою даритъ.

* У древнихъ Ночь была старѣйшимъ всѣхъ божествомъ.

Сквозь солнце иногда дождь мѣлкой чуть
шумитъ :

Я слушаю его, по малу погружаюсь
Въ забвеніе и сномъ пріятнымъ наслаж-
даюсь.

Дмитріевъ.

Какая истинная любовь къ наслаж-
деніямъ тихимъ! какая любовь ко сну!
Далѣе:

Иль въ мрачну, бурну ночь въ объятіяхъ
драгой
Не слышу и грозы, шумящей надо мной!
Вотъ сердца моего желанья и утѣхи!

Дмитріевъ.

Первые два стиха показываютъ ма-
стера наслаждашся; послѣдній принад-
лежитъ къ малому числу стиховъ,
написанныхъ отъ души.

Ахъ! почтенное сословіе сонныхъ!
если бы я не боялся прапы времени,
которое можно посвящать съ такою
пользою на сонъ; . . .

(И въ самомъ дѣлѣ Орапоръ началъ
замѣчать нѣкоторую склонность ко
сну въ своихъ благосклонныхъ слуша-
теляхъ. Лучшія, краснорѣчивыя слова,

имѣють странное дѣйствіе на лѣни-
выхъ духомъ, дѣйствіе, подобное жур-
чанію ручейка: сперва правящся, а по-
томъ клонящъ ко сну).

...Еслибъ помные глаза ваши не пока-
зывали, что онъ вамъ спавишся пу-
жѣе краснорѣчивѣйшаго панегирика....
(Этотъ второй членъ длиннаго пе-
ріода былъ прерванъ сперва званіемъ
слушателей, а потомъ и самаго Ора-
тора, который однакожъ сдѣлалъ герой-
ское усиліе и продолжалъ): то вѣрнобъ
я предложилъ вамъ убѣдительное срав-
неніе двухъ народовъ: одного воин-
ственнаго, другаго мирнаго; одного,
провожающаго дни и ночи наспражъ съ
копьемъ въ рукахъ; другаго, изгнавшаго
изъ предѣловъ своихъ все, что кло-
нишся къ нарушенію сна: и пѣшуховъ,
вѣспниковъ ушра, и шумныя Художе-
ства, и снаряды воинственныя; — я
сдѣлалъ бы сравненіе Спартанцевъ со
щасливými Сибаритами, и сравне-
ніе мое клонилось бы въ пользу послѣд-
нихъ; — я доказалъ бы, что нѣтъ ща-
стія въ дѣятельности народной, и чрезъ

то открылъ бы несповѣдимыя истины
и новое поле Политикамъ, поле вовсе
неизвѣстное.

(При словѣ *Политика*, хозяинъ на-
чалъ звать такъ сильно, что Орапоръ
съ прудомъ кончилъ):

Но я вижу, что Морфей сыплеть
на васъ зернистый макъ свой! Я ощу-
щаю и самъ тайное присутствіе бога
Киммеринскаго. Крыле его сопрясають
благовонную росу на любимцевъ....
Персть его смыкаетъ уста мои... языкъ
коснётся... и я..... засыпаю.

Любитель сна Дормидонъ Тихинъ.

АРІОСТЪ и ТАССЪ.

Ученіе Италіянскаго языка имѣетъ особенную прелестъ. Языкъ гибкій, звучный, сладостный, языкъ воспитанный подъ щастливымъ небомъ Рима, Неаполя и Сициліи, среди бурь политическихъ и полкомъ при блестящемъ дворѣ Медичисовъ, языкъ образованный великими Писателями, лучшими Поэтами, мужами учеными, Политиками глубокомысленными, — эпошъ языкъ сдѣлся способнымъ принимать всѣ виды и всѣ формы. Онъ имѣетъ характеръ, отличный отъ другихъ новѣйшихъ нарѣчій и коренныхъ языковъ, въ которыхъ менѣе или болѣе примѣтна суровость, глухіе или дикіе звуки, медленность въ выговорѣ и нѣчто принадлежащее Сѣверу. — Великіе Писатели образуютъ языкъ; они даютъ ему нѣкоторое направленіе, они осматриваютъ на

немъ неизгладимую печать своего Генія: но обратно, языкъ имѣетъ вліяніе на Писателей. Труднось выражать свободно нѣкоторыя дѣйствія природы, всѣ опшѣнки ея, всѣ измѣненія, останавливается не рѣдко перо искусное и опытное. — Аріостъ, напримѣръ, выражается свободно, описываетъ вѣрно все, что ни видишь, (а взоръ сего чудснаго Прошея обнимаетъ все мірозданіе); онъ описываетъ сельскую природу съ удивительною точностію, благовонные луга и рощи, прохладные ключи и пещеры полуденной Франціи, — аѣса, гдѣ Медоръ упомянутый нѣгою поживаетъ на сладостномъ лонѣ Анжелики; роскошные чертоги Альцины, гдѣ Волшебница сіяетъ между Нимфами (*si come è bello il sol più d'ogni stella!*); все живетъ, все дышетъ подъ его перомъ. Переходя изъ тона въ тонъ, отъ каршины къ каршинѣ, онъ изображаетъ звукъ оружія, прескъ щиповъ, свистъ пращей, преломленіе копій, неперпѣливость коней, жаждущихъ боя, единоборство рыцарей и неимовѣрные подвиги мужества и храбрости; или брань

стихій, и природу всегда прелестную, даже въ самыхъ ужасахъ (*bello è l'or-gore*)! — Онъ рассказываетъ, и рассказъ его имѣетъ живость необыкновенную. Всѣ выраженія его вѣрны и съ спорою точностію прозы передаютъ чиншпелю блестящія мысли Поэта. Онъ шутитъ, и шутки его, легкія, веселыя, игривыя и часто незлобныя, распворены Аппи-ческимъ остроуміемъ. Часто онъ предается движенію души своей, и удивляетъ васъ, какъ Орапоръ, порывами и силою мужественнаго краснорѣчія. Онъ прогаеетъ, убѣждаетъ, онъ неволь-но испоргаетъ у васъ слезы; самъ пла-четъ съ вами, и смѣется надъ вами и надъ собою; или увлекаетъ васъ въ міръ неизвѣстный, созданный его Музою; заспавляетъ спрансповатъ изъ края въ край, поднимается на воздухъ; — онъ вспупаетъ съ вами въ царство Луны, гдѣ находишь все ушраченное подъ Луною и все, что мы видимъ на земноводномъ шарѣ: но все въ новомъ, премѣнномъ видѣ; снова спускается на землю, и снова описываетъ знакомыя спраны, и человека и спраспи его. —

Вы безъ малѣйшаго усилія слѣдуете за чародѣемъ, вы удивляетесь Поэту и въ сладостномъ воспоргѣ восклицаете: Какой умъ! какое дарованіе! а я прибавлю: какой языкъ!

Такъ, одинъ языкъ Италіанскій (изъ новѣйшихъ разумѣется) столь обильный, столь живой и гибкій, столь свободный въ словосочиненіи, въ выговорѣ, въ ходѣ своемъ, одинъ онъ въ состояніи былъ выражать всѣ игривыя мечты и вымыслы Аріоса, и какъ еще? въ шѣснѣйшихъ узахъ слухотворства: (Аріосъ писалъ октавами). Но перенесите этого чародѣя въ другой вѣкъ, менѣе свободный въ мысляхъ,* болѣе поработенный правилами сочиненія, основаннымъ на опытности и размышленіи, дайте ему языкъ сѣвернаго народа, какой заблагоразсудите, — Англійскій,

* Аріосъ писалъ, что хотѣлъ, противъ Папы. Онъ смѣлся надъ подложной хартіей, кою Императоръ Константинъ усупаетъ Викарію С. Петра Римъ въ попомственое правленіе, и книга его напечатана въ Римѣ — *con licenzia de superiori*.

или Нѣмецкій, на примѣръ: — и я твердо увѣренъ, что Пѣвецъ Орланда не въ силахъ будетъ изобразять природу такъ, какъ онъ постигалъ ее и какъ описалъ въ своей Поэмѣ: ибо (еще повторю) Поэма его заключаетъ въ себѣ все видимое твореніе и всѣ спраши чело-вѣческія: это Иліада и Одиссея; однимъ словомъ, природа, поработанная жезлу волшебника Аріоста.* Но щастливому языку Италіи, богатѣйшему наслѣднику древняго Латинскаго, упрекаютъ

* Напрасно будутъ мнѣ указывать на Англійскихъ и Нѣмецкихъ Писателей, подражавшихъ Аріосту. Я отдаю полную справедливость Виланду, остроумному Поэту и издѣшелоу новаго языка въ своемъ опечесствѣ; но скажу, и должно со мною согласиться, что въ Оберонѣ менѣе вещей, нежели въ Орландѣ; языкъ не столь подонъ, и заспавляетъ всегда чего нибудь желанъ; Поэтъ не договариваетъ, и — весьма часто. Позвольте сдѣлать слѣдующій вопросъ: если бы Виландъ писалъ въ Италіи, во время Аріоста, то какой видъ получила бы его Поэма? — Языкъ у Стихотворца тоже, что крылья у птицы, что матеріалъ у ваятеля, что краски у живописца.

въ излишней изнѣженности? Этого упрекъ совершенно несправедливъ и доказываешь одно невѣжество; знамоки могутъ указать на множество мѣстъ въ Тассѣ, въ Аріостѣ, въ самомъ нѣжномъ Поэтѣ Валлакіузскомъ, и въ другихъ Писателяхъ, менѣе или болѣе славныхъ, множество стиховъ, въ которыхъ сильныя и величественныя мысли выражены въ звукахъ сильныхъ и совершенно сообразныхъ съ оными; гдѣ языкъ есть прямое выраженіе души мужественной, исполненной любви къ отечеству и свободѣ. Не одно — *Chiama gli abitator* — найдешь въ Тассѣ; множество другихъ мѣстъ доказываютъ силу Поэта и языка. Сколько описаній битвъ въ Поэмѣ Торквато! И мы смѣло сказать можемъ, что сіи картины не уступаютъ, или рѣдко ниже картинъ Виргилія. Онѣ часто напоминаютъ намъ самаго Омера.

Посмотрите на это ужасное послѣдствіе войны, на груды блѣдныхъ тѣлъ, по которымъ бѣгутъ изспуганные воины, преслѣдуя матерей, прижавшихъ

препешныхъ младенцевъ къ персамъ
своимъ :

Ogni cosa di strage era già pieno;
Vedeansi in mucchj e in monti i corpi avvolti.
La i feriti su i morti, e quì giaceano
Sotto morti insepolti, egri sepolti.
Fuggian premendo i pargoletti al seno,
Le meste madre, co capêgli sciolti:
E'l predator di spoglie e di rapine
Carco, stringea le vergine nel crine. —

„Всѣ мѣста преисполнились убій-
„ствомъ. Груды и горы убіенныхъ!
„Тамъ раненые на мертвыхъ, здѣсь
„мертвыми заважены раненые; прижавъ
„къ персамъ младенцевъ, убѣгають оп-
„чаянныя матери съ раскиданными вла-
„сами; и хищникъ, ошягченный огра-
„бленными сокровищами, хващаетъ за
„власы дѣвъ устрашенныхъ.“

Желаете ли видѣть поле сраженія,
покрытое непрерывными волнами, —
картину единственную, величествен-
ную! Солнце проливаетъ лучи свои на
долину; все сіяетъ: и оружіе разно-
цвѣтное, и спальные доспѣхи, и шле-
мы, и щиты и знамена. Слова Поэты
имѣютъ нечто блестящее, торже-

спивенное, и мы невольно восклицаема
съ нимъ: bello in sì bella vista anco è l'or-
rore!

Grande e mirabil cosa era il vedere
Quando quel campo, e questo a fronte venne;
Come spiegate in ordine le schiere;
Di mover già, già d'assalire accenne:
Sparse al vento ondeggiando ir le bandiere,
E ventolar sù i gran cimier le penne;
Abiti, fregj, imprese, arme e colori
D'oro e di fero al sol lampi e folgori.

Sembra d'alberi densi alta foresta
(L'un campo e l'altro, di tant'aste abonda!)
Son tesi gli archi, e son le lance in resta;
Vibransi i dardi, e rotasi ogni fionda. —
Ogni cavallo in guerra anco s'appresta:
Gli odj e'l furor del suo signor seconda;
Raspa, batte, nitrisce e si raggira;
Gonfia le nari, e fumo e foco spira.

Bello in sì bella vista anco è l'orrore!

„Открылось великолѣпное и удиви-
„тельное зрѣлище, когда оба войска
„выспроились одно прошивъ другаго,
„когда развернулись въ порядкѣ пол-
„чища, двигаясь и нападать гошовья!
„Распущенныя по вѣтру знамена вод-
„нуются; на высокихъ гребняхъ шле-
„мовъ перья колеблются; испещренныя
„одежды, вензели и цвѣты оружія,

„злато и спаль яркимъ блескомъ и сія-
„ніемъ лучи солнечные отражаютъ.

„Въ густой и высокой лѣсѣ сомкну-
„лись копья: споль многочисленно и
„шо и другое воинство! Напаянны
„луки, обращены копья, сверкаютъ
„дрошники, пращи крутятся, самый
„конь жаждетъ кровавой битвы: онъ
„раздѣляетъ ненависть и гнѣвъ ожес-
„поченнаго всадника; онъ роетъ зем-
„лю, бьетъ копытами, ржетъ, кру-
„жится, раздуваетъ ноздри, и дымомъ
„и пламенемъ пышетъ.“

Но битва закипѣла, часъ отъ часу
становишся сильнѣе и сильнѣе. Въ сра-
женіи есть минуты рѣшительныя; я
на опытъ знаю, что онѣ не споль ужас-
ны. Побѣдитель преслѣдуетъ, побѣж-
денный убѣгаетъ; и топъ и другой
увлекаются примѣромъ товарищей сво-
ихъ, и топъ и другой заняты собою. —
Но минута ужасная есть та, когда оба
войска, послѣ продолжительнаго и упор-
наго сопротивленія, изощивъ всѣ
усилія храбрости и искусства воин-
скаго, ожидаютъ рѣшительнаго конца, —
побѣды, или пораженія; когда всѣ гласы,

всѣ грома, сольются во едино и состав-
лять нѣчто мрачное, неопредѣленное
и безпрестанно возраспающее: эту ми-
нуту Поэтъ описываетъ съ необыкно-
венною вѣрностію:

Così si combatteva: e in dubbia lance
Col timor le speranze eran sospese.
Pien tutto il campo è di spezzate lance,
Di rotti scudi, e di troncato arnese:
Di spade ai petti, alle squarciate pance
Altre confitte, altre per terra stese:
Di corpi altri supini, altri co'volti
Quasi mordendo il suolo, al suol rivolti. —

Giace il cavallo al suo signore appresso,
Giace il compagno appo il compagno estinto,
Giace il nemico appo il nemico, e spesso
Sul morto il vivo, il vincitor sul vinto.
Non v'è silenzio, e non v'è grido espresso,
Ma odi un non sò che roco, e indistinto.
Fremiti di furor, mormori d'ira,
Gemiti di chi langue, e di chi spira.

L'arme, che già si liete in vista foro,
Facceano or mostra spaventosa e mesta.
Perduti ha i lampi il ferro, i raggi l'oro,
Nulla vaghezza ai bei color più resta.
Quanto apparia d'adorno, e di decoro
Ne' cimieri, e ne fregi, or si calpesta.

La polve ingombra ciò ch'al sangue avanza,
Tanto i campi mutata avean sembianza! *

* Въ сихъ прехъ Октавахъ безсмертный
Тассъ превзошелъ себя. — Здѣсь полная кар-

„Такъ рашовало воинство съ равнымъ
 „спрахомъ и надеждою. Все поле зава-
 „лено преломленными копьями, разби-
 „тыми щитами и доспѣхами. Мечи
 „вонзилися въ грудь, въ прободенные
 „панцыри; иные по землѣ размешаны.
 „Здѣсь шрупы ницъ поверженные въ
 „прахъ; тамъ шрупы лицомъ обращен-
 „ные къ солнцу.

„Лежишь конь близъ всадника, ле-
 „жишь товарищъ близъ бездыханнаго
 „товарища; лежишь врагъ близъ врага
 „своего и часто мертвый на живомъ,
 „побѣдитель на побѣжденномъ. — Нѣшь
 „молчанія, нѣшь криковъ явственнѣхъ;
 „но слышится нѣчто мрачное, глухое:
 „клики опчаянія, гласы гнѣва, воз-
 „дыханія спраждающихъ, вопли уни-
 „рающихъ.

шина. Ничего лишняго, ничего напѣнуутаго,
 сверхъ-естественнаго. Non v'è silenzio non v'è
 grido espresso, и при слѣдующія стиха живо-
 писны. — Въ послѣдней октавѣ стихотворецъ
 повторяетъ всѣ подробности и кончитъ
 какъ мастеръ: — Tanto i campi avean mutata
 sembianza.

„Оружіе, дошоль пріятное взорамъ,
 „являєшь зрѣлище ужасное и плачев-
 „ное. Упрашила блескъ и лучи свои
 „гладкая спаль. Упрашили красоту
 „свою разноцвѣтныя доспѣхи. Богатые
 „шлемы, прекрасныя лапы въ прахъ
 „ногами попраны. Все покрыто пылью
 „и кровью: споль ужасно премѣнилось
 „воинство! *

Мы не можемъ останавливаться на
 всѣхъ красотахъ освобожденнаго Иеру-

* Сія картина поля сраженія напоминаетъ
 намъ прекрасные стихи Ломоносова:

Различнымъ образомъ повержены тѣла:
 Иный съ размаху мечъ занесъ на сопосапа,
 Но прежде прободень, удара не скончалъ.
 Иный, забывъ врага, прельщался блескомъ
 злата;

Но мертвый на корысть желанную упалъ.
 Иный отъ сильнаго удара убѣгаетъ,
 Спрямглавъ на низъ слетѣлъ и стонетъ
 подъ конемъ;

Иный пронзенъ, угасъ, противника сражая;
 Иный врага повергъ, и умеръ самъ на немъ.

Замѣшимъ мимоходомъ для стихотворцевъ,
 какую силу получаютъ самыя обыкновенныя
 слова, когда они поставлены на своемъ мѣстѣ.

салима; ихъ множество! Прелестный
 Эпизодъ Эрминіи, смерть Клоринды,
 Армидины сады и единоборство Тан-
 креда съ Аргантомъ: кто читалъ
 васъ безъ восхищенія? Вы останетесь
 незабвенными для сердецъ чувствитель-
 ныхъ и для любителей всего прекра-
 сного! Но въ Поэмѣ Тассовой есть кра-
 соты другаго рода; и на нихъ должно
 обратитъ вниманіе Поэту и Критику.—
 Описаніе нравовъ народныхъ и обрядовъ
 вѣры есть лучшая принадлежность Эпо-
 пей. Тассъ отличился въ ономъ. Съ
 какимъ искусствомъ изображалъ онъ
 нравы рыцарей, ихъ великодушіе, сми-
 renіе въ побѣдѣ, неимовѣрную храбрость
 и набожность! Съ какимъ искусствомъ
 приводитъ онъ крестоносцевъ къ
 стѣнамъ Иерусалима! Они горятъ не-
 терпѣніемъ увидѣть священные верхи
 града Господня. Изъ дали воинство при-
 вѣстивуетъ его непрерывными вос-
 кликаніями, подобно мореплавателямъ,
 открывшимъ желанный берегъ. Но вско-
 рѣ священный страхъ и уныніе смѣ-
 няютъ радость: никто безъ ужаса и
 сокрушенія не дерзаетъ взглянуть на

свѣщенное мѣсто, гдѣ Сынъ Божій искупилъ челоуѣчество спраданіемъ и вольною смертію. Главы и ноги начальниковъ обнажены; все воинство послѣдуетъ ихъ примѣру, и гордое чело рыцарей смиряется предъ Тѣмъ, кто располагаетъ по волѣ и побѣдою, и лаврами, и славою земною, и царствомъ неба. Такого рода красоты, суровыя и важныя, почерпнуны въ нашей религіи: древніе ничего не оставили намъ подобнаго. Всѣ обряды вѣры, всѣ спрашныя таинства обогатили Тассову Поэму. — Ринальдо вырывается изъ объятий Армиды; войско встрѣчаетъ его съ радостными восклицаніями. Юный вишазъ бесѣдуетъ снова съ товарищами о войнѣ, о чудесахъ очарованнаго лѣса, которыя онъ одинъ можетъ разрушить: но просмый опшительникъ Пешръ совѣщаетъ рыцарю исповѣдью очистишься отъ заблужденій юности, прежде нежели онъ приступитъ къ совершенію великаго подвига. „Сколько ты обязанъ Всевышнему! говоришь онъ. Его рука спасла тебя; она спасла заблуждшую овцу и причислила ее къ

своему спаду. Но ты покрыть еще
 шиною міра, и самыя воды Нила, Ган-
 теса и Океана не могутъ очистишь
 тебя: одна благодать совершитъ сіе.,
 Онъ умолкъ, и сынъ предесной Софїи,
 сей гордый и неперпѣливый юноша,
 повергаеся къ стопамъ смиреннаго
 опшельника, исповѣдуетъ ему прегрѣ-
 шенїя юности своей, и очищенный опъ
 оныхъ идетъ безпрепешно въ лѣса,
 исполненные очарованїй волшебника Ис-
 мена. — Годофредъ, желая осадить го-
 родъ, приготавливаетъ махины, стѣно-
 бийныя орудїя; но снрогїй Пепръ
 является въ шашеръ къ военачальнику.
 „Ты приготавлиешь земныя орудїя, го-
 воритъ онъ набожному повелителю, а
 не начинаешь, опколѣ надлежитъ. На-
 чало всего на небѣ. Умолай Ангеловъ и
 полки Свяшыхъ; подай примѣръ набож-
 ности войску., И на утро опшельникъ
 развѣваетъ спрашное знамя, въ самомъ
 раю почишаемое; за нимъ слѣдуетъ ликъ
 медѣннымъ шагомъ; священнослужи-
 тели и войны (соединившіе въ рукѣ
 своей кадилицу съ мечемъ), Гвильемъ
 и Адимаръ, заключаютъ шестыіе лика;

за ними Годофредъ, начальники и войско
обезоруженное. Не слышно звуковъ тру-
бы и гласовъ бранныхъ; но гласы мо-
литвы и смиренія:...

*Te genitor, te figlio eguale al Padre,
E te, che d'ambo uniti amando spiri,
E te d' Uomo, e di Dio Vergine Madre,
Invocano propizia a i lor desiri. и пр. и пр.*

Такъ шествуетъ поющее воинство,
и гласы его повторяютъ глубокія до-
лины, высокіе холмы и эхо пущынь
опдаленныхъ. Кажется, другой ликъ
проходитъ въ лѣсахъ, досель безмолв-
ныхъ, и явственно великія имена Ма-
ріи и Христа воспѣваетъ. Между тѣмъ
со стѣнъ города взираютъ въ безмолвіи
удивленные поклонники Могаммеда на
обряды чуждые, на ведельіе чудесное
и пѣніе божественное. Вскорѣ гласы
проклятій и хуленій невѣрныхъ напол-
няютъ воздухъ: горы, долины и попоки
пущынные ихъ съ ужасомъ повто-
ряютъ.

Такимъ образомъ великій Спихотво-
рецъ умѣлъ прошивуноспавити обря-
ды, нравы и религіи двухъ враждебныхъ

народовъ, и изъ садовъ Армидиныхъ, онъ сельскаго убъжища Эрминіи, перенесись въ спанъ Христіанскій, гдѣ все дышетъ благочеспіемъ, набожноспію и смиреніемъ. Самый языкъ его измѣняется. Въ черпкахъ Армиды онъ сладостенъ, нѣженъ, изобилень; здѣсь онъ мужесквенъ, величественъ и даже суровъ.

Тѣ, которые упрекають Италіанцевъ въ излишней изнѣженности, конечно забываютъ прехъ Поэтовъ: Альфьери — душою Римлянина, Данта — знатителя языка Италіанскаго, и Петрарка, который нѣжность, сладость и постоянное согласіе у ѣдъ сочешашъ съ силою и краткостію.

ХІІ.

ПЕТРАРКА.

S'amor non è, che dunque è quel ch'io sento?
Что же я чувствую, если и это не любовь?

Вопишь чпо говоришь Петрарка, котораго одно имя напоминаетъ Лауру, любовь и славу. Онъ заслужилъ славу трудами постоянными и пользою, которую принесъ всему человѣчеству, какъ Ученый прилѣжный, неутомимый; онъ первый возстановилъ ученіе Латинскаго языка; онъ первый занимался критическимъ разборомъ древнихъ рукописей, какъ истинный знапокъ и любитель всего изящнаго. — Не по однимъ заслугамъ въ учености имя Петрарки сіяетъ въ Исторіи Италіанской; онъ участвовалъ въ распряхъ народныхъ, былъ употребленъ въ важнѣйшихъ переговорахъ и посольствахъ, осыпанъ милостіями Императора Римскаго, и наконецъ онъ Роберта, Короля

Неаполитанскаго — названъ и другомъ и величайшимъ Геніемъ. Замѣшьте, что Робертъ былъ ученѣйшій мужъ своего времени, и предпочиталъ (это собственныя его слова) науки и дарованія самой діадимѣ. Наконецъ Пешрарка сдѣлался бессмертенъ стихами, которыхъ онъ самъ не уважалъ*, — стихами, писанными на языкъ Италіянскомъ, или народномъ нарѣчіи. — И такъ, славы никто не оспариваетъ у Пешрарки; но многіе сомнѣвались въ любви его къ Лаурѣ. Многіе Французскіе писатели утверждали, что Лаура никогда не существовала, что Пешрарка воспѣвалъ одинъ призракъ, красоту созданную его воображеніемъ, какъ создана была Дудиней Серваншовымъ героемъ. —

* Въ этомъ неуваженіи къ стихамъ своимъ Богдановичъ много сходствовалъ съ Пешраркомъ. Онъ часто говаривалъ М. у: „Стихи мои, которые вамъ такъ нравятся, умрутъ со мною; но моя Русская Исторія переживетъ меня. Стихи мнѣ не много стоили труда; надъ Исторіей я много пролилъ поту: на ней-то основана моя слава. . . .“ Пешрарка и Богдановичъ, обманулись!

Италіянскіе кришки, ревнивели славы божественнаго Пепрарки, ушвердили существованіе Лауры; они входили въ малѣйшія подробности ея жизни, и на каждый стихъ Пепрарки написали цѣлыя страницы толкованій. — Сія дань учености дарованію покажется нѣмъ излишнею, другимъ смѣшною; но мы должны признасться, что только въ тѣхъ земляхъ, гдѣ умѣютъ такимъ образомъ уважать отличныя дарованія, рождаются великіе авторы. Любили Поэзіи и чувствительные люди, которые по движеніямъ собственнаго сердца, пламеннаго и возвышеннаго, угадываютъ сердце Поэта и истину его выраженій, не будутъ сомнѣваться въ любви Пепрарки къ Лаурѣ: каждый стихъ, каждое слово носитъ неизгладимую печать любви.

Любовь способна принимать всѣ виды. Она имѣетъ свой особенный характеръ въ Анакреонѣ, Феокристѣ, Кашулѣ, Проперціѣ, Овидіѣ, Тибуллѣ и въ другихъ древнихъ Поэтахъ. Одинъ сладострастенъ, другой нѣженъ, и такъ да-

лве. Пешрарка, подобно имъ, испытала всѣ мученія любви и самую ревность; но наслажденія его были духовныя. Для него Лаура была нѣчто невещественное, чистѣйшій духъ, излившійся изъ нѣдръ божества и облекшійся въ прелести земныя. — Древнѣе Спихопворцы были идолопоклонники; они не имѣли и не могли имѣть сихъ возвышенныхъ и опвлеченныхъ понятій о чистотѣ душевной, о непорочности, о надеждѣ увидѣться въ лучшемъ мірѣ, гдѣ нѣтъ ничего земнаго, преходящаго, низкаго. Они наслаждались и воспѣвали свои наслажденія; они спрадали и описывали ревность, тоску въ разлукѣ, или надежду близкаго свиданія. — Слезы горести или восторга, нѣкоторыя обряды идолопоклонства, очарованія какой-нибудь волшебницы (любовь всегда суевѣрна), воспоминаніе о золотомъ вѣкѣ и вѣчныя сожалѣнія о юности, улепающей какъ призракъ, какъ сонъ, — вошъ изъ чего были составлены любовныя Поэмы древнихъ, вошъ по чему въ ихъ твореніяхъ мы видимъ болѣе движенія и лучшее развитіе страстей, однимъ

словомъ, болѣе драматической жизни, нежели въ одахъ Пешрарки: — но не болѣе истины.

Тибулль, задумчивый и нѣжный Тибулль, любилъ напоминать о смерти своей Деліи и Немезидѣ. „Ты будешь плакать надъ умирающимъ Тибулломъ; я сожму руку твою хладющею рукою, о Деліа!..“

*Te spectem, suprema mihi cum venerit hora,
Te teneam moriens, deficiente manu....*

И сіи слова драгоценны для сердець чувствительныхъ! Но послѣ смерти всему конецъ для Поэта; самый Элизій не есть вѣрное жилище. Каждый Поэтъ передѣлывалъ его по своему и переносилъ туда грубыя, земныя наслажденія. Пешрарка напрошивъ этого: онъ надѣялся увидѣть Лауру въ лонѣ божества, среди Ангеловъ и Святыхъ; ибо Лаура его есть ангелъ непорочности; самая смерть ея — торжество жизни надъ смертію. „Она погасла какъ лампада; говоритъ Спихопворецъ; — смерть не обезобразила ея прелестей; нѣтъ! не смертная блѣдность покрыла ея лице:

близна его подблгась снѣгу, медлѣнно падающему на прекрасный холмъ въ безвѣтренную погоду. Она поконлась, какъ человекъ по совершеніи великихъ трудовъ: и это называютъ смертію славыя человекѣ!“

Пепрарка девять лѣтъ оплакивалъ кончину Лауры. Смерть красавицы не истребила его страсти; напрошивъ того, она дала новую пищу его слезамъ, новыя цѣны его дарованію: гимны Поэта сдѣлались божественными. Никакая земная мысль не помрачала его печали. Горестъ его была вѣчная, горестъ христіанина и любовника. Онъ жилъ въ небесахъ: тамъ былъ его умъ, его сердце, всѣ воспоминаія; тамъ была его Лаура! — Стихи Пепрарки, сѣ гимны на смерть его возлюбленной, не должно переводить ни на какой языкъ; ибо ни одинъ языкъ не можетъ выразить постоянной сладости Тосканскаго, и особенной сладости Музы Пепрарковой. Но я желаю оправдать Поэта, котораго часто кришика (опдавая впрочемъ похвалу гармоніи стиховъ

его) спавишъ нравнѣ съ обыкновенными Писателями по части изобрѣшенія и мыслей. Въ прозѣ остаются однѣ мысли.

„Исчезла швоя слава, мѣръ неблаго-
дарный! и ты сего не видишь, не чув-
ствуешь. Ты не достойна была знать
ее, земля благодарная! ты не досто-
йна быть попираема ея священными
стопами! Прекрасная душа ея пресе-
дилась на небо. Но я, несчастный! я
не могу любить безъ нее ни смертной
жизни, ни самаго себя! Лаура! тебя
призываю со слезами! слезы послѣднее
мое утѣшеніе; онѣ меня подкрѣпляютъ
въ горести. Увы! въ землю преврати-
лись ея прелести; онѣ были здѣсь за-
логомъ красоты небесной и наслажденій
райскихъ. Тамъ ея невидимый образъ:
здѣсь покрывало заземлявшее его сія-
ніе. Она облечется снова и на вѣки
въ красоту небесную, которая, безъ
сравненія превосходитъ земную. Ея
образъ является мнѣ одному (ибо кто
могъ обожать ее, какъ я?), онъ является
и предестнѣе и свѣтлѣе. Божествен-

ный образъ ея, милое имя, которое
опызывается столь сладостно въ моемъ
сердцѣ, — вы единственные опоры сла-
бой жизни моей. . . Но когда минувшее
заблужденіе исчезаетъ, когда я вспо-
мню, что лишился надежды моей въ са-
момъ цвѣтѣ и сіяніи: любовь! ты знаешь,
что со мною тогда бываетъ, знаешь
и она, та которая приблизилась къ
божественной истинѣ. . . Я спрадаю;
а она изъ жилища вѣчной жизни съ гор-
дою улыбкою презрѣнія взираетъ на
земное одѣяніе свое, здѣсь оставленное.
Она о тебѣ одномъ вздыхаетъ, и умо-
ляетъ тебя не запымишь сіянія славы
ея, тобою на землѣ распростираеннаго;
да будешь гласъ твоихъ пѣсней еще
звучнѣе, еще сладостнѣе, если сладо-
стны и драгоцѣнны были очи ея
твоему сердцу!“ —

Древность ничего не можетъ пред-
ставить намъ подобнаго. Горестъ Пеп-
рарки улаждаея мыслию о безсмер-
тіи души, сурогою мыслию, которая
одна въ силахъ искоренить спраси
земныя; но Поэзія не теряетъ своихъ

красокъ. Стихотворецъ умѣлъ соче-
 тать землю и небо; онъ заставилъ
 Лауру заботиться о славѣ земной,
 единственномъ сокровищѣ, которое
 осталось въ рукахъ ея друга, осиро-
 тѣлаго на землѣ. Иначе плачешь надъ
 урною любовницы древній Поэтъ; иначе
 Овидій съипуетъ о кончинѣ Тибулла: ибо
 всѣ понятія древнихъ о душѣ, о без-
 смертіи были неопредѣленны. — Пеп-
 рарка, пораженный ужасною вѣстію о
 кончинѣ Лауры, написалъ нѣсколько
 спрокъ на заглавномъ листѣ Виргилія,
 который весь наполненъ былъ его замѣ-
 чаніями: ибо Пепрарка читалъ Вирги-
 лія и училъ наизусть безпрестанно.
 Сія рукопись, драгоценный осколокъ
 двухъ великихъ людей, хранилась въ
 Амброзіанской библіотекѣ, а нынѣ, если
 не ошибаюсь, находится въ Парижѣ.
 Проспоша немногихъ спрокъ, начер-
 танныхъ въ глубокой горести, преле-
 стна и стоитъ лучшаго гимна. Изъ
 нихъ-то можно видѣть, что Пепрарка
 не сочинялъ свою спрась, и что
 стихи, его были только слабымъ вос-
 поминаніемъ того, что онъ чувствовалъ.

Вотъ сіи строки. „Лаура, славная по качествамъ души своей и столь долго мною прославляемая, предстала въ первый разъ моимъ глазамъ въ началъ моего юношескаго возраста, въ 1327 году 6 Апрѣля, въ церкви С. Клары, въ Авиньонѣ, въ первомъ часу по полудни. И въ томъ же самомъ городѣ, въ томъ же мѣсяцѣ, 6 числа, въ первомъ часу, 1348 года, сія небесная лампада потухла, когда я находился въ Веронѣ, не вѣдая ничего о моемъ несчастіи. — Въ Пармѣ узналъ я эту плачевную новость чрезъ письмо друга моего Лудовика, того же года, въ Маѣ, по утру. Ея чистѣйшее, ея прелестное пѣло было положено, въ самый день ея смерти, въ церкви Кармелитовъ. Я увѣренъ, что ея душа возвратилась на небо, откуда она пришла, такъ какъ Сципіонова, по словамъ Сенеки.“ —

Петрарка любилъ; но онъ чувствовалъ всю суещность своей страсти, и съ нею боролся не однажды. Любовь къ Лаурѣ и любовь къ славѣ подъ конецъ жизни его слились въ одно. Лю-

бовъ къ славѣ, по словамъ одного
 Русскаго писателя, есть послѣдняя
 ступень, занимающая великую душу. —
 Поэмы: — Триумфъ Любви, — Непорочно-
 сти, — Смерти — Божества, въ которыхъ
 и самый снисходительный критикъ
 найдетъ множество несообразностей
 и оскорбленій вкуса, заключающихъ од-
 наково въ себѣ неувядаемыя красоты
 слога, выраженія и особенно мыслей.
 Въ нихъ-то Стихотворецъ описываетъ
 всѣ мученія любви, которой міръ, какъ
 пирану, приноситъ непрестанныя жер-
 твы. — „Я знаю, говоритъ онъ, какъ
 непостоянна и прѣмчива жизнь лю-
 бовниковъ. Они то робки, то пред-
 пріимчивы. Немного радостей награж-
 даютъ ихъ за непрерывныя мученія.
 Знаю ихъ нравы, ихъ воздыханія, ихъ
 пѣсни, прерывные разговоры, внезапное
 молчаніе, краткій смѣхъ и вѣчныя
 слезы. Любовь подобна сладкому меду,
 распущенному въ соку полыномъ.“ *

* Гордый и пламенный Альфieri называетъ
 Непрарку учителемъ любви и Поэзіи. Maes-
 tro in amare ed in Poesia.

Сію послѣднюю мысль Тассъ повторилъ въ своей поэмѣ. Пѣвецъ Іерусалима испыталъ всѣ мученія любви.

Во времена Петрарковы, споль смежныя съ временами рыцарства, любовь не утратила еще своего владычества надъ людьми всѣхъ сословій. Во Франціи, отъ Короля до простого воина, каждый имѣлъ свою даму: *Madame et St. Denis!* восклицали Французскіе рыцари въ пылу сраженій, и совершали неимовѣрные подвиги. Рыцарь Спръ де Флеранжъ, водружая знамя на стѣнѣ крѣпости, взятой приступомъ, кричалъ своимъ товарищамъ: Ахъ! если бы видѣла красавица своего рыцаря! — Трубадуры воспѣвали красоту; за ними и всѣ Поэты (не исключая важнаго и мрачнаго Данте, остроумнаго и веселаго Боккачіо), всѣ прославляли своихъ красавицъ, и имена ихъ оспались въ памяти Музъ. Исторія Парнасса Италіанскаго есть исторія любви. Въ одномъ изъ своихъ *Тріумфовъ* Петрарка исчисляетъ великихъ мужей древнихъ и новѣйшихъ, которые всѣ учились

жертвами спрасли. Конечно здравый вкус негодуетъ на сочешаніе именъ Давида и Соломона съ именами Тибулла и Проперція; но нѣкоторыя мѣста сей Поэмы имѣютъ особенную прелесть, а болѣе всего тѣ, въ которыхъ Стихотворецъ исчисляетъ своихъ друзей въ плѣну у суроваго бога.

„Я увидѣлъ Виргилія, говоритъ онъ: съ нимъ Овидія, Камулла и Проперція, которые всѣ споль пламенно воспѣвали любовь — и наконецъ пѣжнаго Тибулла. Юная Гречанка (Сафо) шествовала рядомъ съ возвышенными пѣвцами, воспѣвая сладкіе гимны. Бросивъ взоры на окрестныя мѣста, я увидѣлъ на цвѣтущей зеленой долигѣ толпу, разсуждающую о любви. Вотъ Данте съ Беатриксой! вотъ Сельважіа съ Чио! и пр. и пр. . . . Но теперь я не могу сокрыть моей горести: я увидѣлъ друзей моихъ, и посреди ихъ Томасса, украшеніе Болоніи, Томасса, котораго прахъ исплъваешь на землѣ Мессинской. О минувныя радости! горестная жизнь! кпо опіялъ у меня такъ рано мое сокровище, моего друга;

безъ котораго я не могъ дышать? Гдѣ онъ теперь находится? — Прежде онъ былъ со мною неразлученъ. . . . Жизнь смертныхъ, горестная жизнь! ты ничто иное, какъ сонъ больного спрадалца, пустая басня романа! — Уклонясь въ сторону отъ прямого пути я встрѣтилъ моего Сократа и Деція. Съ ними желалъ бы я долѣе шествовать. Какая чета друзей! Ни проза, ни стихи мои не могутъ ихъ достойно прославить; ихъ нагая добродѣтель и безъ пѣсней Музъ заслуживаетъ почтеніе міра. Съ ними я похищалъ слишкомъ рано славный лавръ, который доселѣ украшаетъ мою главу, въ воспоминаніе той, которую обожаю!“ — Лавръ (Lauro) напоминаетъ имя Лауры, и потому былъ вдвое драгоцененъ сердцу Поэта. По смерти славнаго Колонны и Лауры Стихотворецъ воскликнулъ:

Rotta è l'alta Colonna, è l'verde Lauro!

Мы замѣнили уже, что неумѣренная любовь къ славѣ равнялась или спорила съ любовію къ Лаурѣ въ пламенной душѣ Петрарки. Одна чистѣйшая

набожность и возвышенные мысли о бессмертіи души могли уменьшать ихъ силу, и то временно; но искоренить совершенно не имѣли власти. Съ какимъ чистосердечнымъ сокрушеніемъ описываетъ онъ борьбу Религіи съ любовью къ славѣ! Въ каждомъ словѣ видѣнь Христіанинъ, который знаетъ, что ничто земное ему принадлежаще не можетъ; что всѣ труды и усилія человека напрасны, что слава земная исчезаетъ, какъ слѣдъ облака на небѣ: знаетъ твердо, убѣжденъ въ сей истинѣ, и все не престаешь жертвовать своей спраси! „Мой умъ занятъ сладкою и горестною мыслию (говоритъ онъ), мыслию, которая меня утѣшаетъ и исполняетъ надеждою мянужное сердце. Когда вообразу себѣ сіяніе славы, то не чувствую ни хлада зимы, ни лучей солнечныхъ, забываю спрашную блѣдность моего чела и самые недуги. Напрасно желаю умертвить сію мысль; она снова и сильнѣе рождается въ моемъ сердцѣ. Она встрѣтила меня въ пеленахъ младенчества, день ото дня со мною возрастала, и

спрашусь, чтобы со мною не заключилась въ могилѣ. Но къ чему послужаешь мнѣ сіи льстивыя желанія, когда моя душа отдѣлится отъ бреннаго шѣла? После кончины моей если и вся вселенная будетъ обо мнѣ говорить.... суеша! суеша! Одинъ мигъ разрушаетъ всѣ труды наши. Такъ! я желалъ бы обнять истину и забыть на вѣки суешную шѣнь славы!“ —

И самый слогъ Петрарки сообразно съ предметами измѣняется: важность мыслей въ Триумфѣ Смерти и Божества дающихъ слогу особенную силу, возвышенность и краткость. Часто два или три слова заключаютъ въ себѣ мысль или глубокое чувство. Ода, въ которой Поэтъ обращается къ Ріензи (такъ полагаетъ Вольперъ, а другіе крикики утверждаютъ, что сія Ода писана не къ Ріензи, а къ Колоннѣ), сія Ода въ которой онъ умоляетъ народнаго Трибуна священными именами Сципіоновъ и Брутіевъ, расторгнувъ оковы Рима и поставивъ его на древнюю степенъ сіянія и славы,

напоминаетъ намъ прекрасныя Оды Го-
рація. Она исполнена древняго вкуса и
шого величія, которое Италіяны, чув-
ствительные ко всему изящному, назы-
ваютъ *Grandioso* въ Поэзии, въ Ваяніи,
въ Живописи, во всѣхъ Искусствахъ.
Римъ былъ спраснію Петрарки. Онъ не
могъ просиши Папъ перенесенія thro-
на въ Авиньонъ, и бои въ какихъ
словахъ изливаетъ свое негодованіе
передъ защитникомъ правъ народныхъ;
бои какимъ образомъ взываетъ къ
воскресителю столицы міра:

„Сіи древнія стѣны, предъ коими
міръ благоговѣетъ и смертные спра-
шався, когда обращають вспять взоры
на давно мнувшіе вѣки, сіи камни
надгробные, подъ коими исплѣваетъ
прахъ великихъ людей, славныхъ даже
до разрушенія міра: всѣ сіи развалины
древняго величія надѣются воскреснуть
тобою. — О великіе Сиппіоны! о вѣр-
ный Брутъ! съ какою радостію по-
знаете вы благодѣяніе новаго Героя! съ
какимъ веселіемъ и ны, Фабрицій,
узнаешь вѣсть сію! Ты скажешь: мой
Римъ еще будетъ прекрасенъ!“

Надежды Петрарки не сбылись. Но любители изящной Поэзии знают наизусть прекрасные стихи любовника Лауры, обожателя древняго Рима и древней свободы. Ни любовь, ни мѣлкія выгоды самолюбія, ни опасность — говоришь истину въ смутныя времена междуусобія, ничто не могло ослабить въ немъ любви къ Риму, къ древнему обществу добродѣтелей и Музъ, ему драгоценныхъ: ибо ничто не могло потушить любви къ изящному и къ истинѣ въ его сердцѣ. Узнавъ нечестивые поступки Ріензи, съ чистосердечною гордостью, достойною лучшихъ временъ Рима, Петрарка писалъ къ нему: „Я хотѣлъ прославить тебя; страшись теперь, чтобы я не превратилъ моей похвалы — въ жестокою Сатиру!“ Но всѣ угрозы и совѣты Петрарки были напрасны. Свобода, дарованная Риму изскупленнымъ Трибуномъ, походила на свободу Робеспьера: началась убійствами, кончилась тиранствомъ. —

Всѣ знаютъ, что Петрарка воспользовался пѣснями Сицилійскихъ Поэтовъ

и Трубадуры щастливаго Прованса, кошорые много заняли у Мавровъ, народа образованнаго, гостепріимнаго, учиваго, ученаго и одареннаго самымъ блестящимъ воображеніемъ. — Опъ нихъ онъ заимствоваль игру словъ, изысканныя выраженія, опвлеченныя мысли и наконецъ излишнее употребленіе аллегорій; но сіи самыя недоспапки дають какую-то особенную оригинальность его Сонетамъ и прелестъ чудесную его неподражаемымъ Одамъ, кошорыя ни на какой языкъ перевести не возможно. Слога не лзя присвоить, говоришь Бюффонъ, сей исполни въ искусствѣ пишеть: и особенно слогъ Пешрарки. — Любовь къ цвѣтамъ господствовала на Воспокъ. До сихъ поръ Арабскіе и Персидскіе Слѣхотворцы безпрестанно сравнивають красоту съ цвѣтами и цвѣты съ красою. Цвѣты играють большую ролю у любовниковъ на Воспокъ. Раждающаяся любовь, ревность, надежда, однимъ словомъ вся суешная и прелестная исторія любви изъясняется посредствомъ цвѣтовъ. Трубадуры также любили

воспѣвать цвѣты, — а за ними и Пеп-
рарка. Желаете ли видѣть, какимъ обра-
зомъ онъ воспользовался цвѣтами? Еще
разъ повтораю: я удерживаю одну шѣнь
слога живаго, исполненнаго нѣги, гар-
моніи и этого сердечнаго изліянія, ко-
торое только можно чувствовати, а
не описывать. Ксанта о цвѣтахъ:
слогъ Пепрарки можно сравнить съ
симъ чувствительнымъ цвѣткомъ, ко-
торый вянетъ отъ прикосновенія.

„Если глаза мои остановятся на
розахъ бѣлыхъ и пурпуровыхъ, собран-
ныхъ въ золотомъ сосудѣ рукою пре-
дѣстной дѣвицы; тогда мнѣ кажется,
что вижу лице той, которая всѣ чу-
деса природы собою зашмѣваетъ. Я
вижу бѣлокурые локоны ея, по лилей-
ной шеѣ развѣянные, бѣлизною и самое
молоко зашмѣвающей; я вижу сіяла-
ны, сладостнымъ и тихимъ румян-
цемъ горящія! Но когда легкое дыха-
ніе зефира начинаешь колебать на до-
лихъ цвѣточекъ желтые и бѣлые, тогда
вспоминаю невольно и мѣсто и пер-
вый день, въ который увидѣлъ Лауру

съ развѣянными власами по воздуху, и
вспоминаю съ горестію начало моей
пламенной спраси.“

Такимъ образомъ цвѣпокъ въ полѣ,
закашъ солнца, водопадъ шумящій въ
уединенной роцѣ, малѣйшее обстоя-
тельство въ природѣ напоминали Петр-
раркѣ красоту, вѣчно любезную его
сердцу. Путешествіе Спихошворца
чрезъ лѣса Арденскіе или чрезъ Альпы,
прогулка Лауры въ лодкѣ по озеру, или
обряды набожности ея совершенные
при насупленіи какого нибудь праз-
днества, — все служило поводомъ къ
Сонету или новой Одѣ; ни одно чув-
ство, ни одно духовное наслажденіе,
ни одно огорченіе не было упущено
для Музы. Сіе смѣшеніе глубокой чув-
ствительности и набожности чистосер-
дечной съ тонкимъ познаніемъ свѣ-
та и людей, съ обширными свѣденіями
въ исторіи народовъ, — сіи слѣды и
вспоминанія классическихъ красотъ
древнихъ Авторовъ, разсыяныя посре-
ди блестящихъ и романтическихъ вымы-
словъ Сицилійскихъ Поэтовъ, нако-

нець сей очаровательный языкъ Тосканскій, исполненный величія, сладости и гармоніи неизъяснимой, сіе щастливое сочешаніе любви, религіи, учености, философіи, глубокомыслія и суешности любовника: все это вмѣстѣ въ стихахъ Петрарки представляетъ чтеніе усладительное и совершенно новое для любителя Словесности. Надобно предасться своему сердцу, любить изящное, любить глубинну души, возвышенныя мысли и чувства, однимъ словомъ, любить сладостный языкъ Музы, чтобы чувствовать вполнѣ красоту сихъ волшебныхъ пѣсней, которыя предали попомству имена Петрарки и Лауры. Мы знали людей, которые смотрѣли холодными глазами на Аполлона Бельведерскаго; мы знали людей, которые никогда не трепещали отъ восхищенія при чтеніи стиховъ Державина; и мы не удивляемся, что есть писатели, для которыхъ слагатель мадригаловъ, Доранъ и Петрарка — одно и тоже. Часто умные люди отказывали ему въ уваженіи! Умъ не рѣдко бываетъ тупой судія произведеній сердца. Но для

мѣхъ, которые любили хотя одинъ разъ въ жизни, споить только назвавъ Петрарку: они знаютъ ему цѣну, и чувствуютъ вполне прелесть Поэзии, которая не разъ отзывалась въ ихъ сердцахъ. — Il cantar che nell'anima si sente!

Прилѣжаніе. Я сдѣлалъ открытіе въ Италіанской Словесности, къ которому меня не руководствовали иностранные Писатели, по крайней мѣрѣ тѣ, кои мнѣ болѣе извѣстны. Я нашелъ многія мѣста и цѣлыя стихи Петрарки въ Освобожденномъ Іерусалимѣ. Такого рода похищенія доказываютъ уваженіе и любовь Тасса къ Петраркѣ. Мудрено ли? Петрарка былъ его предшественникомъ; онъ и Данте открыли новое поле Словесности своимъ соотечественникамъ; безпрестанное чтеніе сихъ образцовъ, особенно пѣвца Лауры, столь близкаго сердцу чувствительнаго пѣвца Танкреда и Эрминіи, — это чтеніе вѣдало въ памяти его многіе стихи и выраженія, которые онъ невольнымъ образомъ повторять въ своей Поэмѣ. Кто не знаетъ прелестной Оды: Chiare, fresche e dolci acque, которой Вольперъ подражалъ столь удачно, и неподражаемаго Эпизода Эрминіи въ 7 пѣсни Освобожденнаго Іерусалима? Нѣтъ сомнѣнія,

что Тассъ имѣлъ въ памяти стихи Петрарки, которые можно назвать сокровищемъ Италіанской Поэзіи. Любовникъ Лауры обращается къ Тріадѣ, источнику окресниносшей Авиньона *, котораго воды прохлаждали красавицу. На благовонныхъ берегахъ его, освященныхъ нѣкогда присушесшвіемъ единствен-ной для него женщины (*che sola a me par donna*), онъ желаетъ, чтобы покоились его оспашки. Можешь бышь, говоритъ онъ, можешь бышь шамъ, гдѣ увидѣла меня въ благословенный день перваго свиданія, шамъ любопытный взоръ ея будетъ меня искашь снова, и увы! прахъ одинъ найдетъ, прахъ между камней разсыянный, и пр. — Отъ сихъ унылыхъ мыслей Поэтъ переходитъ снова къ роскошному описанію Лауры, оставляющей студеныя воды источника; облако цвѣшовъ разсыпалось на красавицу — *ed ella si sedea umile in tanta gloria*. Древность не произвела ничего подобнаго. Самое рожденіе Венеры изъ пѣны морской и пришествіе ея на землю, которая запрепешала отъ сладострастія, почувствовавъ прикосновеніе богини, не столько плѣняетъ воображеніе. — Но перейдемъ къ Тассу. — У него Эрминія, нашедъ убѣжище у пастырей, оплакиваетъ вѣчную разлуку съ Танкредомъ. Дочь Царей, покры-

* А не къ Воклюзѣ, какъ полагали нѣкоторые Писатели.

тая рубищемъ, но и въ рубищѣ прелестная и величественная, начершываетъ имя Танкреда на корѣ древнихъ дубовъ и вязовъ, и съ нимъ всю печальную повѣсть любви своей. Сто разъ перечисываетъ ее, и проливая слезы, обращается къ рощамъ, нѣмымъ свидѣтелямъ ея муки: „Сокройте, сокройте въ себѣ мою тайну, дружественныя рощи! Можешь быть вѣрный любовникъ, когда нибудь привлеченный прохладою тѣней вашихъ, съ сожалѣніемъ прочитаетъ мои печальныя приключенія, и пронувши до глубины сердца, скажетъ: щастіе и любовь неблагодарностію воздали за толикія спраданія и за примѣрную вѣрность! Можешь быть — если небо внимаетъ благосклонно усерднѣйшимъ моленіямъ смертныхъ — можешь быть въ сіи пущыни зайдешь случайно и поешь, который ко мнѣ столько равнодушенъ, и обращая взоры на то мѣсто, гдѣ будутъ покоиться мои бранныя останки, позднія слезы прольешь въ награду за мои спраданія и вѣрность.,,

Теперь увидимъ похищенія. Въ Одѣ, которая начинается: *Nella stagione ch'el Ciel rapido inchina etc.*, Петрарка описываетъ пастушку, которая при закатѣ солнца спѣвши въ сельское убѣжищѣ и тамъ забываетъ усталость:

La noja, e' l mal della passata vita.

Тассъ въ III пѣсни Іерусалима, воспѣвая торжественное пришествіе крестовыхъ вои-

новъ къ священному граду, сравниваетъ ихъ съ мореплавателями, которые, открывъ желанный берегъ, послѣ бурь и трудовъ забываютъ опасности минувшія:

La noja, e'l mal della passata vita.

Въ Сонетѣ: *Zefiro torna e'l bel tempo rimena* etc., Пешрарка говоритъ, что весна все оживляетъ поля улыбаются, небо свѣтлѣетъ; Зевесъ съ радостию взираетъ на Киприду, милую дочь свою; воздухъ, вода и земля дышатъ любовью:

Ogni animal d'amar si riconsiglia.

И у Тасса мы находимъ эпитъ стихъ въ садахъ Армиды: —

Raddopian le colombe i baci loro,

Ogni animal d'amar si riconsiglia.

Есть и другія похищенія; но я не могу ихъ теперь привесити на память.

ХІІІ.

ГРИЗЕЛЬДА.

ПОВѢСТЬ ИЗЪ БОККАЧЬО.

Въ давнія времена, старшимъ въ родѣ Маркизовъ Салуцкихъ оставался по смерти родственниковъ своихъ, молодой *Гвальтиери*. Цѣлые дни онъ проводилъ на псовой и соколиной охотѣ, былъ не женатъ, бездѣтенъ и вовсе не помышлялъ о супружествѣ. Впрочемъ, онъ былъ довольно разуменъ, и особенно слылъ шаковымъ у женщинъ. Но это разуменіе не нравилось его подданнымъ: они часто упрашивали его вступить въ союзъ брачный.—Вамъ нуженъ наследникъ, а намъ господинъ, говорили добрые люди. Многіе изъ нихъ вызывались сыскать невѣсту отъ честнаго отца, и матери, невѣсту, которая подавала бы о себѣ достойную надежду и со временемъ сдѣлала его ща-

спливѣйшимъ супругомъ. — Друзья мои, отвѣчалъ имъ Гвальпіери, вы принуждаете меня прислушаться къ тому, что мнѣ никогда не нравилось, на что я никогда не хотѣлъ рѣшиться. Я знаю, какъ трудно сыскать женщину намъ по сердцу и нравами и душою; знаю, что худой выборъ дѣлаешь несчастіе цѣлой жизни. Вы говорили, что можно положиться на доброту родителей и по праву ихъ судить о нравѣ дочери; — вы заблуждаешесь, друзья мои! Какъ узнать совершенно отца? какъ узнать тайные поступки матери? И, еслибы отецъ и мать были люди совершенно честные, то кто, скажите мнѣ, поручился, что дѣти ихъ будутъ на нихъ похожи? Если же хотите, чтобы я непременно носилъ узы брачныя и былъ доволенъ моимъ состояніемъ (по крайней мѣрѣ на себя одного жаловался, въ случаѣ неудачи) то предоставьте мнѣ самому сдѣлать выборъ. Если супруга моя не будетъ достойна вашей любви и уваженія, я почну себя совершенно счастливымъ, что уступилъ просьбамъ вашимъ. — Подданные отвѣ-

чали, что на все согласны; только бы онъ не замедилъ вступить въ желанное ими супружество.

Съ давняго времени Маркизу нравилась дѣвушка, очень бѣдная. Она жила въ сосѣдствѣ его замка, въ совершенномъ уединеніи; была довольно миловидна, и сиротному Маркизу показалось, что онъ найдетъ съ нею счастье. Опложивъ всѣ поиски и распросы, онъ рѣшился безъ дальнихъ размышленій предложить ей свою руку. Призвалъ онъ ея — бѣднѣйшаго изъ бѣдняковъ — и съ нимъ ударилъ по рукамъ. Все дѣло приведено къ концу, и Гвальшьерн созвавъ пріятелей своихъ и подданныхъ, сказалъ имъ: Друзья! вы желали, чтобы я женился; исполняю желаніе ваше, болѣе въ угожденіе вамъ, нежели себѣ. Вы обѣщали починать супругу мою, каковъ бы ни былъ мой выборъ: — я сдержалъ мое слово — сдержите ваше. Объявляю вамъ, что здѣсь, въ сосѣдствѣ, нашелъ я себѣ невесту, обручусь съ нею немедленно и введу ее въ мой замокъ. Вы съ своей стороны приготовьте богатый пиръ

свадебный; придумайте, какъ лучше и достойнѣе принять супругу вашего владѣльца: однимъ словомъ, устройте все такъ, чтобы я былъ доволенъ вами, какъ вы моимъ выборомъ. — Всѣ въ одинъ голосъ отвѣчали, что выборъ его будетъ имъ по сердцу, что они будутъ любить и уважать его супругу, какого бы она ни была происхождения. — И весь домъ засуетился: начали приготавливать великолѣпный пиръ свадебный. Гвальтѣри пригласилъ множество прѣтелей, сосѣдей и родственниковъ: у богатыхъ за друзьями дѣла не спанешь. Наконецъ призываетъ къ себѣ горничную дѣвушку, росшу одинакаго съ будущею невѣстою, и велитъ кроить по ней платье пышное и уборы великолѣпные. Кромѣ того приготовлено всякой всячины; множество поясовъ богатыхъ, колецъ изумрудныхъ, серегъ яхонтовыхъ и вѣнецъ брачный: однимъ словомъ, все, что нужно для молодой. Наспалъ условный день, и Маркизь приведя всѣ дѣла въ порядокъ, сѣлъ на коня и сказалъ приближеннымъ: Государи мои, пора намъ опиравищся

за невѣстою. И всѣ поскакали веселою вереницею въ то селеніе, гдѣ жилъ отецъ нареченной. Она стояла у колодца и спѣшила вытаскивать вѣдра, надѣясь съ подругами идти на встрѣчу Маркизовой свадьбѣ, которая приближалась ближе и ближе къ селу. Гвальшіери называетъ ее по имени, *Гризельдою*, потомъ спрашиваетъ: гдѣ отецъ пивой? — Дома — отвѣчала она и покраснѣла, какъ алый макъ. Гвальшіери слѣзаетъ съ коня, приказываетъ толпѣ ожидать себя на улицѣ, а самъ идетъ прямо въ низкую хищину бѣднаго Жіанукола. — Я пріѣхалъ за *Гризельдою*, но прежде всего, хочу поговорить съ нею въ швоемъ присутствіи. Нравлюсь ли я? Если такъ, то будетъ ли она всю жизнь угождать мужу своему, никогда не огорчаться поступками его и повиноваться малѣйшей волѣ его? — *Гризельда*, пошупя глаза, отвѣчала: Буду безъ сомнѣнія! — Гвальшіери, довольный отвѣтомъ, беретъ ее за руку и при всей толпѣ провожающихъ и челяди своей, раздѣваетъ и наряжаетъ въ великолѣпныя брачныя одежды, а на волосы,

которыя одна природа до сихъ поръ убирала, торжественно надѣваетъ вѣнецъ брачный. Всѣ удивились. — Друзья, отвѣчалъ онъ, вотъ та дѣвица, которую желаю имѣть супругою, та, которая согласна жить и умереть со мною. Потомъ оборотясь къ Гризельдѣ, (а она опъ слыда и радости свѣта Божія не видѣла): правду ли я говорю, Гризельда? желаешь ли ты быть моею женою? — Желая, Государь, — Дѣло сдѣлано и обрядъ къ концу. По выходѣ изъ церкви посадили ее на богатаго коня и съ великою честію проводили въ замокъ. Пиръ былъ истинно великолѣпный, какъ будто Маркизь сочелся съ дочерью Короля Французскаго; а новобрачная, къ удивленію всѣхъ, съ нарядомъ перемѣнила нравъ, поступъ и душу. Мы сказали уже, что она была спашнаго роспу, пригожа и миловидна; а наряды еще болѣе придали блеску красотѣ ея. Она такъ умѣла цѣнить каждого обхожденіемъ, учтивостію, сердечною доброшою, что всѣ забыли въ ней дочь убогаго Жіанукола, паспущку овечекъ, и щипали за дочь

какого нибудь знашнаго Принца. Всѣ, ее знавшіе въ первобытномъ соспояніи, не могли надивиться. Крошость ангельская, послушаніе чудесное, дѣлали мужа ея щастливѣйшимъ изъ всѣхъ мужей.

Однимъ словомъ, съ подчиненными и подданными она обходилась такъ ласково, тихо, милоспиво и привѣп-ливо, что каждый полюбилъ ее, какъ душу. Всѣ говорили за одно, даже и тѣ, которые сей выборъ сперва оуждали, — что Гвальпieri поступилъ очень благоразумно, что онъ самый проицательный человекъ; ибо могъ опкрыть подъ сельскимъ, бѣднымъ рубищемъ столько доброшы, столько прелестныхъ качествъ! И не только въ Маркизствѣ Салуцкомъ, но повсюду Гризельда умомъ и поведеніемъ оправдала страннѣйшій поступокъ мужа своего. Въ теченіе перваго года она обрадовала его рожденіемъ прелестной дочери. Въ замкѣ по этому случаю былъ праздникъ великолѣпный.

Но Маркизу вздумалось испытать ангельскій нравъ и терпѣніе супруги прудѣйшими, жесточайшими опытами. Сперва началъ онъ оскорблять ее рѣчами, потомъ принявъ на себя видъ печальный и смущенный, сказалъ ей однажды, будто подданные его начинаютъ роптать за то, что онъ избралъ въ супруги бѣдную дѣвушку, низкаго сословія — а болѣе еще потому, что она родила дочь, а не сына. Не измѣняясь ни мало ни въ лицѣ, ни въ голосѣ: дѣлай что хочешь, Государь, отвѣчала оскорбленная — дѣлай то, чего требуетъ честь, польза и слава имени твоего. Я всѣмъ буду довольна; ибо не забываю, что была послѣднею изъ слугъ твоихъ; не забываю того, что ты для меня сдѣлалъ — для меня, бѣдной дѣвушки! — Такой отвѣтъ очень понравился Маркизу. Но, нѣсколько дней спустя, онъ объявилъ ей снова, что подданные его не могутъ болѣе терпѣть его дочери... и удалился. Вскорѣ является одинъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ его, и съ слезами на глазахъ, начинаетъ говорить: Простите, Государыня... но я подъ смертнымъ

спрахомъ долженъ исполнишь то, что мнѣ приказалъ супругъ вашъ... Онъ велѣлъ мнѣ взять младенца вашего, и....

И не могъ сказать болѣе. — Несчастная мать, услыша сіи несвязныя рѣчи, соображая ихъ съ тѣмъ, что говорилъ Маркизь, вмигъ на мрачномъ лицѣ служителя прочитала участь невиннаго младенца — бросилась къ колыбели, поцаловала дочь свою, благословила съ сердцемъ, исполненнымъ жесочайшей горести, и не измѣняясь ни мало въ лицѣ, вручила ее служителю. — Исполняй то, что предписалъ тебѣ господи нашъ; но умоляю тебя, не отдавай ее на жертву дикимъ звѣрямъ... если тебѣ это не предписано! — Служитель взялъ младенца на руки и скрылся. Гвальtierи свѣдавъ ошъ него, какимъ образомъ Гризельда исполнила строгое приказаніе, удивился ея твердости, но намѣренія своего не опложилъ. Съ вѣрнымъ слугею онъ немедленно отправилъ дочь свою въ Болонію, къ ближайшей родственницѣ своей, кошую умолялъ дать ей воспитаніе ош-

личное, но никому ни подь какимъ видомъ не объявлять о ея рожденіи.

Въ скоромъ времени Гризельда снова сдѣлалась матерью и даровала жизнь прекрасному мальчику. Опець, принимая на руки новорожденного, былъ въ себя онь радости: но не довольствуясь первымъ опытомъ, снова жеспочайшимъ терзаніемъ рѣшился испытать сердце несчастной супруги своей. — Поданные мои, сказалъ онь однажды, еще болѣе оскорблены съ тѣхъ поръ, какъ ты утѣшила меня сыномъ; они съ ужасомъ помышляютъ о томъ, что внукъ бѣднаго паспуха — опца твоего — будетъ ихъ господиномъ. Если я не удалю тебя и не возьму другой жены, то они выгонятъ меня изъ областей моихъ. — Съ терпѣніемъ и покорностію Гризельда выслушала слова супруга своего. Устройте все ко благу вашему; обо мнѣ же незаботыпесь нмало, Государь! Въ вашемъ щасіи заключается мое благополучіе. — Черезъ нѣсколько дней Гвальтѣри послалъ за новорожденнымъ и велѣлъ сказать ма-

шерн, что ему готовился одинакая участь съ прежнимъ младенцемъ; — а самъ, тайно отправилъ его въ Болонію къ прежней родственницѣ. Великодушная Гризельда перенесла эту потерю съ прежнею твердостью, безъ слезъ и роптанія, и въ глубинѣ сердца своего утаила несказанную горестъ машерн. Гвальшіери удивился. — Нытъ! повсюду онъ самъ себя, ни одна женщина не можетъ сравниться съ нею!

Подданные думали, что Маркизь велѣлъ умертвить дѣтей своихъ: всѣ оуждали его поступокъ, называли его жестокимъ ошцомъ, и безъ жалости не могли сморѣть на бѣдную мать. Женщины, ее окружавшія, часно плакали и сокрушались при ней объ участи невинныхъ малюшокъ, и она всегда говорила имъ: не плачьте, милыя подружки; вспомните, что такъ угодно было ошцу ихъ.

Прошло нѣсколько годовъ со времени рожденія дочери. Маркизь задумалъ сдѣлать послѣдній опытъ и объявилъ своимъ приближеннымъ, что не

хочетъ имѣть супругою Гризельду, что онъ по молодости лѣтъ обручился съ нею; наконецъ, признался, что поступилъ очень безразсудно, а чтобы загладить просиупокъ свой, рѣшается просить Папу о разводѣ и позволеніи обручиться съ другою. Всѣ осуждали намѣреніе Маркиза, но онъ былъ непоколебимъ.

Гризельда вскорѣ объ этомъ услышала. Возвратившись въ бѣдный домъ отца своего, снова сдѣлалась паспущкою овецъ, видѣвъ супруга своего, до сихъ поръ сипрасно обожяемаго, въ объятіяхъ другой жены... все это перзало, раздирало ея душу. Но она рѣшилась перенести послѣдніе удары судьбы съ прежнею твердосцію, съ прежнимъ великодушіемъ. Вскорѣ прибыло изъ Рима разрѣшеніе Папы (оно было подложное) и Маркизь его обнародовалъ. Призываютъ Гризельду и въ присушствіи многочисленной толпы жестокосердый Гвальніери говоритъ ей: Вотъ разрѣшеніе Папы на другой бракъ. Я долженъ опвергнуть тебя. Ты знаешь,

что многіе изъ подданныхъ моихъ дворянъ, знатные и сильные владѣльцы; они сами имѣютъ своихъ подданныхъ; а свои родичи всегда были земледѣльцами. . . . Тебѣ нельзя быть супругою Маркиза Салуцкаго! Возвращаю тебѣ приданое твое и тебя — опцу твоему: я избралъ себѣ другую въ супруги.

Гризельда превозмогла всю горестъ оскорбленной женщины и слясь удержавъ слезы и рыданія сказала голосомъ довольно твердымъ: — Я помню мое низкое происхожденіе, неприличное вашему знатному роду; помню, что по милости Бога и вашей, Государь, я была возведена на столь высокую степень, и что все мое щастіе было временное! Мое дѣло повиноваться слѣпо волѣ господина моего. Вотъ обручальное кольцо: возьмице его; но позвольте мнѣ возвратиться къ опцу моему въ той одеждѣ, въ кошорой прибыла я въ замокъ. Вамъ нѣчего возвращать мнѣ: ни золота, ни серебра, никакихъ сокровищъ я не принесла въ приданое; вы

взяли меня нагую, и, если мать дѣшей
вашихъ должна нагая возвратиться къ
престарѣлому отцу своему, — то она
исполнитъ волю вашу. Но, именемъ
любви и непорочности заключаю васъ,
Государь, дайте, ахъ! дайте мнѣ хотя
одно покрывало.... послѣднюю защиту
стыдливости.

Гвальіери, почти пронувшій до
слезъ, старался сохранить суровый и
спрогій видъ. Согласенъ на покрывало —
сказалъ онъ — но... больше ничего! — Всѣ
приближенные умоляли его дать ей по
крайней мѣрѣ одно платье. Какъ? гово-
рили они, супруга Маркиза Салуцкаго,
наша старая госпожа, явилася полу-
обнаженною посреди улицы, какъ нищя,
какъ преступница, какъ самая послѣд-
няя изъ женщинъ!... Напрасныя про-
сбы! — Полуобнаженная, безъ обуви, безъ
покрова на головѣ, съ распущенными
волосами, заливаясь горькими слезами,
она вышла изъ замка и сопровождаемая
бѣдниками слугъ и женщинъ, съ зар-
дѣвшимися отъ слезъ глазами, явилась
къ несчастному отцу. Жіануколо ни-

когда не хотѣлъ вѣрить, что дочь его останется Маркизою; онъ съ трепетомъ ожидалъ судьбы, ее постигшей, и свято сохранилъ рубища, оставленные ею въ бѣдномъ быту его. Съ слезами возвращаетъ ихъ дочери. Она, великодушная до конца, презирая судьбу несправедливую и жестокую, спокойно принимается за прежніе труды сельскіе, въ дому отеческомъ.

Между тѣмъ Маркизь немедленно объявляетъ, что сватаетъ за себя дочь славнаго Графа Панагскаго, приготавливаетъ великое торжество и — посылаетъ за Гризельдою. — Скоро будетъ въ замокъ моя невеста, говоритъ ей Гвальпіери, я желаю принятьъ ее съ великими почестями. Ты знаешь, что въ замокъ ни одна женщина, кромѣ тебя, не умѣетъ убирать покоевъ и учреждать порядка, для великаго торжества приличнаго. На тебя возлагаю эту обязанность. Учреждай, повелѣвай всѣмъ: пригласи заблаговременно женщинъ, какихъ тебѣ угодно; угощай, принимай ихъ, какъ хозяйка и попомъ —

можешь возвратиться въ свою хижину. Каждое слово, какъ острая игла, колото чувствительное сердце Гризельды; ибо она не преспавала обожать неблагодарнаго супруга.—Я на все готова, ошвѣчала спрадалица; и, въ сельскомъ рубищѣ, прежняя повелительница замка, начала убирать покои, разставляшь по заламъ креслы, распилашь ковры узорчатые, приговляшь споль и все, что было пошребно — какъ будто бы она была простая служанка или ключница. Однимъ словомъ, она рукъ не опускала, пока все не было кончено и распорядено опъ важной вещи до послѣдней бездѣлки. Гости приглашены: все готово, въ ожиданіи веселаго пира. И вотъ настаетъ день свадебный. Гризельда въ рубищѣ, но съ лицомъ веселымъ и привѣтливымъ, угощаетъ наѣхавшихъ женъ и дѣвицъ боярскихъ, какъ добрая, домовиная хозяйка. Гвальшіери тайно посылаетъ въ Болонію къ супругу родственницы своей Графини Панагской, у котораго въ домѣ воспитывались его дѣти; приглашаетъ его въ замокъ свой съ тѣмъ, чтобы онъ и

Графиня привезли съ собою дѣшей его и множество госпей почешныхъ, но никому не объявляли о его намѣреніи. Дочери Маркизовой минуло двѣнадцать лѣтъ: она была красошъ чудесной, а шешилѣшній брашъ ея походилъ на нее совершенно.

Графъ Панагскій, окруженный безчисленною толпою госпей почешныхъ, съ сими предешными дѣшми пущилъ въ пушъ и черезъ нѣскольکو дней прибылъ благополучно въ Салуццо, гдѣ собрались всѣ жишелъ деревень, сель и городовъ сосѣднихъ: всѣ ожидали съ нешерпѣніемъ нареченной невѣсны.

Пріемная зала опкрылась и невѣспу встрѣшили съ чрезвычайными почешпями и церемоніями. Гризельда вышла на встрѣчу и поклонясь ей низко примодвила: Добро пожаловать, Государыня! Всѣ барыни и дѣвицы идя къ столу упрашивали Маркиза удалишъ прежнюю жену, или, по крайней мѣрѣ, дашъ ей приличное плашье: Маркизъ не согласился.

Въ столовой взоры всѣхъ обрашались на невѣспу: всѣ превозносили ее

до небесъ, а иные шептали другъ другу: Маркизь нашъ сдѣлалъ выгодный обмѣнъ! Сама Гризельда стояла, какъ очарованная, и невольно дивилась красотѣ дѣвушки и малолѣтняго брата.

Наконецъ желанія Маркизовы были удовлетворены въ полной мѣрѣ. Онъ испыталъ всю силу терпѣнія Гризельды; онъ увѣрился, что ничто, никакое испытаніе не можетъ поколебать сей твердой души; что впередъ можетъ положить на нее всю надежду свою. Онъ рѣшился облегчить свинцовое бремя печали, которую она сносила въ глубинѣ сердца своего. Но проницательный супругъ легко угадывалъ ея грусть на лицѣ, въ самомъ голосѣ. При всемъ собраніи господей великъ онъ ей приблизился съ колкою улыбкою повторяетъ: Понравилась ли тебѣ моя невѣста? — Ахъ, какъ не понравилась, отвѣчала Гризельда; и если она столько же благоразумна, сколько пригожа, то вы будете счастливейшимъ супругомъ! Но. . . умоляю васъ, Государь, не терзайте ее, какъ прежнюю жену: она не пере-

несетъ такихъ мученій. Пренная супруга ваша отъ самой юности была знакома съ горемъ и трудами, а эта, вы сами видите, какъ еще молода и какъ нѣжно воспитана.

Гвальшери съ радостію замѣнилъ, что Гризельда находилась въ обманѣ и ни мало не измѣнилась въ добротѣ сердечной, подвинулъ стулъ и посадилъ ее возлѣ себя. Она запрепешала.

Гризельда, сказалъ Маркизь, по нѣкоторому молчанію, пора тебѣ собрать плоды терпѣнія твоего; пора открыть глаза твои, которые полагали, что я жестокъ и несправедливъ. Я достигъ моей цѣли; я научилъ тебя нести тяжель крестъ супружества и быть во всемъ примѣрною женою: подданныхъ научилъ уважать твои рѣдкія качества и, впередъ не нарушать нашего покоя. Вотъ вся цѣль моихъ испытаній. Въ награду за любовь твою, которую ты мнѣ доказала и словомъ и дѣломъ, безцѣнная Гризельда! въ награду за счастье мое, котораго ты была и будешь единственною виновницею, я оп-

даю все, что похитилъ у тебя, и всѣ раны сердца однимъ словомъ изцѣляю на вѣки. Вручаю ту, которую ты называла моею невѣстою, вручаю брата ея...они твои — они дѣти наши, а я снова твой супругъ, счастливѣйшій изъ смертныхъ!

Маркизь обнявъ ее съ восхищеніемъ, цаловалъ съ необыкновенною нѣжностію, и, разпрогнанную, утопающую въ слезахъ, повелъ къ удивленной дочери: всѣ были въ удивленіи неописанномъ. Женщины въ радости подхватили Гризельду подъ руки и повели въ особенную комнату, сняли рубище, надѣли великолѣпное платье и торжественно проводили въ залу.

Начался пиръ веселый. Всѣ были въ радости. Каждый выхвалялъ Маркиза, называлъ его мудрымъ, проникательнымъ, а Гризельду до небесъ превозносили. Наконецъ и гости разѣхались. Послали за бѣднымъ Жіануколомъ. Онъ былъ принятъ въ замкъ съ почестями и уваженіемъ, какъ пестъ богатаго владѣльца, и въ объятіяхъ до-

чери своей кончилъ щасливую старость. Маркизь не переспавалъ обожаешь свою Гризельду и былъ конечно щасливѣйшій супругъ и отецъ во всей Италіи.

Теперь вы согласитесь со мною, друзья мои, что въ христинѣ мы чаще встрѣчаемъ небесныя дарованія, то есть: добродѣтель, честность и терпѣніе, нежели въ палахахъ и шеремахъ великолѣпныхъ. Часто въ лачугѣ таишься тошъ, кто бы достоинъ былъ сіять въ коронѣ и повелѣвать людьми; а въ палахахъ — — — но оставимъ это! Спрашиваю только, кто сравняется въ терпѣніи съ Гризельдою? Кто, подобно ей, перенесетъ съ лицомъ спокойнымъ, даже веселымъ, жесточайшія, неслыханныя испытанія, какимъ подвергнулъ ее Гвальпіери? . .

XIV.

О ЛУЧШИХЪ СВОЙСТВАХЪ СЕРДЦА.

Масье, воспитанникъ Сикаровъ, на вопросъ: что есть благодарность? отвѣчалъ: память сердца. Прекрасный отвѣтъ, который еще болѣе дѣлаетъ чести сердцу, нежели уму глухонѣмаго Философа. Эта память сердца есть лучшая добродѣтель человѣка, и не столь рѣдка, какъ полагають нѣкоторые строгіе наблюдатели. Человѣкъ добръ по природѣ, кричалъ Женевскій мизантропъ, и клеветалъ общество: слѣдственно клеветалъ человѣка; ибо онъ созданъ жить въ обществѣ, какъ муравей, какъ пчела: всѣ его добродѣтели относительны къ ближнему, и отвлеченно онъ онаго существовать не можетъ, какъ рука, отдѣленная отъ тѣла. Человѣкъ есть созданіе злое,

говорятъ другіе моралисты, и приводятъ множество свидѣтельствъ о развратѣ и злобѣ сердца нашего; но я не вѣрю имъ и не могу вѣрить, чтобы общество походило на скопище свирѣпыхъ звѣрей. Живутъ ли шигры въ стѣ? строятъ ли города?—Нѣтъ. Ясное доказательство, что злоба не связывается, но разлучается. Кто живетъ въ обществѣ? Не злобныя созданія: голубь, муравей, бобръ, умный слонъ, и каждое изъ сихъ созданій имѣетъ какое нибудь *качество*, которое украшаетъ человека и есть одно изъ неизблѣмыхъ основаній общежительности.

Первый нашъ долгъ: благодарность къ Творцу. Но для исполненія его надобно начать съ людей. Провидѣнію угодно было связать чрезъ общество всѣ наши отношенія къ Небу. Быть виновникомъ бытія не есть достоинство передъ Богомъ и людьми; но принявъ младенца изъ рукъ матери въ минуту его рожденія, отъ колыбели до зрѣлыхъ лѣтъ служить ему защитою и опорою, передать ему въ наследіе имя, званіе, сокровища, землю праотцами воздѣлан-

ную: вотъ обязанность отца. Благодарность есть обязанность дѣтей. На подобныхъ взаимныхъ обязанностяхъ основано все благосостояніе общества. Вся основанія его суть *добро*, и чѣмъ болѣе добра, тѣмъ шверже его основаніе; ибо одно добро имѣешь здѣсь прочность и постоянность. Зло есть насильственное состояніе. Подъ шумомъ ли бури или при сладостномъ сіяніи солнца зрѣешь нравы? Какъ сила плодородія имѣешь свое основаніе въ теплотѣ, такъ сила гражданственности основана на добрѣ.

Многіе умы наблюдали человека въ одномъ тѣсномъ кругу, въ которомъ дѣйствовали сами. Ларошфуко, остроумнѣйшій изъ писателей остроумнаго вѣка, основалъ мораль свою на подобныхъ наблюденіяхъ. Но я спрашиваю: если бы Напуроиспытатель глядѣлъ на муравья, во время его странствованія за былинкою или за зерномъ, наблюдалъ его ссоры съ товарищами, а забылъ заглянуть въ огромное гнѣздо, гдѣ все имѣешь видъ порядка, стройности, гдѣ

всѣ части относящяся совершенно одна къ другой и составляющъ прекрасное цѣлое: по какое произнесъ бы онъ сужденіе о шрудолобивомъ насѣкомомъ? Вошь, что сдѣлалъ Ларошфуко, говоря о человѣкѣ и наблюдая за нимъ въ прихожей Тюльерійскаго замка. Но прихожая не есть вселенная, и человѣкъ придворный не есть лучшій изъ людей.

Впрочемъ, меня никакъ не увѣришь, чтобы чувство благодарности было слѣдствіемъ нашего эгоизма, и я не могу постигнуть добродѣтели, основанной на исключительной любви къ самому себѣ. Напрошивъ того, добродѣтель есть пожертвованіе добровольное какой нибудь выгоды; она есть опреченіе отъ самаго себя. Есть добродѣтели уму принадлежащія, другія сердцу: благодарность, лучшая изъ нашихъ добродѣтелей, или вѣрнѣе, отголосокъ многихъ душевныхъ качествъ, принадлежащихъ сердцу. „Ты мнѣ сдѣлалъ добро: слѣдовательно я тебя люблю,“ такъ говоришь благородное сердце. Эгоистъ иначе: „ты мнѣ сдѣлалъ до-

бро; но будешь ли мнѣ дѣлать добро и впредь? добро, ꙗкобою сдѣланное, не пребудешь ли пожертвованій съ моею стороны?“ Вотъ слова эгоиста; они совершенно противны благодарности, которая ꙗкъ прелестнѣе, ꙗкъ свяшѣе, чѣмъ менѣе разсуждаешь, чѣмъ менѣе торгуешься съ пользою личною, и болѣе предается одному сердечному движенію.

Сердца, одаренныя глубокою или раздражительною чувствительностію, часто не знаютъ середины; для нихъ все есть зло или добро: видяшь совершенный порядокъ въ обществѣ, или отсутствіе онаго — скорѣе послѣднее. Чувствительный человѣкъ, страдавшій въ теченіи всей жизни, дѣлается наконецъ мизантропомъ, и убѣгаетъ въ дремучіе лѣса отъ взоровъ людей неблагодарныхъ. Тамъ возноситъ онъ клеветы на все человѣчество, оскорбившее его сердце, и въ гнѣвъ своемъ забываетъ, что онъ самъ есть человѣкъ, то есть, созданіе слабое, доброе, злое и нераз-

судимельное; лучъ Божества, заключенный въ прахъ; существо, поработенное всѣмъ стихіямъ, всѣмъ измѣненіямъ нравственнымъ и физическимъ. Но пусть мизантропъ приведетъ себѣ на память всю жизнь свою отъ колыбельныхъ дней до той спральной эпохи, когда сердце его воскликнуло въ гнѣвъ: „человѣкъ золь и люди подобны пиграмъ!“ пусть приведетъ онъ на память и младенчество, и юношество, и зрѣлый возрастъ, въ которомъ воля и разумокъ начинали заглушать голосъ спрасшей; пусть онъ спроситъ себя: или я не нашелъ добрыхъ и честныхъ людей, въ теченіе цѣлой жизни? или я лучше и добрѣе всѣхъ людей, имѣю всѣ добродѣтели и всѣ качества, и чуждъ спрасшей, и чуждъ всего низкаго и порочнаго? Нѣтъ, скажешь ему разумокъ и опытъ: и ты человѣкъ, и ты заплашилъ человѣчеству данъ пороковъ, слабости и спрасшей; ты не ангель, ты и не чудовище. Опытъ и разумокъ показываютъ намъ рѣдкія добродѣтели, и часто въ сердцѣ порочномъ наблюдаешь чудеса нравствен-

ныхъ съ неизъяснимою радостію открываетъ яркіе лучи душевной доблести: великодушіе, спраданіе, презрѣніе къ корысти и тысячу прелестныхъ качествъ, копорыя примиряють его съ порочнымъ и съ Небомъ, создавшимъ челоѡка не для однихъ преступленій.

Кто изъ насъ, отложивъ всѣ предразсудки и всѣ предубѣжденія, не сощитаемъ нѣсколько примѣрныхъ людей, утѣшившихъ собою челоѡчество? Не станемъ искать героевъ добродѣтели въ Исторіи; поищемъ ихъ вокругъ себя — и найдемъ конечно! — Курцій бросился въ пропасть, но Римъ на него смотрѣлъ. Леонидъ обрекаетъ себя смерти, но все Опечесиво (и какое Опечесиво? Спарша!) объ немъ въ страхъ и надеждѣ. Долгорукій раздираетъ роковую бумагу въ присутствіи разгнѣваннаго Монарха; но онъ совершаетъ подвигъ свой въ Сенатѣ, окруженный великими людьми, достойными его и перваго Владыки въ мірѣ. Прекрасные подвиги, достойные подражанія и слезъ удивленія — недокупныхъ, сладостныхъ,

божественныхъ слезъ! — Теперь спрашиваю: если мы удивляемся великимъ дѣламъ на великомъ поприщѣ, — если вѣруемъ добродѣтели, швердоси душевной, безкорыстію въ великихъ обстоятельствахъ, то по чему не вѣруемъ имъ въ малыхъ? Добродѣтель подъ спудомъ не есть ли добродѣтель? Бѣдный, который дѣлился послѣдними крохами съ нищимъ, сеспра милосердія, въ душевной больницѣ стоящая съ сосудомъ врачеванія при ложѣ врага ея Опечесива; смѣлый и чело-вѣколюбивый врачъ, испытующій свое искусство и терпѣніе въ дальней хижинѣ дровосѣка, безъ свидѣтелей своего добраго дѣла, кромѣ одного въ небесахъ и другаго въ груди своей: всѣ эти люди, обреченные забвенію, не суть ли добродѣтельные люди? И потѣ, кто безпри-спраспною рукою начертываетъ имена ихъ въ книгѣ судебъ, не напишетъ ли ихъ на ряду съ именами Говарда, Ласъ-Казаса, Еропкина и другихъ людей, которыхъ добродѣтель и чело-вѣчесво называютъ *своими*. Монпанъ замѣшилъ справедливо, что лучшіе подвиги хра-

бросши теряются въ неизвѣстности; одинъ похищаетъ знамя: имя его гремитъ въ рядахъ, но сотни неуспѣвшихъ погибли передъ нимъ и кругомъ его.... Перенесите сей порядокъ въ міръ правдивенный. Ласъ-Казасъ спасаетъ любезныхъ своихъ Американцевъ отъ рабства: онъ безсмертенъ; бѣдный Миссіонеръ въ снѣгахъ Канадскихъ бродитъ изъ шалаша въ шалашъ, изъ степи въ степь; окруженный смертію, проповѣдуетъ Бога и утѣшаетъ спраждущихъ: какихъ? семью дикаго или изгнанника, живущаго на неизвѣстномъ берегу безъ имени рѣки или озера: сей смиренный воинъ Христа не есть ли великій человекъ въ полномъ правдивенномъ смыслѣ? Но къ чему намъ переноситься въ дальнія страны? Здѣсь, кругомъ насъ, кто не испыталъ, что есть добрые люди, что въ обществѣ есть добродѣтели рѣдкія, среди сиротъ, среди разврата и роскоши: одно злое сердце можетъ въ нихъ сомнѣваться; одно жестокое сердце не находило сердецъ нѣжныхъ.

И въ спирахъ опдаленныхъ и въ
 дебряхъ, незнакомыхъ взорамъ человека,
 родятся цвѣты: на дикихъ берегахъ
 Амура, среди мховъ и болотъ выхо-
 дитъ прелестный цвѣшокъ, до сихъ
 поръ неизвѣстный любопытному ис-
 пытателю природы; медлительно распу-
 скается онъ подъ крошкимъ вѣянiемъ
 лѣшняго вѣтерка; наконецъ, украшенiе
 пустыни, цвѣшокъ увядаетъ: —

Въ пустынномъ воздухѣ шеря запахъ свой!
 Но сѣмена его, падая на землю, раз-
 цвѣтаютъ съ первою весною въ но-
 вой красотѣ, въ новомъ убранствѣ.
 Вотъ истинная эмблема сей доб-
 родѣтели, неизвѣстной человѣкамъ,
 но непошериной для человѣчества;
 ибо ничто доброе здѣсь не теряется,
 подобно какъ ни одна былинка въ при-
 родѣ: все имѣетъ свою цѣль, свое на-
 значенiе; все принадлежитъ къ вѣчно-
 му и пространному чертежу, и захо-
 дитъ въ соснахъ цѣлаго въ правдивен-
 номъ мiрѣ. Въ роскошномъ Парижѣ, въ
 многолюдномъ Лондонѣ и Пекинѣ таже
 самая сумма, или тоже количество

добра и зла, по мѣрѣ пространства, какое и въ юртахъ кочующихъ народовъ Сибири, или въ землянкахъ Лапландцевъ. Добродѣтельный старецъ (Мальзербъ) защищаетъ Монарха, покинутаго друзьями, родственниками, дворянствомъ, цѣлымъ народомъ; онъ защищаетъ его подъ лезвиемъ мечей, при проклятіи озлобленныхъ тирановъ: (но въ виду вседенной, и, такъ сказать, въ присутствіи полномъ): въ эту же самую мину, сдѣлаемъ сіе предположеніе, Лапландецъ пробѣгаетъ на лыжахъ необъятное пространство, въ прескучный морозъ, среди ужасной выюги: зачѣмъ? Чѣлобы принести нѣсколько пищи бѣдному семейству друга своего, утѣшить больную вдову и спасти отъ явной смерти груднаго младенца. Мальзербъ и Лапландецъ равны передъ тѣмъ, кто ихъ создалъ, равны передъ лицомъ Добродѣтели и Правосудія небеснаго: оба жертвуютъ жизнью для добраго дѣла.

НѢЧТО О МОРАЛИ,

Основанной на философии и религии.

Есть необыкновенная эпоха въ жизни; нѣкоторые ранѣе, другіе позже испытали мученіе и сладость, ей особенно свойственныя. Я хочу говорить о томъ времени, въ которое человѣкъ, посредствомъ опыта и спрасшей, получаетъ новое нравственное существованіе; когда разодравъ завѣсу сомнѣній, онъ открываетъ новое поприще, становится на новый рубежъ, озираетъ съ него прошекшее и будущее, сравниваетъ одно съ другимъ и рѣшается прошекать остальное поприще жизни съ свѣтильникомъ вѣры или мудрости, оставляя за собою предразсудки легкомыслія, суешныя надежды и тому блестящихъ призраковъ юности.

Скоро и невозвратно исчезаетъ юность, это время, въ которое чело-
вѣкъ, по щасливому выраженію Кан-
темира, *еще новый житель міра сего*,
съ любопытствомъ обращаетъ взоры
на природу, на общество и пребудетъ
однихъ сильныхъ ощущеній; онъ съ жаж-
дою пьетъ тогда въ источникъ жиз-
ни, и ничто не можетъ утолить сей
жажды: нѣтъ границы наслажденіямъ,
нѣтъ мѣры пребываніямъ души, новой,
исполненной силы и необслабленной ни
опытностію, ни трудами жизни. То-
гда все дѣлается спрашнію, и самое
чтеніе. Щасливъ тотъ, кто найдетъ
наставника опытнаго въ оное опасное
время, наставника, коего попечитель-
ная рука отклонитъ отъ порочнаго и
суешнаго; щасливъ тотъ еще болѣе,
кого сердце спасетъ отъ заблужденій
разсудка: ибо въ юности сердце есть
лучшая порука за разсудокъ. Одна опы-
тность даетъ разсудку и силу и дѣ-
тельность. Во время юности и огнен-
ныхъ страстей каждая книга увлекаетъ,
каждая сиспема принимается за исти-
ну, и чуждась, неруководимый раз-

умомъ, подобно гражданину въ бурныя времена безначалія, переходящъ то на одну, то на другую сторону. — Сомнѣніе не существуетъ и не можетъ существовать; ибо оно уже есть слѣдствіе сравненія, для котораго нужны понятія, цѣлый запасъ воспоминаній. Тѣ моралисты, которые говорятъ сердцу, одному сердцу, тѣ подлишки, которые нападаютъ софизмами на всѣ предразсудки безъ изъятія и поражаютъ зло стрѣлами сатиры или палецѣмъ желѣзнаго человека, * не взираютъ ни на лица, ни на условія и законы общества, суть самыя опаснѣйшіе. Блескъ остроумія исчезаетъ; одно убѣдительное краснорѣчіе спрасней, или возбуждающее ихъ, оставляетъ въ сердцахъ сіи глубокіе слѣды, часомъ неизгладимые. **

Но время чтенія исчезаетъ; ибо пресыщенное любопытство утомляетъ.

* Сммотри мечшанія Мерсье подъ названіемъ: l'An 2440.

** Вотъ по чему чтеніе Вольтера менѣе развращало умовъ, нежели пламенные меч-

ся. За симъ слѣдуетъ непосредствен-
но эпоха сомнѣній. Сомнѣніе мучитель-
но; оно есть необыкновенное состоя-
ніе души, и продолжительно не бы-
вается. Надобно рѣшиться мыслящему
человѣку принять свѣдѣніи мудро-
сти (той или другой школы); надоб-
но запаснись мудростию человѣческою
или небесными утѣшеніями; ибо онъ
видитъ, онъ чувствуетъ, что для са-
мой ограниченной дѣятельности въ об-
ществѣ, надлежитъ имѣть нѣсколько
постоянныхъ нравственныхъ истинъ
въ опору своей слабости. Къ неща-
стію, — или къ счастью можетъ быть,
ибо кто извѣдалъ всѣ пути Промысла?
— мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, въ
которомъ человѣческая мудрость не-
доспапочна для обыкновеннаго круга
дѣятельности самаго проснаго граж-

данія и блестящіе софизмы Руссо: одинъ
говоритъ безпрестанно уму, другой сердцу;
одинъ угождаетъ суеисти и скоро упо-
мляетъ оспроуміемъ; другой никогда не мо-
жетъ наскучить, ибо всегда плѣняетъ, всегда
убѣждаетъ или прогаетъ: онъ во сто разъ
опаснѣе.

данина: ибо какая мудрость можешь утѣшить несчастнаго въ сіи плачевныя времена, и какое благородное сердце, чувствительное и доброе, станеть довольствоваться сухими правилами Философін, или захочеть искать грубыхъ земныхъ наслажденій посреди ужасныхъ развалинъ столицъ, посреди развалинъ еще ужаснѣйшихъ — всеобщаго порядка, и посреди спраданій всего человѣчества, во всемъ просвѣщенномъ мірѣ? Какая мудрость въ силахъ дать постоянныя мысли гражданину, когда зло торжествуетъ надъ невинностію и правотою? Какъ мудрости не обмануться въ своихъ математическихъ расчетахъ (ибо всякая мудрость человѣческая основана на расчетахъ), когда всѣ ея замыслы сами себя уничтожаютъ? Къ чему прибѣгаетъ умъ, пребывающій опоры? Къ какимъ постояннымъ правиламъ, или расколамъ древней или новой Философін, по какой системѣ расположить свои поступки, связанные столь тѣсно съ ходомъ идей политическихъ, превращающихся и шап-жихъ? и что успокоитъ его? Какіе

свѣтскіе моралисты внушаютъ сію надежду, сіе мужество и постоянство для настоящаго времени споль печальнаго, для будущаго споль грознаго? Ни одинъ, смѣло отвѣчаю: ибо вся мудрость человѣческая принадлежитъ вѣку, обстоятельствамъ. Она подобна тѣмъ пѣжнымъ растеніямъ, которыя прозябаютъ, цвѣтутъ и украшаются плодами подъ природнымъ небомъ, но въ землѣ чуждой; окруженныя несвойственными растеніями, при вѣянніи малѣйшаго вѣтерка, скудѣютъ листьями и вянутъ безпрестанно. Слабость человѣческая неизлечима, вопреки Стоикамъ, и всѣ произведенія ума его носятъ отпечатокъ оной. Признаемся, что смертному нужна мораль, основанная на небесномъ Откровеніи; ибо она единственно можетъ быть полезна во всѣ времена и при всѣхъ случаяхъ: она есть щипъ и колые добраго человѣка, которыя не ржавѣютъ отъ времени.

И къ чему всѣ опыты мудрости человѣческой? Къ чему совѣты наблюденія зоркаго разума? Достаточно ли

они для человѣчества вообще и для
человѣка частно во время его стран-
ствованія по бурному морю жизни? Къ
чему, напримѣръ, сельскому жителю
вся мудрость и опытность Дюкло? Къ
чему тонкія замѣчанія Ларошфуко, ко-
шораго книга, по словамъ и самихъ свѣп-
скихъ людей, сушитъ сердце? Къ чему
всѣ эти испины, основанныя на ложныхъ
понятіяхъ? Ибо для мудрецовъ сихъ
и дружба, и любовь, и чувство сына къ
отцу, и нѣжнѣйшее чувство матери къ
своему рожденію, однимъ словомъ, благо-
дарность, безкорыстіе и все, что чело-
вѣчество имѣетъ драгоцѣннаго, прекра-
снаго, великаго, всѣ позывы великой
души, всѣ невольныя движенія и тай-
ныя пожертвованія благороднаго сер-
дца, — все есть слѣдствіе *корысти*.

Другіе свѣпскіе моралисты повшо-
ряди одиѣ и тѣже мысли, или (напр.
Гельвецій) давали имъ обширнѣйшее
распространеніе, но вѣчно ложное.*

* Число понятій моральныхъ и политиче-
скихъ — говоритъ Ансильонъ — весьма ограни-
чено; вообще мало понятій въ обращеніи:

Они опечалили человечество, они ограбили его, сіи дерзкіе и суешные умы: ибо что говорили они? *Будь счастливъ по нашимъ правиламъ.* — Согласенъ, слѣдую имъ слѣпо; но я все не доволенъ ни судьбою, ни сердцемъ своимъ. Что же мнѣ остается? — Терпѣніе, отвѣчали они, и отсылали насъ къ Стоикамъ.

Вопль, въ чемъ совершенно заключается вся нравственная теорія новѣйшихъ мечтателей, которую опровергъ другой мечтатель*, опиступникъ опъ вѣры, опиступникъ опъ философіи. Ни слова въ утѣшеніе; ибо гдѣ обрѣсти его? Въ совѣсти! кричали они. — Согласенъ; но кто утѣшилъ эту мать, прижавшую къ груди своей шрепешаго младенца, бѣгущую изъ столицы, объятую пламенемъ? Кто утѣшилъ этого отца, супруга, который подъ развалинами дома своего осматриваетъ все, что имѣлъ: и дѣтей,

Каждое поколѣніе выбиваетъ монету, или, лучше сказать, перемѣняетъ только штемпель, а мѣталъ все тотъ же. —

* Руссо.

и жену, и всѣ блага жизни, всѣ надежды свои? Здѣсь совѣсть будетъ существо отрицательное. Она будетъ спокойна у невиннаго страдальца, но слезы его продлются на прахъ разрушеннаго счастья....взоры его обращаясь къ небу; тамъ найдетъ онъ отвѣтъ на вопросы опечаленнаго сердца, или оно погибнетъ: здѣсь нѣтъ середины.

Стоическая система ложна, ибо мораль ея основана на одномъ умствованіи, на одномъ отрицаніи; она ложна по тому, что безпрестанно враждуетъ съ нѣжнѣйшими обязанностями семейственными, которыя основаны на любви, на благоволеніи. Пусть будетъ она лучшая изъ древнѣйшихъ системъ: ибо она внушаетъ человѣку твердость, мужество, постоянство, безъ которыхъ нѣтъ добродѣтели; ибо она указываетъ смертному высокую цѣль и Бога наконецъ отрицая жизни, проведенной въ правдѣ, въ трудахъ, въ отрицаніи самого себя; но сердцу—она ничего не сказываетъ. Всѣ моральныя истины должны менѣе или болѣе къ нему отно-

сится, какъ радіусы къ своему центру; ибо сердце есть источникъ страстей, пружина моральнаго движенія. Умъ долженъ имъ управлять; но и самый умъ (у людей щасливорожденныхъ) любитъ, опираясь ему опчетъ, и сей опчетъ ума сердцу есть то, что мы осмѣлимся назвать лучшимъ и нѣжнѣйшимъ цвѣтомъ совѣсти.* Есть другой родъ моралистовъ: они принадлежатъ къ школѣ Эпикуровой. (Новѣйшіе тѣ, которые не руководствовались истинами Откровенія и повторяли только ска-

* Вошъ въ чемъ заключали все ученіе Стоики: „Есть Богъ, слѣдственно Онъ создалъ человека. Онъ создалъ его для себя, создалъ таковымъ, чтобы онъ содѣлался *правосуднымъ и щастливымъ* на земли; слѣдственно человекъ можетъ познать истину и можетъ посредствомъ *мудрости своей* возвыситься до Бога который есть верховное благо“ — Мы приглашаемъ прочесть опроверженіе Моншана системы Эпикуровой, и Паскалево опроверженіе Моншана и Эпикуры. Христіанскій мудрецъ сравниваетъ обѣ системы; заставляетъ бороться Моншана съ Эпикуризмомъ и обоихъ поражаетъ неопровержимыми доводами. —

занія древнихъ.* Французскіе Писатели осьмагонадесять вѣка большею часпію расположили мораль свою по ученію сего мудреца; они желали распростираніе ея вліяніе на всѣ сословія, на всѣ случаи жизни, могущіе постигнуть человека въ обществѣ. Система Эпикурова заключается въ слѣдующемъ предложеніи: „Человѣкъ не можетъ возвыситься до Существа Верховнаго; его склонности безпрестанно пропиворѣчаютъ закону: онъ влечется невольно къ видимымъ благамъ и ищетъ въ нихъ благополучія, даже въ вещахъ самыхъ гнуснѣйшихъ. И такъ, все не вѣрно: истинное благо подлежитъ сомнѣнію, и это ведетъ насъ къ познанію, что не можно имѣть постояннаго правила для нравовъ, ни точности въ наукахъ.“ Монтанъ, великій защитникъ сего, представляетъ намъ Стоическую добродѣ-

* Во всемъ, говоритъ Монтанъ (если не ошибаюсь), мы влечемся по слѣдамъ древнихъ, какъ малые дѣти за школьнымъ учителемъ на гуляньѣ. Въ недавнемъ времени въ Германіи воскресили всю мечтательную Философію Платона подъ другимъ именемъ.

шелъ въ видъ ужаснаго пугалища; а *свою* науку называетъ игривою, числосердечною, простою и проч. Слѣдуя тому, что ей правится, говоритъ онъ, играешь она небрежно съ дурными и щасливými случайностями жизни, покоится сладостно на лонѣ праздности, откуда показываетъ людямъ путь къ истинному на землѣ благополучію. Невѣденіе и нелюбопытство, восклицаетъ онъ, — вотъ два мягкія изголовья для головы щасливо образованной!

Убѣжденная въ сей истинѣ толпа Философовъ Эпикурейцовъ, отъ Монтаня до самыхъ бурныхъ дней революціи, повсюду челоуѣку: Наслаждайся! Вся природа твоя: она предлагаетъ тебѣ всѣ сладости свои, всѣ упоенія уму, сердцу, воображенію, чувствамъ; все, кромѣ надежды будущаго, все твое, минушное, но вѣрное. — Но гдѣ же сіи сладости, сіи наслажденія безпрерывныя, сіи дни безоблачныя, сіи часы и минушны, соотканые усердною Паркою изъ нѣжнѣйшаго шелка, изъ злата и розъ сладострасція? гдѣ они,

спрашиваешь саснолюбивый въ шн-
шинъ спрасней своихъ. Гдѣ и что та-
кое эти наслажденія, убѣгающія, обман-
чивыя, непоспоянныя, оправленныя сла-
бостію души и шѣла, помраченныя,
воспоминаніемъ, или грустнымъ пред-
видѣніемъ будущаго? Къ чему ведутъ
эти суешныя познанія ума, науки и
опышность, шрудомъ пріобрѣшенныя? —
Нѣтъ опвѣша, и не можешь бышь!

Заглянемъ въ самое сердце челоѣка
просвѣщеннаго и шаспливаго по поня-
тіямъ міра. Напримѣръ: кто былъ про-
свѣщеннѣе и шаспливѣе Горація, и кто
спрадалъ подобно ему? Природа дѣлала
его, какъ любимое дитя свое. Мы зна-
емъ его жизнь. Судьба, испытавшая его
въ юности, осыпала всѣми дарами и
славы и богатства въ зрѣлыя лѣта.
Дружество Августа и Мецената, на-
слажденія роскошнаго двора, общее ува-
женіе къ великому таланту, здоровье
неизмѣняющее, друзья любезные сердцу
и уму, и въ вѣрности подобныя благо-
склонной форшунѣ, прелестныя жен-
щины, гошовыя увѣчашь миршами

любимца Монархова и Музы, и что
 всего лучше, мудрость, удовлетвори-
 тельная для всех случайностей ща-
 стия, мудрость, которая открыла
 золотую середину во всех вещах;
 истинный философский камень: чего бы
 не доспавало? Но щастливцев, при
 всех дарах фортуны, при всей Фило-
 софии, скучаль; ибо сердце челове-
 чское имѣетъ нѣкоторый избытокъ
 чувствъ, который не рѣдко бываетъ
 источникомъ живѣйшихъ терзаній. На-
 слаждение насъ съѣдаетъ, говоритъ Мон-
 танъ; сердце скоро пресыщается. „Юно-
 ша, наливающий Фалерское, дай горь-
 каго!“ восклицаетъ Капула, увѣчан-
 ный розами, пресыщенный на пирше-
 ствѣ:

*Minister vetuli, puer, Falerni
 Inger'mi calces amariore.*

Такъ создано сердце человеческое;
 и не безъ причины: въ самомъ высочай-
 шемъ блаженствѣ, у источника наслаж-
 деній, оно обрѣтаетъ горечь. И это
 испыталъ Горацій. Нигдѣ не могъ онъ
 найти спокойствія: ни въ влажномъ
 Тибурѣ, ни въ цвѣтущемъ убѣжищѣ

Мецената, ни въ градѣ; ни въ объятіяхъ любовницы, ни въ самыхъ наслажденіяхъ ума и той Философіи, которую украсилъ онъ неувядаемыми цвѣтами своего воображенія; ибо если Науки и Поэзія услаждаютъ нѣсколько часовъ въ жизни, то не оставляютъ ли онѣ въ душѣ какой-то пуспошы, которая охлаждаетъ насъ къ видимымъ предметамъ и набрасываетъ на природу и общество печальную тѣнь? *

* „Въ Египтѣ я зналъ жреца, который, истощивъ всю жизнь свою на познаніе начала и конца вещей міра сего, сказалъ мнѣ съ глубокимъ вздохомъ: горе тому, кто захочетъ снять покрывало съ лица природы! горе тому, для кого уже не существуетъ то очарованіе, которое предразсудки и нужды навели на предметы міра! Вскорѣ душа его, поблеклая и томная, въ самой жизни найдетъ ничтожество, ужаснѣйшее изъ всѣхъ наказаній. При сихъ словахъ слезы навернулись на глазахъ, и онъ сокрылся въ густотѣ лѣса.“ — *Путешествіе младшаго Анахарсиса.*

Это шаткое состояніе души нерѣдко бываетъ извѣстно людямъ добрымъ и образованнымъ. Что избавитъ ихъ отъ сего мученія? — Религія.

Гдѣ же истинное блаженство? Увидимъ далѣе. — Мы испытывали, что Эпикурейцы не обрѣли его за чашею наслажденія, ни Стоики въ безстрастїи и въ непреклонной суровости нравовъ; (ибо человѣкъ созданъ любить). Ни кто не нашелъ блаженства: ни умный, ни сильный, ни богатый въ черпкахъ, ни бѣдный въ хижинѣ своей; ибо и тотъ, кто блистаетъ въ пурпурѣ, и тотъ, кто таетъ всю жизнь свою въ убогомъ шалашѣ, говоритъ Гораций, не могутъ назваться счастливыми.

Гдѣ же это совершенное благополучіе, котораго пребудетъ сердце, какъ шло пищи? Оно нигдѣ не находится вполнѣ, опивчаешь опытность всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Человѣкъ есть странникъ на земли, говоритъ святой Мужъ: чужды ему грады, чужды веси, чужды ливы и дубравы: гробъ его жилище во вѣкъ. — Боишься почему всѣ системы и древнихъ и новѣйшихъ недостаточны! Онѣ ведутъ человека къ блаженству наемнымъ путемъ и никогда не доводятъ; Систематики забываютъ, что

человѣкъ, сей царь лишенный вѣнца, бро-
шенъ сюда не для щасія мнущаго; они
забываютъ о его высокомъ назначеніи,
о которомъ Вѣра, одна святая Вѣра ему
напоминаетъ. Она подаетъ ему руку
въ самыхъ пропастяхъ, изрытыхъ спра-
стиями или непріязненнымъ рокомъ;
она изводитъ его невредимо изъ пре-
волнений жизни, и никогда не обману-
ваетъ: ибо она переноситъ въ вѣчность
всѣ надежды и все блаженство чело-
вѣка. Лучшіе изъ древнѣйшихъ Писа-
телей приближились къ симъ вѣчнымъ
испинамъ, которыя святое Ошкровеніе
явило намъ въ полномъ сіяніи. —

И горе тому, кто отвращаетъ взоры
свои! Собственное сердце его накажетъ:
чѣмъ оно чувствительнѣе, чѣмъ благо-
роднѣе, тѣмъ болѣе и сильнѣе будутъ
его терзанія; ибо ни дары щасія, ни
блескъ славы, ни любовь, ни дружество,
ни что не удовлетворитъ его вполне.
Въ новѣйшія времена Руссо, одаренный
великимъ Геніемъ, тому явный и кра-
снорѣчивый примѣръ. Онъ нигдѣ не
обрѣталъ благополучія; ибо всю жизнь

искалъ его не тамъ, гдѣ надлежало. Слава учинилась ему бременемъ, люди и общество ненавидимыми: ибо онъ оскорбилъ ихъ неограниченною гордостію. Любовь земная не могла насытить его жаднаго сердца; самая дружба его терзала. Оскорбленный, расщербанный всѣми спрашьями, онъ покидалъ общество, претовалъ щастія въ объятіяхъ природы, вопрошалъ безмолвные лѣса, скипался при шумѣ клубящихся водопадовъ, въ часы румянаго утра и прохладнаго вечера; но не могъ успокоить своего сердца. Въ обществѣ напрасно облекается онъ въ мантію Сшонковъ, напрасно подражаетъ имъ въ швердосши; собственное сердце ему измѣняется. Одна религія могла утѣшить и успокоить спрадальца; онъ зналъ, онъ чувствовалъ эту истину, и жертва неизлечимой гордостши, оплоная безпрестанно главу свою ошъ легкаго и спасительнаго ярма. Красно-рѣчивый защитникъ истины (когда истина не противорѣчила его спрашьямъ), пламенный обожатель и жрецъ добродѣтели, посреди величайшихъ за-

блужденій своихъ, какъ часто измѣнялъ онъ и добродѣтели и испины! Кто соорудилъ имъ великолѣпнѣйшіе алтари, и кто оскорбилъ ихъ болѣе въ теченіи жизни своей и дѣломъ и словомъ? Кто заблуждался болѣе въ лабиринтѣ жизни, неся свѣшлыникъ мудрости человѣческой въ рукѣ своей? Ибо свѣшлыникъ сей недоспапочень; одинъ лучъ Вѣры, слабый лучъ, но постоянный, показываетъ намъ вѣрнѣе путь къ истинной цѣли, нежели полное сіяніе ума и воображенія.

Покланяясь добродѣтели и измѣняя ей, бывъ почишателемъ испины и не обрѣшая ее, — вопль плачевный удѣлъ нравственности, которая не опирается на якорь Вѣры. Одно заблужденіе рождаетъ другое. Руссо началъ софизмами, кончилъ ужасною книгою; — онъ пожелалъ оправдаться передъ людьми, какъ передъ Богомъ, со всею искренностію человѣка глубоко распроганнаго, но гордаго въ самомъ униженіи, тогда, когда надлежало исповѣдывать тайны единому Верховному Существу,

не съ гордостію мудреца, который укоряешь природу въ своихъ слабостяхъ, но съ смиреніемъ Христіанина. Одинъ Богъ можетъ пребывать опъ насъ подобной исповѣди; люди не достойны оной. И что же? Оправдывая себя, онъ оскорбилъ и дружество, и любовь, и родство, и все, что человѣчество имѣетъ священнаго, заветнаго для души благородной; онъ оскорбилъ пѣни своихъ друзей, давно забытыхъ согражданами, оскорбилъ ихъ самымъ несправедливымъ приговоромъ по невѣденію: ибо истина на землѣ одному Богу известна. Кто пребоваъ у него сихъ признаній, сей спрашию повѣсти цѣлой жизни? Не люди, а гордость его. Какое право имѣлъ онъ повѣдать міру о слабостяхъ женщины, которой дружество, столь нѣжное, столь безкорыстное, усладило юность и успокоило тревожимое сердце мечтателя? Такъ! Человѣкъ, рожденный для добродѣтели, учинилъ спрашное преступленіе, неслыханное доселѣ, и это преступленіе родила мудрость человѣческая... Десятицѣтній опрокъ, который поминишь

своей Капихизисъ, можетъ уличить его въ эпомъ пресупленіи. Боже великій! что же такое умъ человѣческій въ полной силѣ, въ совершенномъ сіяніи, исполненный опытности и науки? Что такое всѣ наши познанія, опытность и самыя правила нравственности безъ Вѣры, безъ сего путеводителя и зоркаго, и строгаго, и снисходительнаго? *

* Безъ смѣха и жалости нельзя читать признаній Женеваго мечтателя. Я не стану выписывать шѣхъ мѣстъ изъ книги его, которыя могутъ оскорбить нравственность самую свѣтскую, самую снисходительную: ихъ множество. Но одно мѣсто меня забавляетъ болѣе другихъ, когда я воображаю себѣ защитника правъ человѣчества и Философіи, столь лакомаго въ молодости своей. У Г. Мабли, въ Ліонѣ, если не ошибаюсь, исправляя должность учителя и наставника, онъ любилъ отдыхать въ своей комнатѣ и пить вино, заѣдая пирожками: шутъ нѣтъ еще большаго зла; но вино было краденое... Дѣло сдѣлано! говоритъ Философъ: *malheureusement je n'ai jamais pu boire sans manger... mais aussi quand j'avais ma petite brioche, et que bien enfermé dans ma chambre, j'allais trouver ma bouteille au fond de l'armoire; quelles bonnes petites buvettés je faisais là tout seul en lisant quel-*

Вѣра и правдивость, на ней основанная, всего нужнѣе Писателю. Закаленные въ ея свѣщальникѣ мысли его становящіяся постояннѣе, важнѣе, сильнѣе, краснорѣчіе убѣдительнѣе; воображеніе при свѣтѣ ея не заблуждается въ лабиринтѣ созданія; любовь и нѣжное благоволеніе къ человѣчеству дадутъ прелесть его малѣйшему выраженію, и Писатель поддержитъ достоинство человека на высочайшей степени. Какое бы попріище онъ ни протѣкалъ съ своею Музою, онъ не унижитъ ее, не оскорбитъ ея спыдливости, и въ памяти людей оставитъ пріятныя воспоминанія, благословенія

ques pages de roman! Можно ли удержаться отъ смѣха? Гдѣ тутъ достоинство человека и мудреца? О слогъ ни слова. Въ такомъ случаѣ слогъ есть вѣрное выраженіе души. И эпосъ человекъ имѣлъ столько любезныхъ качествъ, столько небесныхъ дарованій! И эпосъ человекъ чувствовалъ всю прелесть Религіи, и благотѣльное вліяніе оной на общество и на человека частнаго! — Чего недоставало ему? Постояннаго убѣжденія, менѣе гордости и спрасшей, болѣе разсудительности и смиренія.

и слезы благодарности: лучшая награда таланту.

Невѣріе само себя разрушаетъ, говоритъ краснорѣчивый Квинтиліанъ нашихъ временъ, который знаетъ всю слабость гордыхъ вольнодумцевъ: ибо онъ всю молодость свою провелъ въ станѣ непріятельскомъ. Одна Вѣра создаетъ мораль неизблемую. Священное Писаніе, продолжаетъ онъ, есть хранилище всѣхъ истинъ и разрѣшаетъ всѣ запрудненія. Вѣра имѣетъ ключъ отъ сего хранилища, замкнушаго для коварнаго любопытства; Вѣра обрѣтаетъ въ немъ свѣтъ спасительный. Невѣріе приноситъ въ него собственныя мраки, которые бывають тѣмъ гуще, чѣмъ они произвольнѣе. Чтобы быть выше другихъ людей, оно становится на высоты, окруженныя пропастями. Опшуда взоръ его, смущенный и блуждающій, смѣшиваетъ всѣ предметы. Невѣріе мыслитъ обладать орлинымъ окомъ, и ничего не различаетъ. Не случилось ли вамъ путешествовать при первыхъ лучахъ денницы путемъ, проложеннымъ

по высокимъ горамъ, когда пары, отъ земли восходящія, проскирають со всехъ сторонъ шумную завѣсу, скрывающую горизонтъ, гдѣ изображается множество мечтательныхъ предметовъ, отъ смѣшенія свѣта со тьмою происходящихъ? По мѣрѣ того, какъ вы сходите съ высотъ, сіе облако земное рѣдѣетъ, разсѣвается; вы проникаете чрезъ него и находите на себѣ малые слѣды влаги, скоро изсыхающей. Тогда открывается и расширяется предъ вами необъемлемый горизонтъ: вы видите близъ лежащія горы, жавы и спада ихъ покрывающія, селенія человѣческія и холмы надъ ними возвышенныя; вся природа вамъ отдала снова: вотъ эмблема невѣрія и Вѣры. — Сойдите съ сихъ высотъ невѣрія, гдѣ вы ходите около пропастей неизмѣримыхъ, гдѣ взоръ вашъ встрѣчаетъ одни призраки; сойдите, говорю вамъ; призванные и поддержанные смиренною Вѣрою, идите прямо къ симъ облакамъ, обманчивымъ, восходящимъ отъ земли (они скрываютъ отъ васъ истину и являютъ одни обманчивые образы); сойдите и

пройдѣше сквозь сію ничтожную, преграду паровъ и призраковъ; она успѣла въ вамъ безъ сопротивленія; она исчезла — и ваши взоры обрѣшутъ необъемлемую перспективу истинъ, всѣхъ удовольствій сего земнаго жилища и горъ лазурь небесную. —

Но для насъ исчезли всѣ призраки мудрости человѣческой. Къ счастью нашему мы живемъ въ такіе времена, въ которые невозможно колебаться человѣку мыслящему; стоимъ только взглянувъ на происшествія міра и потомъ углубимся въ собственное сердце, чтобы твердо убѣдиться во всѣхъ истинахъ Вѣры. Весь запасъ остроумія, всѣ доводы ума, логики и учености книжной истощены передъ нами; мы видѣли зло, созданное надменными мудрецами, добра не видали. Щастливые обитатели обширѣйшаго края, мы не участвовали въ заблужденіяхъ племенъ просвѣщенныхъ: мы издали взирали на громы и молніи невѣрія, раздробляющіе и тронъ Царя и алтарь истиннаго Бога; мы взирали съ ужасомъ на

плоды нечесливата вольнодумства, на
вольность, водрузившую свое знамя
посреди окровавленных пруповъ, на
человѣчество униженное и оскорблен-
ное въ священнѣйшихъ правахъ сво-
ихъ; съ ужасомъ и съ горестію мы взи-
рали на успѣхи нечесливыхъ легіоновъ,
на Москву дымящуюся въ развалинахъ
своихъ; но мы не теряли надежды на
Бога, и ениамъ усердія курился не
тщешно въ кадильницѣ Вѣры, и слезы
и моленія не тщешно проливались пе-
редъ Небомъ: мы воспоржесствовали.
Оборотъ единственый, безпримѣрный
въ лѣтописяхъ міра! Легіоны *непобѣ-*
димыхъ запрепешали въ свою очередь.
Копье и сабля, окропленные святою
водою на берегахъ тихаго Дона, заевер-
кали въ обители нечесія, въ виду
храмовъ *разсудка, братства и вольно-*
сти, безбожіемъ сооруженныхъ: и знамя
Москвы, Вѣры и чести водружено на
мѣстѣ величайшаго преступленія про-
тивъ Бога и человѣчества. *

* Назадъ тому нѣсколько лѣтъ Шатобріанъ
сказалъ: „храбрость безъ Вѣры ничтожна. —

Faut-il encore, faut-il vous rapeller le cours
Des prodiges sans nombre accomplis en nos jours?

Должно ли приводить на память послѣднія чудеса, новыя покушенія злобы и невѣрія, и сіяющее поржесство невинности, человеколюбія и Религіи? Сколько уроковъ уму! Сердце въ нихъ пужды не имѣешь.

Съ зарею наступающаго мира, котораго мы видимъ сладостное мерцаніе на горизонтѣ политическомъ, просвѣщеніе сдѣлаешь новые шаги въ Отечество нашемъ: снова процвѣтуть промышленность, Искусства и Науки, и всѣ сладостныя надежды сбудутся; у насъ, можемъ быть, родятся Философы, Политики и Моралисты, и, подобно свѣдѣльникамъ Эдмбургскимъ, долгомъ поспавяя основаніе ученіе на истинахъ Евангелія, крошкихъ, посюйныхъ и

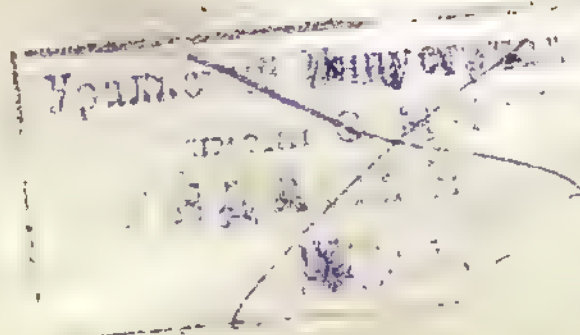
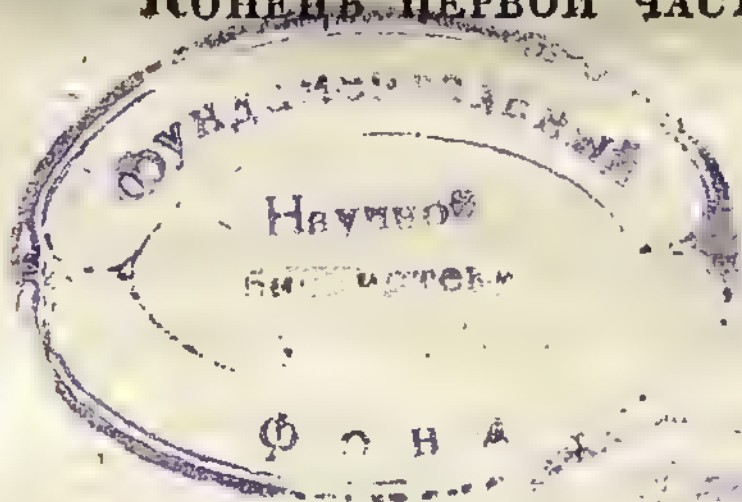
Посмотримъ, что сдѣлають наши вольнодумцы противъ Козаковъ грубыхъ, непросвѣщенныхъ, по сильныхъ Вѣрою въ Бога? "... Всѣ журналисты вступились за честь оскорбленной великой націи (la grande nation); но предсказаніе сбылось.

незыблемыхъ, доспойныхъ великаго на-
рода, населяющаго страну необозримую;
доспойныхъ Великаго человека, имъ
управляющаго!

Итъ въ мѣрѣ царства такъ пространна,
Гдѣбъ можно шоль добра творишь! *

* Державинъ.

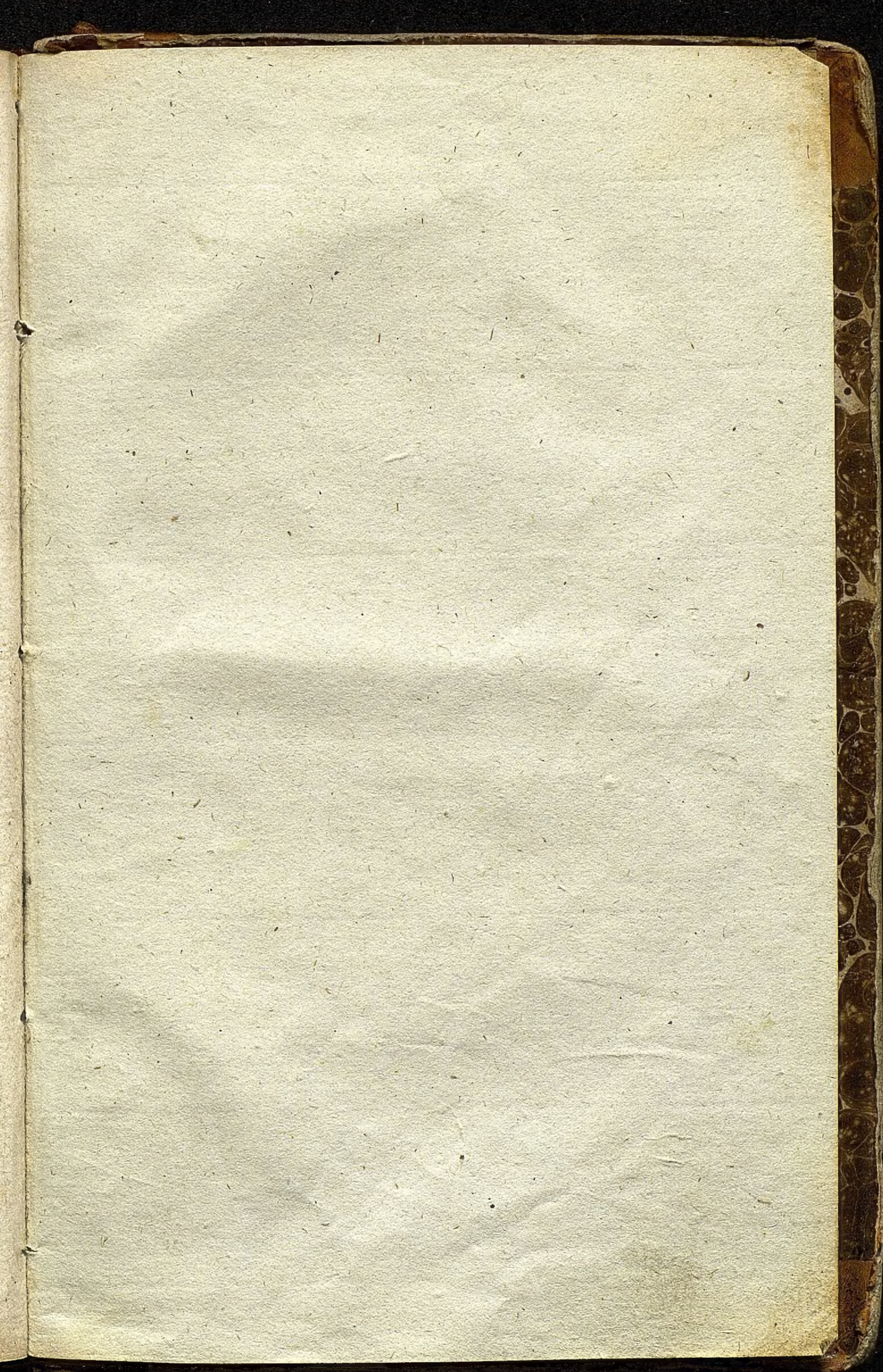
Конецъ первой части.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

I.	Рѣчь о вліяніи легкой Поэзіи на языкъ	1
II.	Нѣчто о Поэзіи и Поэсахъ	24
III.	О Характерѣ Ломоносова	40
IV.	Вечеръ у Каптемира	50
V.	Письмо о сочиненіяхъ М. Н. Му- равьева	81
VI.	Прогулка въ Академію Художествъ	114
VII.	Отрывокъ изъ писемъ о Финляндіи	159
VIII.	Письмо изъ замка Сирей	174
IX.	Двѣ Аллегоріи	196
X.	Похвальное слово Сну	204
XI.	Тассъ и Аріостъ	233
XII.	Пешарка	252
XIII.	Гризельда, Повѣсть изъ Боккачіо	276
XIV.	О лучшихъ свойствахъ сердца	297
XV.	Нѣчто о Морали, основанной на Религіи и Философіи	250

30p

